

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: СИМБИОЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ

**Посвящается памяти
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора
Витрука Николая Васильевича**

Белгород, 2020

ББК 67.400
УДК 342
К 65

Ответственный редактор –
профессор М.В. Мархгейм

К 65 Конституционализм: симбиоз науки и практики : Материалы Международного круглого стола, посвященного памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 6-10 ноября 2020 г.). – Белгород, 2020. 210 с.

ISBN 978-5-6045810-0-1

В настоящем издании систематизированы материалы Международного круглого стола, а также цикла мероприятий, ежегодно проводимых в юридическом институте НИУ «БелГУ» в ноябре в знак уважения и памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Витрука Николая Васильевича.

Материалы адресованы научным и практическим работникам, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется теоретическими и практическими проблемами конституционализма.

ISBN 978-5-6045810-0-1

ISBN 978-5-6045810-0-1

© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Тонков Е.Е.	ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	6
Мархгейм М.В.	ОБНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ: КЛАССИКА ДОКТРИНЫ И НОВАТОРСТВО ПРАКТИКИ	16
Макогон Б.В.	ПРАВОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ	24
Стус Н.В. Макогон Б.В.	ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЪЕКТИВИРОВАНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	28
Безуглая А.А.	НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СФЕРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА	32
Гелуненко В.В.	СВОБОДА СЛОВА В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	37
Гуторова А.Н.	ПРАВООГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ЗАНЯТИЯ ДОЛЖНОСТЕЙ ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ И ДЕПУТАТА	43
Косолапова Н.А. Хмелевская И.Г.	К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ КАК ОБ ОДНОЙ ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	46
Кротов А.В.	КЛАССИЧЕСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?	50
Кутько В.В. Новицкий Б.И.	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ» В СОВРЕМЕННОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ	55
Кутько В.В. Снытникова Е.Н.	ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОДАЧИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН	58
Кутько В.В. Турубарова А.С.	«ВОЛОНТЕРЫ ПОБЕДЫ» – ХРАНИТЕЛИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	62
Никонова Л.И. Подмоков Н.М.	ГЕНДЕРНО-ЧУТКИЙ ПАРЛАМЕНТ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ОН ДЛЯ РОССИИ?	66
Нифанов А.Н.	КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ШЕЛЬФ И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА В КАТАЛОГЕ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	71
Новикова А.Е. Поданева О.Л.	РИСКИ РАНЖИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА	75

Сушков А.В.	К ВОПРОСУ О ДЕФИНИРОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ КОНСТИТУЦИОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ	81
Албутиф Мохаммед Аднан Каркан	ИСЛАМСКАЯ ПРАВОЗАЩИТНАЯ СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ КОНФЛИКТА ИНТЕГРАЦИОННЫХ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	84
Андреев С.Д.	ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ В РОССИИ: ПРОВЕРКА ВЫБОРАМИ	88
Грицюк М.	ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ	95
Дорофеев А.В.	КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В 20-30 ГОДЫ	102
Иванов С.А.	ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО УРОВНЯ	108
Квасова О.А.	УЧЕНИЕ М.И. СВЕШНИКОВА О ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ	112
Конарева И.А.	ВЗГЛЯДЫ К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА НА ОРГАНИЗАЦИЮ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	115
Кулишенко Е.А.	СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В МИРЕ И В РОССИИ	119
Троян В.А.	ВИДЫ СОВРЕМЕННЫХ ГАРАНТИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА	127
	НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВИТРУК В ИССЛЕДОВАНИЯХ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ	
Богданова Е.Е.	ВИТРУК НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ: УЗНАВАЯ, РАВНЯЕМСЯ	131
Нестеренко В.В.	ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ Н.В. ВИТРУКА И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	134
Фирулин Н.Д.	ВИТРУК НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – УБЕЖДЕННЫЙ НОВАТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ	137
Бабина В.О.	СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ПРИЗМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВOK	141
Васильева А.Е.	ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	146

Галингер Э.С.	ОХРАНА И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ПРИМЕРЕ СВИДЕТЕЛЯ И ПОТЕРПЕВШЕГО	153
Галшоян А.А.	ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС ИЛИ ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ МЕРА?	159
Гарбузов А.Б.	РАЗГРАНИЧЕНИЕ ИНФОРМИРОВАНИЯ И АГИТАЦИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	164
Гребенкин А.Ю. Гузеев М.Н.	ИНСТИТУТ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	168
Гуськова Д.А.	ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	173
Коваль К.К.	К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	178
Крайнюкова А.А.	НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МОЛОДЁЖНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	183
Настоящая С.А.	ПРИНЦИП ПРИОРИТЕТА ПАЦИЕНТА В ПРАВОВОМ СТАТУСЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ	187
Нестеренко В.В.	ПРАВООЩИТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ	190
Новицкий Б.И.	ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СПОРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	197
Репникова А.Д. Тарланова Н.Г.	ВОЛОНТЕРСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ	201
Хлебникова Т.С.	ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА КАНДИДАТОВ	206

Тонков Евгений Евгеньевич,
директор юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Белгород, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация. В статье с позиции проблем конституционно-правового обеспечения рассматривается функциональное содержание процесса управления государством. Сделан вывод, что осуществление правового обеспечения государственного управления предполагает и обуславливает наличие особого управляющего механизма в виде различных учреждений и организаций. Данный механизм представляет собой определенный комплекс социальной регуляции, располагающий специфическими стимулами, методами и средствами управления деятельностью государственных органов и общественных организаций. Соответствующая этому система мер для обеспечения выполнения поставленных задач включает как юридические нормативы и административно-дисциплинарные меры, так и методы общественного воздействия.

Ключевые слова: функции государства, управление государством, государственная деятельность, правовое обеспечение государственного управления, государственные органы.

Николай Васильевич Витрук (1937 – 2012), выдающийся российский государственный деятель и правовед, сыгравший ведущую роль в становлении и развитии белгородской юридической научной школы, уделял огромное внимание проблемам конституционно-правового обеспечения управления государством, справедливо подчеркивая, что «вершиной (фундаментом, ядром) российского права является конституционное право, имеющее публично-правовую природу и надотраслевой характер» [1, с. 24].

Важнейшей задачей при этом является стабилизация условий осуществления общественно значимой деятельности граждан, учитывая, чтобы сам ее процесс, получаемые рубежные и окончательные результаты не изменяли мотивационное и целевое содержание государственной деятельности, а способствовали их упрочению.

Типология функций управления государством может быть основана на стадиях (элементах) управленческого процесса (постановка цели, планирова-

ние, организация, контроль и др.). Вид деятельности возможно полагать функцией системы государственного управления только в том случае, если она с объективной необходимостью охватывает (в силу требований достижения общей цели государства) предмет своего воздействия как систему, и, во-вторых, если архитектура деятельности приобретает системообразующий характер.

Функции государственного управления связаны со стадиями управления. Процесс управления государством обладает цикличностью, в связи с чем каждый единичный цикл, а, следовательно, и процесс в целом проходят ряд стадий (конструктивное управление, оперативное управление и результирующее управление). На всех стадиях управленческого цикла осуществляется получение, обработка и передача информации. Понятно, что в реальном процессе управления стадии цикла не выражены так явно и границы между ними достаточно условны. На стадии оперативного управления необходимо корректировать цели, вносить соответствующие изменения в планирование, осуществлять прогноз обстановки. Контроль и анализ также присутствуют на всех стадиях цикла.

Теория управления предлагает различные подходы к классификации управленческих функций.

В.Г. Афанасьев к основным функциям управления относил выработку и принятие управленческого решения, организацию, регулирование и корригирование, учет и контроль, сбор и преобразование информации. Отвечая на вопрос о том, сколько же всего функций управления и каковы они, В.Г. Афанасьев указывал, что на этот вопрос нет и не может быть однозначного ответа, так как «количество и содержание функций зависит от того, на какой основе они классифицируются» [2, с. 72].

Он подчеркивал, что функции управления в значительной степени совпадают с этапами, стадиями управленческого цикла: этап предварительного управления весьма близок функции подготовки и принятия управленческого решения; оперативное управление объединяет функции организации и регулирования, а контроль, являющийся заключительным звеном цикла, соответствует функции учета и контроля.

Н.В. Витрук рассматривал конституционный контроль как средство охраны и защиты конституции, отмечая, что деятельность «органов публичной власти по охране и защите конституции составляет одно из направлений их основных функций либо самостоятельную, дополнительную функцию» [1, с. 48].

Чем сложнее система функций управления, чем она дифференцированнее, тем острее перед государством обозначается проблема совершенствования управления как внутри каждой функции, так и в межфункциональном аспекте. Теоретически совершенствование правового обеспечения государственного

управления не только отражает факт объективной трансформации функций, но и ориентирует на научный прогноз перспектив развития системы управления.

По мнению У. Мастенбрука, задача субъекта управления «состоит в том, чтобы помогать регулировать отношения между людьми, уменьшая вероятность деструктивных конфликтов и напрасных затрат энергии» [3, с. 221].

Вместе с тем, определенный уровень напряжения может оказаться выгодным и благотворным ввиду того, что определенный баланс между соперничеством и сотрудничеством внутри общества помогает сохранять его целостность и конкурентоспособность. Мы рассматриваем функции государственного управления в системе, адекватно отражающей деятельность государства. Если в первой возможной классификации функций управления содержится n_1 подклассов, во второй – n_2 и т. д., а в последней n_m подклассов, то «дерево» логически возможных подклассов функций, отличающихся хотя бы одним признаком, содержит $N\varepsilon = n_1 \cdot n_2 \cdot \dots \cdot n_m$ ветвей, где m – число возможных классификаций функций. В этом случае каждой ветви «дерева» может быть поставлена в соответствие одна из функций государственного управления.

Функциональное содержание правового обеспечения государственного управления выражается не только рассматриваемой функцией, но и ее структурными компонентами, среди которых мы выделяем диагностико-профилактический, прогностический, информационно-аналитический, организационно-ограничительный, локализирующий, стабилизирующий, стимулирующий и контрольно-надзорный.

Диагностико-профилактический компонент обусловлен необходимостью своевременного выявления признаков необходимости корректирования ситуации. Чем раньше субъекту управления становится известно об этом, тем больше времени и возможностей остается для инициации и организации процесса создания новых или отмены устаревших правовых норм. Диагностика включает сбор и анализ информации о ситуации в стране и ее регионах, о характере ее развития, оценку проанализированных данных, выводы о возможных перспективах и мерах по организации управления. Диагностичность является общим требованием к разработке целей и задач государственного управления и означает определенное описание целей и способов их выполнения, измерения и оценки. Если требование диагностичности не выполнено (то есть диагностический компонент не реализован), то дальнейшие действия заранее обречены на низкую эффективность.

Диагностика включена в практическую деятельность государственных органов по правовому обеспечению управления. К сожалению, в повседневной практике нередко обнаруживается именно их диагностическая несостоятельность. Часто лишь случай позволяет вовремя обнаружить признаки развиваю-

щейся неблагополучной ситуации, так как у сотрудников органов государственной власти нередко отсутствует не столько профессионализм, сколько психологическая установка на подобную диагностику.

Прогноз ситуации в стране или регионе является обязательным элементом государственной деятельности. Его содержание отличается от юридического прогнозирования, т.е. систематического и непрерывно ведущегося исследования будущего состояния государственно-правовых процессов, темпов их протекания и конкретных сроков осуществления, результатом которого становятся прогнозы развития правовых явлений [4, с. 7].

Прогнозирование имеет ключевое значение для обеспечения активной государственной политики, направленной на предварительное, целенаправленное выявление проблемы и планомерное, рационально упорядоченное ее решение. Такая политика является безусловной альтернативой пассивному подходу, при котором социальные проблемы обнаруживаются на поздних стадиях развития, когда они уже приобретают характер национального бедствия.

Комплексные прогнозы, включающие криминологическое, социологическое, политическое, медицинское прогнозирование, – это всегда определенные статистические сведения и прогностическая информация о будущем развитии изучаемого явления. Результаты прогнозирования служат основой для того, чтобы дать предварительную оценку, а затем спрогнозировать и предложить обоснованные проекты регулирования и локализации негативных процессов. Применение прогнозирования обеспечивает своевременное направление деятельности государства на достижение сформулированных в программных документах (стратегиях и концепциях) целей и приоритетов общества.

Как отмечает С.В. Поленина, «социальная характеристика качества закона предполагает не только адекватное отражение в нем происходящих в обществе процессов, но их проецирование на будущее, прогнозирование возможных путей развития» [5, с. 15].

В настоящее время реализация прогностического компонента может рассматриваться как не имеющая методического обеспечения, соответствующего его значимости. В прогностике принято разделять объект на его взаимозависимые «профильную» и «фоновую» части. В данном случае под профилем подразумевается основное содержание ситуации, а в качестве фона выступает факторный комплекс, оказывающий влияние на параметры профиля.

Цель прогнозного анализа – локализация факторного комплекса, оказывающего деструктивное влияние на развитие ситуации.

Адекватность объекта задачам прогнозного анализа обеспечивается:

- ♦ оценкой специфики развития ситуации;
- ♦ относительной полнотой и прогнозной ориентацией содержания объекта

и его профильной части;

- ♦ созданием реальных предпосылок для контроля ситуации путем анализа тенденций фонового комплекса и состояния.

Временной интервал прогноза определяется логикой решаемых задач и может колебаться в пределах от нескольких часов до года. Вместе с тем, полученные результаты анализа и прогнозного сценария должны интерпретироваться на более длительную перспективу и выявление долгосрочных тенденций по значимым переменным, а также принимать во внимание исходные данные дополнительных прогнозов и общей экспертной оценки обстановки в регионе.

Особенностью прогнозного анализа является его отличие от других исследований, которое заключается не столько в предвидении будущих событий, сколько в выявлении тенденций тех или иных негативных процессов.

Информационно-аналитический компонент концентрирует выявление и обеспечение взаимосвязи между различными факторами, оказывающими воздействие на развитие правового обеспечения государственного управления, своевременное определение ведущих ориентиров и приоритетов, формулирование предложений по совершенствованию государственной политики.

Учитывая, что формирование теоретических основ правового обеспечения государственного управления достаточно часто предполагает изучение и использование ранее неизвестных объектов, в основе которых находятся новые факты и закономерности, информационно-аналитический компонент способствует реализации содержащегося в нем достаточно высокого «эвристического потенциала».

Основным объектом эвристики выступают задачи, связанные с принятием решений в условиях нестандартных проблемных ситуаций, от которых может быть проведена гипотетическая параллель к организации управления. Рассмотрение эвристического потенциала государственной политики может дать принципиально новые результаты, которые нельзя получить с помощью традиционных методов решения проблемных ситуаций.

Информационное обеспечение формирования основ правового обеспечения государственного управления осуществляется в следующих аспектах:

- ♦ *нормативно-правовом*, поскольку без создания и совершенствования соответствующих законодательных актов невозможно обеспечить решение поставленной задачи;
- ♦ *научно-методическом*, где сосредоточивается комплекс научно обоснованных методов правового обеспечения государственного управления;
- ♦ *содержательно-социальном*, которое обеспечивает необходимые материальные и социальные условия развития общества.

Анализ занимает среди функций государственного управления особое место: с него начинается и им заканчивается любой управленческий цикл, состо-

ящий из последовательно взаимосвязанных функций. В процессе анализа ситуации следует учитывать, каким образом государственное управление будет воздействовать не только на интеллектуальную, но и на мотивационно-потребностную и эмоционально-волевую сферы общества, планировать действия по предотвращению и нейтрализации негативных факторов, определять формы и методы позитивного влияния на ситуацию с учетом недостатка времени и ресурсных возможностей.

По словам А.В. Малько, «в конечном счете, любое управленческое решение сводится в целом ни к чему иному, как к альтернативе информационных средств: «да» (стимул) или «нет» (ограничение)» [6, с. 111].

Информационно-аналитический компонент обеспечивает одновременно и решение задачи конструирования процесса государственного управления. Ее логическим итогом является принятие нормативного правового акта.

Организационно-ограничительный компонент означает непосредственное применение субъектом управления в лице государства и его органов методов и средств предупреждения, выявления или пресечения неблагоприятной ситуации на основе результатов аналитического обобщения итогов использования предыдущих компонентов. Осуществление организационно-ограничительных мер предполагает совершенствование действующего законодательства, разработку новых нормативно-правовых актов.

Изучая кооперативные тенденции в современном обществе, М. Дойч обращал внимание, что кооперация сама по себе не является панацеей [7]. Как считает А.И. Донцов, в ряде случаев она может быть даже «преждевременна», и тогда нивелировка различий, акцентирование сходных позиций не только отрицательно скажутся на решении совместной проблемы, но и породят излишние трения. Переиначив выражение М. Дойча, он так выражает смысл этого предостережения: узы кооперации до тех пор хороши, пока результативны и не обременительны [8, с. 49].

Поэтому представляется очевидной необходимость усиления управленческой природы кооперационных связей в современном государстве, что достигается повышением взаимозависимости структурных подразделений и адекватным ростом социально-правовой активности граждан. Такой подход изменяет отношения ответственности, повышая уровень ответственности личности перед обществом, наполняя государственную политику позитивным мотивационным содержанием.

Управление государством всегда связано с воздействием на поведение людей. С помощью организационно-ограничительного компонента государство не только устанавливает правовые ограничения, но и обеспечивает единство управляющих и управляемых звеньев, их взаимопонимание в ходе решения по-

ставленной задачи, позволяет упорядочить управляемую систему, нейтрализовать отрицательные воздействия среды, инициирует влияние позитивных факторов, побуждает граждан к законопослушному поведению.

Локализирующий компонент обусловлен тем, что во всех случаях развитие неблагоприятной ситуации имеет пространственные и временные границы. Пространственные границы определяются территорией, на которой она возникает и развивается. Временные границы связаны с продолжительностью и динамикой развития.

Развитие различных регионов протекает с разной степенью интенсивности. Важной задачей государства является решение проблем по стабилизации ситуации и поддержании ее на минимальном уровне в том случае, когда полное преодоление невозможно. Интенсивность, как и любой другой параметр, характеризующий общественное явление, имеет свой собственный механизм развития, объективные и субъективные составляющие в системе факторов и условий, ее определяющих, общие предпосылки и причины, действующие в каждом конкретном случае. Интенсивность развития ситуации, нуждающейся в дополнительном правовом обеспечении, определяется не только влиянием эффективностью соответствующей государственной политики, ее взаимообусловленностью с социальной политикой страны.

На уровне официальных документов государство нередко исключает гражданское общество из арсенала значимых ресурсов решения общих проблем, что представляется не вполне корректным. Успешное достижение целей управления возможно только при наличии контроля за процессом деятельности. Поэтому контроль представляет необходимый элемент управленческой системы, фактически является механизмом обратной связи. Непрерывные методы контроля позволяют своевременно получать обратную связь в виде информации, которая служит для отслеживания текущей деятельности и любых отклонений, что позволяет государству предпринимать корректирующие меры. Таким образом, контроль за надлежащим исполнением законов и других нормативно-правовых актов – это не просто изучение информации, но и помощь в организации юридического сопровождения, устранении выявленных недостатков.

В упрощенном понимании контроль представляет собой совокупность наблюдений и проверок процесса деятельности объекта с целью устранения его отклонений от заданных параметров. Сущность контроля в сфере правового обеспечения государственного управления заключается в том, что соответствующие органы законодательной, исполнительной, судебной властей, используя организационно-правовые способы и средства, выясняют порядок и законность функционирования тех или иных структур, принимают меры к устранению недостатков и привлечению к ответственности виновных должностных лиц.

Эффективный контроль позволяет судить о фактическом положении дел, о том, как осуществляется исполнение законов и подзаконных актов, различных ведомственных инструкций и положений. Контрольная информация играет большую роль в организации деятельности системы органов исполнительной власти, определении профессионального мастерства и юридической грамотности управленческих кадров.

Следует обратить внимание на особую функцию социального контроля, которая заключается в воспроизводстве приоритетных общественных отношений и социальных структур (групповых или государственных). Во многих исследованиях обществу отводится роль объекта контроля, а социальные структуры представлены в качестве субъекта управления и принуждения. На самом деле это не так, и подобное представление о механизме социального контроля чревато односторонностью. Взаимодействие объекта и субъекта контроля – более сложный процесс, чем силовое размещение индивидуальных качеств в «прокрустовом ложе» социального стандарта. Получая информацию о фактическом положении дел на местах, государство и само претерпевает существенные изменения, обусловленные необходимостью реагировать на имеющиеся в жизни реалии.

Стимулирующий компонент реализуется в течение всего времени осуществления управленческих взаимодействий государства и общества. Без него содержание процесса государственного управления не может быть достаточно актуальным. Именно благодаря ему управление приобретает свойство целостности в организационном плане, обеспечивая взаимодействие субъектов управления как по поводу процессуально-содержательных компонентов, так и на уровне взаимных отношений общества и государства. Проблема взаимодействия как инвариантной характеристики практически снимается при успешной реализации рассматриваемого компонента.

Как отмечает Ю.А. Тихомиров, стимулы становятся органическим элементом многих правовых норм, а стимулирующие «средства» нередко охватывают и гипотезу, и диспозицию, как бы сливая их в синтезирующей структуре нормы. В этом случае у нормы существуют два элемента – стимулируемое поведение и поощряющий результат. Вместо привычного третьего элемента (санкции) прочное место занимает нормативно-фиксированное поощрение [9, с. 77].

Институт поощрения в праве выступает одним из наиболее эффективных способов регулирования поведения субъектов и стимулирования социально значимых отношений. Поощрение регулирует поведение субъекта позитивными методами.

В.В. Нырков рассматривает правовое поощрение как «вид юридического стимулирования, применяемый к субъекту за осознанное добросовестное исполнение им своих обязанностей (поступок) или за достижение социально-полезного результата, превышающего обычные требования (заслуга), целями которого является побуждение лица к дальнейшему правомерному поведению и совершению подобных деяний другими гражданами» [10, с. 9].

Фактически стимулирующий компонент побуждает субъекта к совершению тех действий, в которых заинтересовано государство и общество. В формировании устойчивого позитивного восприятия стимулирующего воздействия, на наш взгляд, в демократическом государстве наиболее эффективен индивидуальный подход, обеспечивающий не только интеракцию людей, но и рубежный контроль их поведения на уровне обратной связи. Стимулирующий компонент предполагает усвоение и перевод на личностный уровень общественного опыта.

Способность личности выделять свое «Я» из окружающей социальной среды, соотносить себя как субъекта деятельности с субъектами воздействия, рефлексировать свои поступки, слова и мысли является важнейшей предпосылкой профилактики противоправного поведения. Правовое сознание личности обеспечивает устойчивость и интенсивность мышления, способствует социальной детерминации деятельности.

По мнению А.В. Малько, «предметом правового стимулирования выступает «собственный» интерес субъекта, а характер воздействия сопровождается благоприятными юридическими условиями (свободой выбора, добровольностью, расширением возможностей и т. п.), способствующими его удовлетворению (достижению блага)» [11, с. 55].

Сочетание предмета и характера воздействия в данном случае подчеркивает его направленность на развитие и стимулирование позитивной социально-правовой активности личности. Осуществление правового обеспечения государственного управления предполагает и обуславливает наличие особого управляющего механизма в виде различных учреждений и организаций. Данный механизм представляет собой определенный комплекс социальной регуляции, располагающий специфическими стимулами, методами и средствами управления деятельностью государственных органов и общественных организаций. Он характеризуется системой мер, с помощью которых обеспечивается выполнение поставленных задач. В нее входят как юридические нормативы и административно-дисциплинарные меры, так и методы общественного воздействия.

Научно обоснованное и эффективное управление социальным развитием общества входит сегодня в число наиболее перспективных направлений фундаментальных, а значит и поисковых междисциплинарных исследований. Не-

смотря на то, что юридическая наука непрерывно производит новое знание, адекватная взаимосвязь между государством и обществом на ее основе в нашей стране пока не сформировалась. Данное обстоятельство является определяющим аргументом в пользу разработки системы конституционно-правового обеспечения государственного управления, соответствующей характеру и перспективам развития современного общества.

Литература:

1. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. М.: Норма, 2010.
2. Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание, управление. М., 1981.
3. Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации / Пер с англ. М.: ИНФРА-М, 1996.
4. Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993.
5. Поленина, С.В. Качество закона и совершенствование правотворчества // Советское государство и право. 1987. №7.
6. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юристъ, 2003.
7. Deutsch M. The resolution of conflict: constructive and destructive processes. New Haven and London, 1973.
8. Донцов А. И. Психология коллектива. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
9. Тихомиров Ю.А. Закон. Стимулы. Экономика. М., 1989.
10. Нырков В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
11. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995.

Мархгейм Марина Васильевна
заведующая кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ОБНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ: КЛАССИКА ДОКТРИНЫ И НОВАТОРСТВО ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы внесения изменений в конституции, отражены связанные с этим их видовые характеристики с учетом классических и современных доктринальных оценок. На примере принятия поправок к Конституции России 2020 г. проанализированы некоторые реализованные новаторские подходы. Сделан вывод, что осуществленное обновление Конституции России предпринято в целях обеспечения национальных интересов в условиях вызовов современности.

Ключевые слова: конституция, поправки к конституции, жесткие конституции, гибкие конституции, Президента России, Конституционный Суд.

Конституционно-правовая доктрина, характеризуя конституции в том числе с позиции порядка их изменения, выделяет постоянные и временные. По словам Н.В. Витрука, «Временные конституции принимаются на определенный, как правило, переходный период. Подавляющее большинство конституций – постоянные» [1, с. 41]. При этом признание конституции постоянной не исключает возможности внесения в нее изменений в установленном порядке. По поводу порядка внесения изменений вполне определенно положение ч. 4 ст. 120 Конституции Греции, согласно которой «Соблюдение Конституции věруется патриотизму греков, правом и обязанностью которых является оказание всеми средствами сопротивления любой попытке отменить ее насильственным путем» [2, с. 294].

По процедуре внесения изменений различаются «гибкие и жесткие» [1, с. 42; 3, с. 95-96; 4, с. 81-82] конституции, что можно отнести к классике конституционно-правовой доктрины. Такое современное различие конституций на гибкие и жесткие являет преимуществом в развитии конституционно-правовой науки, поскольку это не просто созвучно ранее предлагаемому в трудах российских конституционалистов версиям – «твердые и гибкие» [5, с. 7-8], «гибкие и стойкие или неподатливые» [6, с. 18-20], – но и имеет смысловое сопряжение.

Гибкие конституции именуется так потому, что могут быть изменены путем принятия обычного закона, без субъектных и процедурных усложнений. В качестве примера гибких Н.В. Витрук приводил конституции социалистических стран, отмечая, что без «всяких сложностей вносились поправки в советские конституции и в конституции других социалистических стран, хотя и предусматривалось требование квалифицированного большинства в палатах Верховного Совета СССР или высших представительных органах других социалистических стран» [1, с. 42]. Раскрывая основы Советской Конституции, М.А. Рейснер отмечал, что «наша конституция, как наш рабочий план, не претендует на непогрешимость. Напротив, как только выясняются новые потребности или новые силы, она может быть сейчас же без всяких церемоний переделана, пересмотрена или изменена» [7, с. 150]. В этом ключе отметим, что в течение 1989-1992 года в «Конституцию Российской Федерации 1978 г. было внесено более 300 поправок» [8, с. 40], что позволяет считать ее гибкой.

Жесткие конституции, предполагая возможность внесения изменений, предусматривают для этого дополнительные барьеры. По формулировке Г. Еллинека, «разные затруднительные формальности» предназначены для предохранения конституции «от опрометчивых изменений» [9, с. 11-12]. Поскольку конституция, по выражению Г. Кельзена, является основой национального правопорядка, «представляется желательным придать ей характер более стабильный... Следовательно, изменения в конституцию вносятся в порядке, более усложненном...» [10, с. 610-611].

В критическом ключе рассматривал жесткость конституции Г.С. Гурвич, утверждая, что когда «жизнь требует изменения Конституции, хотя бы самых незначительных поправок, тогда приходится преодолевать огромные искусственные препятствия, нарочно придуманные для того, чтобы нелегко было дотронуться до Конституции» [11, с. 20-21].

«Внутренняя жесткость» наряду с установленным усложненным порядком внесения изменений, по мнению С.М. Шахрая, выступают «важнейшими механизмами обеспечения жизнеспособности и «самореализуемости» Конституции Российской Федерации, иммунитета к попыткам ревизии» [9, с. 273].

В жестких конституциях «дополнительными барьерами», «затруднительными формальностями», «искусственными препятствиями» выступают, например, фиксирование круга субъектов, наделенных правом инициативы на изменение конституции; требование голосования квалифицированным большинством голосов в парламенте или его палатах; необходимость утверждения изменений субъектами федерации.

При этом есть конституции, разные положения которых имеют разную степень жесткости. Это относится, как известно, к Конституции России, изме-

нение которой осуществляется в двух формах – пересмотр (1, 2, 9 главы) и поправки (3-8 главы), что позволяет указывать на ее смешанный характер по данному основанию.

Пересмотр глав 1, 2, 9, как это указано в ч. 1 ст. 135 Конституции России, не может быть осуществлен Федеральным Собранием. При этом и без Федерального Собрания не обойтись: требуется, чтобы предложение о пересмотре положений указанных конституционных глав было поддержано его палатами, а именно 3/5 голосов от общего числа парламентариев (ч. 2 ст. 135). В таком случае созывается Конституционное Собрание в соответствии с федеральным конституционным законом о нем, который упорно не принимается. Представляется, что такая позиция на протяжении 27 лет занята отнюдь не в силу отсутствия приемлемой концепции или проекта этого закона, а как дополнительная гарантия стабильности конституционного строя России в широком его смысле. Ведь, если нет закона, учреждающего значимый конституционный орган – Конституционное Собрание, – то и созвать его невозможно. Вместе с тем ч. 3 ст. 135 Конституции России дает некоторые представления о Конституционном Собрании: о его функциональном предназначении (либо подтвердить неизменность Конституции России, либо разработать проект новой Конституции России); о коллегиальном характере его деятельности (возможно принятие этого проекта путем голосования его членов); об правилах принятия им проекта (требуется поддержка 2/3 голосов от общего числа членов). В этой части указанной статьи есть и еще одно положение, касающееся принятия проекта новой Конституции Российской Федерации – «...или выносятся на всенародное голосование». Возникает вопрос, кем именно выносятся? Из конституционной формулировки однозначного вывода сделать нельзя. Если субъектом вынесения проекта новой Конституции России является Конституционное Собрание, то в таком случае у него есть еще одно функциональное предназначение. Однако в таком случае формулировка должна была быть такой «...или выносятся им на всенародное голосование», что исключило бы субъектные интерпретации. Обращение к Федеральному конституционному закону от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» позволило убедиться, что всенародное голосование по проекту новой Конституции России может проводиться по инициативе Конституционного Собрания (п. 1) ч. 1 ст. 14). Предполагается ли здесь иной субъект вынесения проекта новой Конституции России на всенародное голосование? Судя по тому, что универсальным субъектом инициативы проведения референдума является народ в лице не менее чем 2 млн граждан Российской Федерации, имеющих право на участие в референдуме, – при условии, что на территории одного субъекта Российской Федерации или в совокупности за пределами территории Российского государства находится место жи-

тельства не более 50 тыс. из них, то есть основания допустить такую возможность и применительно к , что указанный универсальный субъект может выступить с подобной инициативой.

Если по поводу субъекта инициативы проведения всенародного голосования по проекту Конституции можно порассуждать, то предельная конституционная определенность касается аспектов подведения его итогов. Так, Конституция «читается принятой, если за нее проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нем приняло участие более половины избирателей». Из этого следует, что установленный явочный ценз: а) достаточно высокий – 50%+1; б) не может быть отменен ввиду «жесткого статуса» Главы 9 Конституции. Это особенно значимо на фоне того, что аналогичные цензы для признания состоявшимися выборов депутатов Государственной Думы и Президента Российской Федерации, отменены. Здесь уместна и актуальна позиция Э. де Ваттеля, что при «обычном ходе дел в государстве мнение большинства должно, бесспорно, приниматься за мнение всей нации в целом... На том же основании... нация может изменить конституцию государства большинством голосов...» [13, с. 53-55].

Иные главы Конституции России, а именно 3 – 8 могут быть изменены через механизм поправок. Это не означает «гибкости» этих глав, скорее, здесь проявляется иная степень «жесткости». Как известно, поправки к главам 3 – 8 Конституции России вносятся в соответствии с ее ст. 136, где установлен порядок их принятия и условия вступления в силу.

Порядок принятия поправок соотносится с правилами принятия федерального конституционного закона, который прописан в ч. 2 ст. 108 Конституции России, а именно требуется одобрения большинством не менее 3/4 голосов от общего числа сенаторов Российской Федерации и не менее 2/3 голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. Вступление в силу поправок обусловлено одобрением органами законодательной власти не менее чем 2/3 субъектов Российской Федерации. Конкретика коллегиальных действий федеральных парламентариев и солидарная определенность решений органов законодательной власти субъектов не в состоянии минимизировать расплывчатость иных вопросов.

Так, закономерно возник вопрос о наименовании и правовой форме документа, содержащего поправку к Конституции. По словам Н.В. Витрука, «Это послужило основанием для ходатайства о токовании соответствующей конституционной нормы, с которым Государственная Дума обратилась в Конституционный Суд РФ» [1, с. 43-44].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 12-П по делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации изло-

жены вывод о том, что коль скоро процедура принятия поправок принципиально отличается от процедуры принятия и федерального конституционного, и федерального закона, то акт, содержащий поправки к Конституции России, не может именоваться ни одним из них. Учрежденные Конституцией России 1993 г. виды актов – федеральный конституционный закон и федеральный закон – принимаются во исполнение Конституции России и не могут изменить ее содержания, равно как и стать ее частью. Приведенные и иные убедительные доводы Конституционного Суда послужили обоснованию вывода о том, что конституционные положения ст. 136 могут быть реализованы исключительно в форме специального правового акта о конституционной поправке – Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации.

Такие акты неоднократно принимались и приобрели характер плановой законотворческой работы. Ими вводились поправки о сроках полномочий Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; о переименовании Главы 7 Конституции России; о судебной системе России; о статусе органов прокуратуры и др. По указанным вопросам Законы Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации обретали юридическую силу по типичному конституционному сценарию через установленное ст. 136 квалифицированное одобрение палатами Федерального Собрания и законодательными органами субъектов Российской Федерации.

Поправкам к Конституции Российской Федерации 2020 г. выпала доля (или честь?) пройти проверку общероссийским голосованием. Такого рода новаторство было озвучено Президентом в его послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г., а именно о возможности вынесения на обсуждение ряда конституционных поправок, посчитав их «вполне обоснованными и важными для дальнейшего развития России как правового социального государства, в котором высшей ценностью являются свободы и права граждан, достоинство человека, его благополучие».

Слова главы государства (как субъекта права законодательной инициативы) о востребованных поправках к Конституции были восприняты как поправочный импульс. Тем более, что прозвучавшие предложения, прямо скажем, впечатлили. По предложениям из разных содержательных блоков оценки звучали разные. Но определенно одно – равнодушия не было.

Тезис главы Российского государства о «вынесении на обсуждение ряда конституционных поправок» превзошел все дискуссионные ожидания. Такой эффект обусловлен тем, что предложенный вариант обновления Конституции России не вписывался ни в один из предусмотренных российским законодательством способов. На тот момент норм об общероссийском голосовании в

правовом поле не было. Есть всенародное голосование, но оно в качестве способа принятия поправок к главам 3 – 8 Конституции России не предусмотрено. При этом именно в указанный диапазон укладываются внесенные Президентом России предложения.

Заявленное голосование граждан страны «по всему пакету предложенных поправок в Конституции Российской Федерации», по итогам которого предстоит «принимать окончательное решение», требовало новой юридической формы, учреждение которой осуществлено Распоряжением Президента от 14 февраля 2020 г. № 32-рп, а именно «общероссийское голосование» по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации.

Над содержательной стороной поправок масштабно и ревностно трудилась рабочая группа, состав которой был утвержден Распоряжением Президента Российской Федерации от 15 января 2020 г. № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации». Интегрируя научные и практические аргументы *pro et contra*, оттачивая «поправочные» формулировки, подбирая соответствующие обоснования, рабочая группа способствовала не только подготовке текста конституционных поправок, но и популяризации этого сакрального процесса.

Проект Закона о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» был внесен Президентом России 20 января 2020 г. в Государственную Думу, где было уточнено наименование проекта, а именно «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Под таким наименованием он и оказался принятым установленным квалифицированным одобрением обеих палат Федерального Собрания.

Данный Закон о поправке к Конституции Российской Федерации, как и требовалось, получил одобрение региональных законодательных органов государственной власти. Эта «одобрительность» была формализована Постановлением Совета Федерации от 13 марта 2020 г. №98-СФ. Далее надлежаще принятый и одобренный Закон был направлен Президенту России для подписания и обнародования, что и осуществилось 14 марта 2020 г. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Отметим, что данный Закон, с одной стороны, оказался подготовленным к иным поправочным шагам, с другой, – сам определил их алгоритм. Так, его ст. 2 и 3 предусмотрели ряд положений, связанных с инициативой, назначением, организацией и проведением общероссийского голосования и адресованных как российским гражданам в качестве участников общероссийского голосования, так и публичным органам.

Одним из таких адресатов явился Конституционный Суд Российской Федерации. При этом он выступил в нетипичной для него роли: дал заключение по вопросу соответствия предлагаемых поправок положениям «жестких» конституционных глав 1, 2 и 9. В чем выразилось новаторство этой роли? В соответствии с действующей Конституцией России участие Конституционного Суда в принятии закона о поправке к Конституции не предусмотрено, равно как нет таких норм и в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

На чем тогда основано такое новаторство? Проникнув в конституционный смысл положений п. «а» ч. 2 ст. 125, где Президент России обладает правом обращения в Конституционный Суд с запросом о конституционности федеральных законов (т.е. актов, принятых федеральным парламентом), а Закон о поправке к Конституции Российской Федерации является именно таким, оказались бесспорными и право главы государства, и полномочие Конституционного Суда дать оценку конституционности указанного Закона.

Обратим внимание и еще на один аспект, нуждающийся в уточнении. Это касается оценки конституционности не вступившего в силу федерального закона и вида решения, принимаемого в данной связи. Конституционный Суд получил такие полномочия в соответствии с ч. 3 ст. 125 Конституции России: «полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда ... устанавливается федеральным конституционным законом». Здесь явен Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», к которому мы обращались выше. Но ведь Закон Российской Федерации о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. имеет нумерацию – № 1-ФКЗ, – что сопрягает его с федеральным конституционным законом. Следовательно, содержащиеся в нем положения, касающиеся Конституционного Суда, являются обязательными для исполнения им. Так, согласно ч. 1 ст. 2 и ст. 3 Закона о поправке к Конституции России от 14 марта 2020 г., Конституционному Суду Российской Федерации предписывалось по запросу Президента России «дать заключение о соответствии (несоответствии) положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений ... Закона, а также о соответствии (несоответствии) Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 ... Закона». Отметим также, что положительное заключение Конституционного Суда являлось условием вступления в силу ст. 2 и 3 Закон о поправке к Конституции России от 14 марта 2020 г.

Эксклюзивная, новаторская практика Конституционного Суда Российской Федерации выразилась в его Заклучении от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не

вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» в своей резолютивной части содержит аргументированные и не подлежащие обжалованию выводы о соответствии Конституции всех включенных в запрос объектов. Приведенные Конституционным Судом доводы вески, однако, убеждены, что их осмыслению и обсуждению будет посвящено немало научных публикаций.

Подытоживая, отметим, что в целом весь конституционно-поправочный цикл 2020 г. можно оценить как новаторский. Такое новаторство, завершившееся внесением в Конституцию России поправок в виде и отдельных положений статей, и совершенно новых статей, поставленных на службу национальным интересам России в условиях современных вызовов.

Литература:

1. Витрук Н.В. Верность Конституции : монография. М., 2008. 272 с.
2. Конституции государств Европейского Союза. – М.: НОРМА–ИНФРА - М, 1999. 816 с.
3. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. – М.: Норма, 2005. 320 с.
4. Сравнительное конституционное право / Отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: международные отношения, 2002. 448 с.
5. Спекторский Е. Что такое конституция? М., 1917.
6. Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. Л., 1925. 261 с.
7. Рейснер М.А. Основы Советской Конституции: Лекции, читанные на ускоренном курсе Академии Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии в 1918/19 уч. году. М., 1920. 238 с.
8. Конституционное право России / Под общ. ред. Г.В. Мальцева. – М.: Изд-во РАГС, 2010. 424 с.
9. Еллинек Г. Конституции, их изменения и преобразования. СПб., 1907. 121 с.
10. Хрестоматия по конституционному праву. Том 1. СПб, 2012.
11. Гурвич Г.С. Основы Советской Конституции. Вып. 1. М., 1921. 224 с.
12. Шахрай С.М. О Конституции : Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. – М.: Наука, 2013. 919 с.
13. Ваттель Э. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 720 с.

Макогон Борис Валерьевич
профессор кафедры административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. В статье на основе анализа широкого круга источников представлена авторская позиция по вопросу дефинирования правовой глобализации с учетом особенностей современного периода.

Ключевые слова: глобализация, правовая глобализация, процесс глобализации.

Заметно, что именно в настоящее время глобализация лавинообразно усиливает взаимозависимость государств [1; 2]. Глобальная интеграция цепочек поставок, экономик в целом, фундаментализация влияния развитых стран существенно сузили возможности самостоятельного принятия справедливых и обоснованных решений. Не только нано-, но и попросту технологии кардинально расширили возможности коммуникации, анализа и обработки данных, информационного прессинга.

Внимания через правовую призму заслуживают явления глобализирующейся, глобализировавшейся и глобальной преступности, детерминирующие угрозы для безопасности как феномена, так и частных ее ипостасей.

В таком свете показательными представляются как различные проявления транснациональной организованной преступной деятельности, в частности, международный терроризм, обнажающий протестные настроения вследствие недостаточной эффективности процесса и процессуального порядка управления, так и телеологические формы противодействия ей.

Из глобализации происходит пересмотр уголовно-правовой политики государств. Укрепление, расширение сотрудничества по противодействию именно открытому ряду преступлений декларируется «приоритетным» направлением этой политики. В стремлении обезопасить свое восхождение, сильные могут, принося в жертву интересы вторых и третьих звеньев, оттягивать внимание от причин и условий рождений и взращивания, в данном случае терроризма, оставляя исключительно властно-силовые пути предполагаемого решения проблемы названного «мирового зла».

Поэтому есть мнение, что «государство не должно больше принимать на себя обязанности единственного провайдера, а, скорее, выступать в роли по-

мощника и регулятора. Рынки и граждане через самодеятельные и другие неправительственные организации стали требовать прозрачности и эффективности государственных институтов» [3].

Как утверждает М.В. Диас-Мелиан де Ханиш, классическая «концепция государственного суверенитета не совместима с существованием международного сообщества государств и международного публичного права, способного связать различные государства между собой» [4]. Автор говорит о полном пересмотре самой концепции государственного суверенитета, так как международные договоры каждый раз связывали более плотной сетью прав и обязанностей участников мирового сообщества; функционируют международные организации, уставы которых предполагают передачу им на договорной основе части государственного суверенитета [4].

Мир сам тянется к результатам успехов стран Запада. Но ведь мы уже находимся в том дне, когда субъектам, которым принадлежит «половина» мирового богатства, в логичном стремлении его сохранить приходится действовать с позиции силы. Отсюда проистекают и декларации о безусловном доминировании, «доктрина ста процентов» и пр. Мы не рассматриваем глобализацию как явление XXI века и считаем контрпродуктивным оставлять на задворках истории известное высказывание о том, что «если вы попытаетесь создать флот – мы нападем на вас».

Уже достаточное время наблюдается быстрая эволюция международных структур, возникновение и функционирование новых систем, что позволяет говорить о всевозрастающих интеграционных процессах на почве глобализации, являющихся результатом признания взаимозависимости и взаимодействия государств [5; 6]. Такова общая природа интеграции.

Любой интеграционный процесс, и, конечно же, юридический [7], непременно сопровождается системой правил, необходимых для постановки целей и его организации, а процесс интеграции между двумя или более странами – тем более регулируется объективно необходимым в современном обществе комплексом юридических норм и принципов, механизмом юридической ответственности в широком ее понимании [8], облечен в процессуальную форму [9], органически интегрирован в систему ограничений для публичной власти [10; 11].

Таким образом, мировые интеграционные процессы неизбежно влекут интеграцию правовую, которую с некоторой долей условности, действительно, можно определить как процесс формирования новой, общемировой системы норм, организующих и обеспечивающих глобальное межгосударственное взаимодействие и взаимопроникновение во всех четырех сферах жизни социума [12]. Характер правовой интеграции определяется, с одной стороны, участием

государств в делах мирового сообщества, а с другой – степенью восприятия странами тех или иных правовых ценностей и достижений государств и их семей.

Правовые семьи суверенных государств сближаются как объективно, так и целенаправленно, интегрируясь друг в друга и признавая нормы международного права с декларативных позиций для правозащиты [13], минимизации правозащитных рисков [14], правосудия [15], принятия опыта конституционного строительства, который, действительно, велик [16]. Уже создан правовой мир, место глобализации в котором никак нельзя обозначить ролью второго плана и уж тем более – декорациями.

В соответствии с изложенным считаем возможным сформулировать определение правовой глобализации как процесса, отметив его блочно-модульный конструктив.

Правовая глобализация – это процесс, объективно порождаемый общей глобализацией, влекущий формирование и общемировое признание гармонизированных и унифицированных правовых принципов, норм, а также правовых теорий, катализирующий взаимовлияние и взаимопроникновение национального права государств добровольно либо вследствие опосредованного последовательного навязывания.

Литература:

1. Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. №. 2. С. 29-31.
2. Макогон Б.В. Особенности трансформации национального законодательства в условиях глобализации // Закон и право. 2012. №. 5. С. 15-18.
3. Тихомиров Ю.А., Пиголкин А.С. Глобализация и развитие законодательства: Очерки / Отв. Ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. 2004. 464 с.
4. М.В. Диас-Мелиан де Ханиш. 2001. Основы и природа правовой интеграции / перевод и научное редактирование Т.А. Алексеевой // Правоведение. 2004. № 6. С. 173-178.
5. Макогон Б.В. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // История государства и права. 2007. №. 3. С. 2-4.
6. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // Закон и право. – 2012. №. 6. С. 29-32.
7. Макогон Б.В. Методологически опорная трактовка юридического процесса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1 (80). С. 32-35.
8. Макогон Б.В. Синтез понятия юридической ответственности в среде процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений //

Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 61-64.

9. Макогон Б.В. Научная конструкция юридической процессуальной формы и ее виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 17-22.

10. Макогон Б.В. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов. 2013.

11. Makogon B.V. et al. Logical classification of legal procedural restrictions. 2019.

12. Макогон Б.В. Способы интернационализационного национального права в условиях глобализации // Общество и право. 2012. №. 2 (39). С. 36-41.

13. Мархгейм М.В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. 2006.

14. Kornushkina A.Y. et al. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states // Turkish online journal of design art and communication. 2017. Т. 7. С. 352-356.

15. Kuksin I.N. et al. Justice as principle: Aspects of genesis in social and regulatory systems // The Social Sciences (Pakistan). – 2016. – Т. 11. – №. 10. – С. 2367-2370.

16. Makogon B.V. et al. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits //Journal of History Culture and Art Research. 2018. Т. 7. №. 2. С. 722-728.

Стус Нина Владимировна

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук

(Краснодар, Россия)

Макогон Борис Валерьевич

профессор кафедры административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЪЕКТИВИРОВАНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье на основе анализа и синтеза широкого круга источников представлена авторская позиция по поводу актуализации представления о форме реактивного влияния глобализации на государственно-правовую сферу.

Ключевые слова: правовая глобализация, глобализация, интернационализация.

Одним из направлений объективирования глобализации является ее правовое измерение [1; 2].

Учитывая признанно высокое влияние именно сильных нормативных тенденций на формирование внутригосударственных и международных правовых массивов, соответствующее взаимодействие можно упорядочить по блокам, в которых ведущую роль играет либо глобализация, когда такие процессы формируют и направляют юридические трансформации, либо право, опосредующее стремления управлять глобализацией с получением соответствующих дивидендов [3].

Позитивные, негативные, системные, хаусоориентированные, конвергенционные, дивергенционные лица глобализации логично воплощаются в праве в целом независимо от периода, что логично. Часто агрессивная экспансия так называемой «демократии», сформулированных принципов в сфере прав человека и сопряженных рисков [4], природоохраны, обмена, сотрудничества, взаимопомощи и поддержки, рационализации везде и во всем – все это обрамлено правовым регулированием, поскольку объективное право является той формой, которая при известной силовой поддержке обладает апробированным инструментарием для упорядочивания связей для достижения целей в глобальной кооперации.

Конечно, не только тенденции глобализации проявляются в современном праве, но и само право глобализуется, что, вероятно, можно считать предметом (а кто-то, быть может, даже скажет: «... объектом») самостоятельной междисциплинарной дискуссии. Синтезируются принципы и нормы, провозглашаемые общепризнанными; покрываются туманом границы между правовыми семьями и правовыми системами. Предположим, что само параллельное существование и обоснование двух последних терминов – тому подтверждение. В государствах традиционно континентального права – все существеннее вес юридического/судебного прецедента (и да, мы снова об этом, актуальном для России явлении), в то время, как в доктрине и практике других стран акты кодифицированного свойства укрепляют свой беспрекословно фундаментальный характер, хотя, в целом, роль судов [5], правосудия как принципа [6] в государственно правовых механизмах, безусловно, можно оценивать как критичную, необходимую, но подчеркнута недостаточную.

Факт влияния процессов глобализации на право в целом и на правовые системы в частности представляется очевидным [7]. Последние в значительной мере и не всегда равнозначно срачиваются; активность лидирующего звена в этом процессе дает возможности для обособления общих директивных тенденций их эволюции. Среди таковых, к примеру, целесообразно выделить тенденцию к повышенному надзору за сферой обеспечения достойной жизнедеятельности личности, а также к формулированию принципов и обеспечению именно на их основе наиболее полной правовой поддержки потребностей человека; юридическое выражение общепризнанных мировым сообществом принципов при отсутствии строгих оформленных критериев такого общемирового признания, что предполагает чрезмерную свободу, вольность для манипулятивного маневрирования; повышенное внимание к регулированию насущных и перспективных вопросов экологического направления; расширение и дробление сфер правового регулирования, обоснование, генезис и развитие ранее не сформированных и не обособившихся отраслей права (информационное право, право информационной безопасности, космическое право), которые, в то же время, несут признаки комплексных, и прочие не менее существенные тенденции.

Соответствующие качественные характеристики правовых систем государств, живя в переходном периоде [8], рвутся занять положение ориентиров глобализации и для глобализации (к примеру, роль «государства-правозащитника» [9]), и, следовательно, уместно говорить об их сближении по аналогии с естественнонаучными изысканиями по теории пределов. Наблюдаются процессы как формирования, так и разбалансировки относительно устойчивой системы, блоки которой (международное право, национальные правовые системы) видятся модулями, перманентно взаимодействуют, проявляют взаим-

ную диффузию. В российской правовой доктрине до недавнего времени даже превалировала позиция, в соответствии с которой «в рамках указанной системы абсолютно оправдана и юридически допустима возможность вмешательства мирового сообщества во внутренние дела государства, где права и свободы человека не гарантируются или попросту нарушаются» [10]; без чрезмерных упрощений отмечалось, что, конечно, для этого необходимо заключение межгосударственных деяний насильственного (силового) характера, осуществляемых для поддержания мира, безопасности, поддержки института прав человека и т.д. в легитимные рамки, соответствующие международному праву, его нормам и, опять же, «общепризнанным» принципам. Вопрос о глобализационно-правовой зависимости [11] популярен не поднимался.

Среди базовых сфер отношений мы не усматриваем таких, которые не были бы подвержены критичному воздействию глобализации, требующей пересмотра установок о сущности и роли государства и права, их аксиологической и институциональной систем.

Правовая, ныне грань, процессов глобализации внешне остро выражается, в «формировании новых юридических отношений, юридических институтов и норм» [12]. Как отмечает И.И. Лукашук, способствующая формированию глобальной правовой системы и генерирующая особые свойства в сфере правового влияния глобализация, специфична по отношению к отдельным процессам, очевидно текущим в области базовой, социально-экономической, ведь единство в правовой материи далеко не всегда столь инерционно. По мнению автора, «государства в значительной мере сохраняют свою самостоятельность... Поэтому в отношении государств и их правовых систем более точен термин «интернационализация» [13].

Следовательно, суверенные государственно-правовые системы интегрируются с телами амбициозных транснациональных субъектов, передавая их организму часть элементов своего правового статуса, читай – свой исходный статус теряя.

При всем этом, конечно, может происходить избирательное взаимообогащение правовым опытом на паритетных началах, что, впрочем, ограничено логической системой координат [14; 15], в значительной мере коррелирует с широтой восприятия института юридической ответственности [16] и вниманием к процессуальной форме [17; 18; 19]. Национальное право переходит на иной, более высший ли... а, быть может, нисходящий... но качественно новый уровень, на котором, действительно, зарождается своеобразная общемировая правовая система, чьи звенья связаны динамически и обоюдоостро; ген созидющего государства [20] в поисках путей выживания готов разрушать единицы соперничества.

Как следствие – представления о флаге эталонных институтов национальной правовой системы нуждаются в переосмыслении, переоценке, и лучше – в формате ребилдинга (не путать с «перестройкой»), чего очевидно недостает перманентно переходному устройству. Для понимания, и учитывая трансрегиональный опыт научно-исследовательского поиска, последние уточнения считаем уместными.

Литература:

1. Макогон Б.В. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // История государства и права. 2007. №. 3. С. 2-4.
2. Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. №. 2. С. 29-31.
3. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // Закон и право. – 2012. №. 6. С. 29-32.
4. Kornuyushkina A.Y. et al. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states // Turkish online journal of design art and communication. 2017. Т. 7. С. 352-356.
5. Makogon B.V. et al. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits // Journal of History Culture and Art Research. 2018. Т. 7. №. 2. С. 722-728.
6. Kuksin I.N. et al. Justice as principle: Aspects of genesis in social and regulatory systems // The Social Sciences (Pakistan). – 2016. – Т. 11. – №. 10. – С. 2367-2370.
7. Макогон Б.В. Способы интернационализационного национального права в условиях глобализации // Общество и право. 2012. №. 2 (39). С. 36-41.
8. Макогон Б. В. Глобализация и переходный период государственно-правового развития России // Евразийский юридический журнал. 2012. №. 4. С. 150-151.
9. Мархгейм М.В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. 2006.
10. Тихомиров Ю.А., Пиголкин А.С. Глобализация и развитие законодательства: Очерки / Отв. Ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. 2004. 464 с.
11. Макогон Б. В. Глобализационно-правовая зависимость в контексте развития современной России // Евразийский юридический журнал. 2012. №. 5. С. 141-143.
12. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. 2000. 279 с.

13. Лукашук И.И. 2002. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации. Журнал российского права. 2002. 117-124 с.
14. Макогон Б.В. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов. 2013.
15. Makogon B.V. et al. Logical classification of legal procedural restrictions. 2019.
16. Макогон Б.В. Синтез понятия юридической ответственности в среде процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 61-64.
17. Макогон Б.В. Научная конструкция юридической процессуальной формы и ее виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 17-22.
18. Макогон Б.В., Гусева А.А. Структура юридической процессуальной формы // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 16-19.
19. Makogon B.V. et al. Legal form of action: the issues of content and methodology. 2019.
20. Борисов Г.А. и др. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. 2016.

Безуглая Анна Артуровна

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СФЕРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА¹

«Научно-технологическое развитие нашего государства, наряду с национальной безопасностью и социально-экономическим развитием, относится к числу сфер стратегического планирования» [1, с. 65; 2].

Аннотация. В статье на основе анализа конституционных и регламентных положений, а также информационных данных рассмотрено взаимодействие па-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ, номер проекта – МК-1377.2020.6, тема проекта «Интегральная роль взаимодействия палат парламента в обеспечении конституционного права на свободу слова».

лат федерального парламента в научно-образовательной сфере. В ходе анализа установлено, что указанное взаимодействие в научно-образовательной сфере реализуется путем модернизации российского законодательства (в форме принятия законов), в ходе проведения различных парламентских мероприятий (парламентские слушания, «круглые столы», конференции, встречи, выставки и др.), а также посредством создания дополнительных узкопрофильных органов, деятельность которых направлена на повышение эффективности работы комитетов палат парламента. Отмечено, что проведение парламентских мероприятий позитивно влияет на совершенствование правовой системы в научно-образовательной сфере.

Ключевые слова: конституция, бикамеральный парламент, взаимодействие палат, научно-образовательная сфера.

Интегральное взаимодействие палат Федерального Собрания, согласно конституционным [3] установлениям, преимущественно реализуется в законодательной и контрольной сферах, но не ограничивается ими. Анализ регламентных положений позволил выделить в качестве эвентуальной сферы взаимодействия палат российского парламента научно-образовательную сферу. Несмотря на конституционное «отнесение» рассматриваемой сферы деятельности к ведению Правительства (пункт «в» ч. 1 ст. 114), роль палат парламента в ее реализации достаточно весома. Действующие регламенты [4; 5] содержат положения о профильных комитетах палат (Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре, комитеты Государственной Думы по образованию и науке, по культуре), деятельность которых направлена именно на реализацию научно-образовательной функции государства (сферы).

Анализ конституционных и регламентных норм явил, что деятельность палат Федерального Собрания в научно-образовательной сфере воплощается в различных формах: разработка и принятие законов в сфере науки и образования, проведение различных парламентских мероприятий (конференции, парламентские слушания, круглые столы, семинары, совещания и др.), создание дополнительных узкопрофильных органов, деятельность которых направлена на повышение эффективности работы комитетов палат парламента. Считаем, что в целях продуктивного исследования обозначенной проблемы необходимо более подробно остановиться на рассмотрении названных форм взаимодействия палат российского парламента, реализуемых комитетами.

Отметим, что регламентами палат определен круг вопросов, разработкой которых занимаются комитеты палат (ч. 11 ст. 30 Регламента Совета Федерации, ст. 19-20 Регламента Государственной Думы). Палатами проводится целе-

направленная работа по совершенствованию законодательства, регулирующего отношения в сфере науки, образования и культуры.

Согласно Отчету о работе Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре за 2019 г., комитетом было подготовлено к рассмотрению палатой 34 законопроекта; осуществлено «экспертно-правовое сопровождение законопроектов»; проведены различные мероприятия, среди которых парламентские слушания, круглые столы, встречи, совещания, конференции [6].

Значимым шагом в реализации научно-образовательной сферы палатами парламента было принятие Федерального закона от 12 ноября 2019 года № 336-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН) о научно-техническом сотрудничестве в области физики высоких энергий и иных сферах взаимного интереса и Протокола к нему». Полагаем, что принятие названного выше закона является позитивным результатом консолидированной деятельности палат парламента в научно-образовательной сфере, поскольку создает дополнительные возможности для развития последней.

Следует отметить, что комитета палат могут создаваться и иные органы, реализующие отдельные направления деятельности в исследуемой сфере. Так, в рамках Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре функционирует Совет по вопросам интеллектуальной собственности при Совете Федерации (далее – Совет), который был создан в 2012 г. Следует подчеркнуть, что решение о создании названного «внутрикомитетского» органа – Совета – было принято в ходе проведения парламентских слушаний. Основной целью работы Совета, в том числе, является «популяризация института интеллектуальной собственности, прежде всего среди молодежи» [7]. В рамках работы Советом проводятся различные мероприятия, среди которых следует обозначить заседания и проведение научно-практических конференций.

Анализ документов о проведенных заседаниях Совета позволяет заключить, что результатом их деятельности является «форсирование» процесса принятия различных правовых актов в сфере интеллектуальной собственности.

Дальнейшее исследование полагаем возможным сосредоточить на деятельности Комитета Государственной Думы по образованию и науке. Исходя из положений Отчета за период осенней сессии 2019 г. [8], возможно заключить, что итогом работы в обозначенный период стало образование пяти рабочих групп. Основным направлением деятельности рабочих групп явилась модернизация законодательства в области электронного обучения, в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также в сфере защиты здоровья обучающихся и педагогических работников.

В течение отчетного периода Комитетом была завершена работа над семью законопроектами, по которым он являлся ответственным комитетом, а также над тремя законопроектами, по которым Комитет выступал в качестве соисполнителя. В ходе работы Комитетом были проведены различные парламентские мероприятия, среди которых «круглые столы» (было проведено 5 «круглых столов»), выставки (3 выставки), участие в съездах, конференциях, семинарах, совещаниях, конкурсах и т.д.

Наряду с Комитетом по образованию и науке в реализации научно-образовательной сферы немаловажную роль играет Комитет Государственной Думы по культуре. Следует отметить, что о деятельности комитета на официальном сайте за 2019-2020 г. информации не содержится. Последний отчет о работе датируется 2018 г. Анализ названного документа позволяет заключить, что в рамках структуры Комитета функционирует 16 рабочих групп и две рабочих экспертных группы.

В ходе законодательной деятельности в 2018 г. Комитет выступал в качестве «ответственного» по 25 законопроектам, в качестве соисполнителя – по 43. Следует отметить, что в Комитет принял участие в принятии Федерального закона от 5 февраля 2018 года № 5-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о продаже Правительству Финляндской Республики помещений в г. Санкт-Петербурге» (законопроект № 268311-7).

Исходя из анализа информации, находящейся на сайте Комитета Государственной Думы по культуре, им не было проведено парламентских слушаний с 2014 г., а «круглых столов» – с 2016 г. При этом в Отчете о работе за 2018 г. содержится информация о проведении одного парламентского слушания и семи «круглых столов». Полагаем, что такое обстоятельство вызвано несвоевременной фиксацией на официальном сайте Комитета информации о проводимых мероприятиях. Следует также отметить, что парламентские слушания подлежат обязательному протоколированию и стенографированию в соответствии с ч. 1 ст. 71 Регламента Государственной Думы. При этом регламентно закреплено, что копии материалов с проведенных мероприятий в 10-дневный срок передаются в Парламентскую библиотеку [9] и размещаются на ней.

Полагаем необходимым отметить, что палаты парламента активно взаимодействует не только в рамках принятия нормативных правовых актов, но также и в ходе проведения и совместного участия в парламентских мероприятиях. Так, палатами российского парламента совместно проведены парламентские слушания на тему «О государственной политике в сфере подготовки инженерно-технических кадров в Российской Федерации» 2013 г., заседание в рамках XXIV Международных Рождественских образовательных чтений на те-

му «Традиция и новации: культура, общество, личность» 2016 г. и иные мероприятия.

Подводя итог анализу деятельности профильных комитетов палат Федерального Собрания в научно-образовательной сфере, полагаем возможным сделать некоторые выводы и обобщения. Во-первых, основываясь на информации, содержащейся на официальных сайтах комитетов палат, можно сделать вывод о проведении активной законодательной работы в сфере науки, образования и культуры. Данная работа выражается в модернизации действующего законодательства путем принятия новых нормативных правовых актов, а также ратификации международных актов, направленных на укрепление сотрудничества между Россией и иностранными научными учреждениями. Во-вторых, можно констатировать, что «оперативность» фиксации проводимой комитетами работы принадлежит Комитету Совета Федерации, который более прилежно относится к своевременному информированию граждан о результатах своей деятельности. В-третьих, следует отметить, что комитетами палат проводятся различные парламентские мероприятия по актуальным вопросам в научно-образовательной сфере, которые, как правило, выступают детерминантой принятия соответствующих правовых актов.

Литература:

1. Мархгейм М.В., Минасян А.А. Взаимодействие палат Федерального Собрания России: конституционно-правовые параметры и ресурсы оптимизации: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 144 с.

2. Отчет об итогах работы за 2016 год Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт. URI: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 18.11.2020).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г., от 30 декабря 2008 г., от 05 февраля 2014 г., от 21 июля 2014 г., от 14 марта 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1, Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; № 14. Ст. 4202.; 2020. № 30 (часть I). Ст. 4202.

4. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 № 33-СФ (ред. от 07.10.2020) «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7. Ст. 635.

5. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 № 2134-II ГД (ред. от 23.06.2020) «О Ре-

гламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

6. Отчет об итогах работы Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре в 2019 году // <http://council.gov.ru/media/files/J3ZWMmdAAkE1ZAJbaEdItnocD3aVr6a1.pdf> (дата обращения: 18.11.2020).

7. Совет по вопросам интеллектуальной собственности при Совете Федерации // <http://council.gov.ru/structure/docs/25503/> (дата обращения: 18.11.2020).

8. Отчет Комитета Государственной Думы по образованию и науке о работе в период осенней сессии 2019 года <http://www.komitet8.km.duma.gov.ru/Otchety-o-rabote-Komiteta/item/21074991/> (дата обращения: 18.11.2020).

9. Парламентская библиотека // <https://parlib.duma.gov.ru/> (дата обращения: 18.11.2020).

Гелуненко Валерия Вадимовна,
ассистент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

СВОБОДА СЛОВА В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Аннотация. В статье рассмотрена свобода слова в контексте изменения Конституции Российской Федерации. Показано, что свобода слова в конституционном тексте Российского государства получила формализацию и гарантирование в «позитивном» и «негативном» ключе в сопряжении со свободой мысли, ограничительными и запретительными барьерами для субъекта «выразителя» такой свободы, недопустимостью принуждения к выражению своих мнений и убеждений, информационными правами и гарантиями свободы массовой информации. Сделан вывод о возможности трансформации свободы слова в свободу выражения мнений и убеждений, учитывая который проанализированы процессы изменения Конституции Российской Федерации. Сделан вывод, что проведенное в 2020 г. общероссийское голосование усилило не только народо-властный ресурс принятия поправок, но и раскрыло российским гражданам до-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ, номер проекта – МК-1377.2020.6, тема проекта «Интегральная роль взаимодействия палат парламента в обеспечении конституционного права на свободу слова».

полнительную возможность свободно выразить свои мнения и убеждения в конституционном поправочном процессе.

Ключевые слова: конституция, свобода слова, свобода выражения мнений и убеждений, поправка к Конституции России, общероссийское голосование.

Свобода слова относится к той группе прав и свобод, которые, по словам Н.В. Витрука, «вытекают из закона для личности непосредственно, без юридических фактов, как наличные. Эти права для личности выступают сразу в стадии обладания. Для их приобретения не требуется специального юридического факта. Это касается многих политических, трудовых, личных и других прав и свобод (свободы слова, уличных шествий и демонстраций, свободы всех видов творчества и др.)» [1, с. 214].

В Конституции Российской Федерации свобода слова наряду со свободой мысли гарантируется (ч. 1 ст. 29). Такой лексический дуэт в последовательности «свобода мысли – свобода слова» может интерпретироваться двояко: с одной стороны, свобода мысли является первичной по отношению к свободе слова (по словам Л.Н. Толстого, «Неясность слова есть неизменный признак неясности мысли»), с другой – свобода слова (устного или письменного) является формой выражения мысли. В данном случае конституционно закреплена «позитивная» формулировка свобода слова по принципу «свобода на...».

Здесь уместно упомянуть, что ст. 18 Всеобщей декларации прав человека со свободой мысли, точнее с правом на свободу мысли, объединяет право на свободу «совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» [2].

Возвращаясь к Конституции России, отметим, что иные части ст. 29 определили круг сопряжений с указанными свободами. В частности, это недопустимость пропаганды и агитации, возбуждающих «социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду», запрет пропаганды «социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» (ч. 2 ст. 29). Очевидно, что тем самым ограничивается вседозволенность использования свободы слова, но по исчерпывающему перечню оснований.

Важным в смысловом сопряжении считаем ч. 3 конституционной ст. 29, в соответствии с которой «Никто не может быть принуждён к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них». Акцентированы не просто свобода мысли и слова, но сформированное мнение и/или убеждение. Установлено, что недопустимо принуждать кого бы то ни было к их выражению или к отказу от них. В данном случае конституционно закреплена «негативная» формулировка свободы слова, мнения, убеждения по принципу «свобода от...».

Поскольку мнения и убеждения формируются на основе информации, то вполне логичным сопряжением с их свободой является позитивно сформулированное право каждого «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ч. 4 ст. 29). Гарантии свободы массовой информации и запрет цензуры (ч. 5 ст. 29) также поддерживают исходную норму данной статьи о свободе мысли и слова.

Свобода слова с точки зрения классификации прав и свобод человека по содержательному критерию отнесена Н.В. Витруком к группе тех конституционных прав и свобод личности, «содержание которых определяется через установление целей и других дополнительных критериев их использования и которые не содержат формально определённых полномочий. Формы и способы реализации указанных свобод определяются, как правило, самой личностью» [1, с. 276-277]. Именно в этой связи уместно говорить о перерастании свободы слова в свободу выражения мнений и убеждений.

Рассмотрим это применительно к изменениям Конституции России, учитывая вывод Н.В. Витрука о том, что «свобода убеждений, мнений, высказываний в любой области общественной жизни» представляют собой элемент политико-правового статуса личности, который призван «обеспечить активное участие членов гражданского общества в осуществлении публичной – государственной и муниципальной – власти, в управлении общественными делами, свободу высказываний по всем вопросам общественной жизни, а также действительную защиту личности, её прав, обязанностей и интересов, равно как и защиту общественных интересов» [1, с. 288].

Глава 9 Конституции Российской Федерации посвящённая порядку её изменения путём пересмотра и поправок, объединяет четыре статьи (ст. 134-137). Проанализируем их, чтобы выявить возможности российских граждан реализовать свободу выражения мнения. Положения ст. 134 не дают напрямую гражданам инициировать предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации. Это прерогатива главы государства, палат Федерального Собрания, федерального Правительства, законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, а также группы численностью не менее 1/5 парламентариев каждой из палат.

Судя по содержанию конституционной ст. 135, свобода выражения мнения «брезжит» в случае пересмотра глав 1, 2, 9 Конституции путём всенародного голосования. В таком случае «Конституция Российской Федерации считается принятой, если за неё проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нём приняло участие более половины избирателей». Следовательно, установлен ценз абсолютного большинства и

для учтённых свободно выраженных мнений в поддержку, и для принявших участие в данном процессе.

Поправочный способ изменения Конституции России распространяется на главы 3–8. Исходя из конституционной формулировки ст. 136, мнения граждан не испрашивается. Однако реализация данной нормы явила интерпретационные подходы. Так, в конце 2008 г. (Законы Российской Федерации о поправке к Конституции от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» и № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации»), в начале и середине 2014 г. (Законы Российской Федерации о поправке к Конституции от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде и прокуратуре Российской Федерации» и от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации») поправки к Конституции были внесены стандартным путём, и ««Освежение» конституционного текста обрело черты плановой законодательной работы палат парламента» [3, с. 53].

Другой вариант поправочного конституционного процесса был реализован в 2020 г. Инициатором его выступил Президент России. По поправкам к Конституции было подготовлено и проведено общероссийское голосование, определённо заинтересованное в свободном выражении мнений по поводу предложенной «пакетной» поправки. Над её содержанием трудилась рабочая группа в составе, утверждённом Распоряжением Президента Российской Федерации от 15 января 2020 г. № 5-рп. «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации». При этом масштабно консолидировались и анализировались мнения, убеждения, предложения, аргументы граждан, поступающие из всех субъектов Российской Федерации.

Подготовленный законопроект был внесён в Государственную Думу главой Российского государства, получил квалифицированное одобрение палат Федерального Собрания и законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, а затем был подписан и обнародован Президентом. Таким образом, Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», определив алгоритм дальнейших действий, был почти готов к общероссийскому голосованию. Для полной готовности в качестве условия вступления в силу ст. 2 и 3 Закона о поправке к Конституции России от 14 марта 2020 г. требовалось положительное Заключение Конституционного Суда Российской Федерации, которое было получено от 16 марта 2020 г. № 1-З.

Это позволило Президенту России назначить общероссийское голосование на 22 апреля 2020 г., но ввиду пандемии коронавируса фактически было проведено в течение недели с 25 июня по 1 июля 2020 г. Представляется, что новый многодневный формат общероссийского голосования позволил как не усугубить эпидемическую ситуацию, так и максимально учесть мнения всех его участников. В итоге по официальным данным свободное волеизъявление в поддержку Конституции России выразили 77,92% принявших участие граждан, явка составила 67,97%.

Изменениям в ст. 65 Конституции России посвящена ст. 137. Такие изменения вносятся в случае изменения субъектного состава России на основе федерального конституционного закона, касающегося принятия в Российскую Федерацию нового субъекта (например, Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя») образования в её составе нового субъекта (например, Федеральный конституционный закон от 12 июля 2006 № 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа»). В самой конституционной норме ч. 1 ст. 137 нет упоминания об учёте мнения населения в ходе изменения состава Российского государства. Однако обращение к Федеральному конституционному закону от 17 декабря 2001 № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации» позволяет констатировать, что его ст. 11 предусматриваются референдумы по вопросу об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта. Значит, свободно выражаемое мнение населения по этому поводу является императивом.

Согласно ч. 2 ст. 137 конституционный текст может изменяться и в случае изменения наименования субъекта Российской Федерации. Например, в связи с изменением наименования Кемеровской области на Кемеровскую область – Кузбасс, руководствуясь ч. 2 ст. 80 и ч. 2 ст. 137 Конституции Российской Федерации, Президент своим Указом от 27 марта 2019 № 130 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» постановил включить новое наименование субъекта Российской Федерации в ч. 1 ст. 65 Конституции. Данному Указу предшествовало внесение соответствующих законодательных изменений в Устав Кемеровской области, которые в свою очередь предварял опрос жителей. Он проводился на сайте губернатора; приняли участие более 70,6 тыс. человек, в итоге законопроект поддержали более 91% опрошенных [4].

Таким образом, свобода слова в конституционном тексте (ст. 29) Российского государства получила формализацию и гарантирование в «позитивном» и «негативном» ключе в сопряжении со свободой мысли (ч. 1), ограничительными и запретительными барьерами для субъекта «выразителя» такой свободы (ч. 2), недопустимостью принуждения к выражению своих мнений и убеждений (ч. 3), информационными правами (ч. 4) и гарантиями свободы массовой информации (ч. 5).

Учитывая возможность трансформации свободы слова в свободу выражения мнений и убеждений применительно к процессам изменения Конституции Российской Федерации, сделан вывод, что проведенное в 2020 г. общероссийское голосование усилило не только народовластный ресурс принятия поправок, но и раскрыло российским гражданам дополнительную возможность свободно выразить свои мнения и убеждения в конституционном поправочном процессе.

Литература:

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. С. 214. 448 с.
2. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: думы о былом и грядущем // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 6 (121). С. 51-55.
4. <https://www.kommersant.ru/doc/3841069>

Гуторова Алла Николаевна
доцент кафедры конституционного права
Юго-Западного государственного университета
кандидат юридических наук, доцент
(Курск, Россия)

ПРАВООГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ЗАНЯТИЯ ДОЛЖНОСТЕЙ ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ И ДЕПУТАТА

Аннотация: в статье анализируется организация государственной гражданской и муниципальной службы в сравнении с механизмом правового обеспечения статуса депутата. Автор приходит к выводу, что требования, предъявляемые к лицу, претендующему на замещение государственной гражданской или муниципальной должностей, выше, чем к кандидатуре депутата.

Ключевые слова: статус депутата, должность, публичная служба, равноправие.

Понимание статуса депутата как «публичной должности» в конституционно-правовом смысле вне зависимости от наличия или отсутствия трудовых отношений соответствующего лица с представительным органом, стимулирует ряд других правовых проблем, в частности, связанных с обеспечением равноправия лиц, замещающих публичные должности и должности публичной службы. Это рельефно проявляется в результате анализа законодательства и правоприменительной практики по вопросам об организации государственной гражданской и муниципальной службы в их сравнении с механизмом правового обеспечения статуса депутатов. Общая картина такова, что публичная служба сопряжена с большим числом правоограничений по сравнению с цензами пассивного избирательного права, в то время как ответственность депутатов (как лиц, принимающих решения) значительно выше по сравнению с соответствующими государственными гражданскими и муниципальными служащими (как субъектов, реализующих волю депутатского корпуса). Это выглядит, на наш взгляд, как явная юридическая диспропорция, нуждающаяся в законодательном разрешении (либо в пользу либерализации ограничений доступа к публичной службе, либо в целях усиления требований к выборам депутатов).

Конечно же, в основе деятельности должностных лиц органов публичной власти должны быть положены «принципы конституционности и законности» [1]. Но, законодатель запретил нахождение на государственной гражданской службе лиц, которые не проходили военную службу по призыву и не имели на то законных оснований в соответствии с заключением призывной комиссии.

Конституционный Суд РФ не усмотрел в этом нарушения Конституции РФ, мотивируя это повышенными требованиями к репутации публичных служащих и соответствующим публичным интересом [2]. Однако к депутатам Государственной Думы и депутатам законодательных (представительных) органов субъектов РФ статьей 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» аналогичные требования не предъявляются. Вследствие этого лица, которые не проходили военную службу и не имели на то законных оснований, вправе замещать депутатские должности, принимать обязательные для гражданских служащих решения и контролировать их деятельность, в то время как самим гражданским служащим «с подобной репутацией» запрещено заниматься соответствующей деятельностью, что подтверждено практикой Конституционного Суда РФ.

Заметим, например, что военные прокуроры в современной России осуществляют весьма активную деятельность, направленную на проверки военных комиссариатов в целях выявления незаконного освобождения граждан от призыва на военную службу в ретроспективе, но в настоящем времени, когда призывной возраст уже достигнут и единственным неблагоприятным последствием выявления нарушений для такой категории лиц является запрет на государственную и муниципальную службу. При этом ничто не препятствует этим лицам баллотироваться в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а в случае избрания – контролировать деятельность органов исполнительной власти, включая военные комиссариаты.

Мы не являемся сторонниками столь «жестких» мер в отношении недобросовестных призывных комиссий и призывников, особенно с учетом давности вменяемого деяния или содеянного (основанием к этому нередко служат ничтожные и формальные поводы, мелкие правонарушения и т.д.), однако если законодатель все же принял соответствующее решение, то оно должно быть последовательным и охватывать, как минимум, всю основную цепочку функционирования государственного аппарата с учетом полноты возникающих при этом взаимосвязей и взаимозависимостей. Во всяком случае, требования к репутации подконтрольных лиц (исполнительная власть) не могут превышать требования к репутации контролирующих лиц (депутаты). Иное следовало бы квалифицировать как нарушение конституционного принципа справедливости в демократическом обществе с точки зрения, как установил Конституционный Суд РФ в аналогичных случаях, «равноправия лиц в тождественных правовых условиях» [3] и «недопустимого использования государством своих полномочий» [4]. В свою очередь, экспансия избирательных цензов привела бы к несоизмерным ограничениям избирательных прав граждан (ст. 32 Конституции

РФ), выражающих в совокупности и в применении ко всей системе народного представительства конституционную концепцию народного суверенитета (ст. 3 Конституции РФ). Следовательно, более перспективным здесь является путь либерализации законодательства, освобождения его от чрезмерных ограничений и запретов.

Литература:

1. Витрук Н.В. Верность Конституции – основа прогрессивного развития современной России// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 8 (48). С. 23-29.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2014 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики» // СЗ РФ. 2013. № 46. Ст. 6424.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части 8 статьи 32 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданина К.С. Янкаускаса» // СЗ РФ. 2015. № 52. Ст. 7683.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // СЗ РФ. 2017. № 44. Ст. 6569.

Косолапова Наталья Александровна
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»
кандидат юридических наук
Хмелевская Ирина Геннадиевна
магистрант юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ КАК ОБ ОДНОЙ ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В данной статье анализируется социальность как одна из основных характеристик современных государств. Рассмотрены ключевые подходы к содержательным аспектам понятия «социальное государство». Сделаны выводы о роли социального государства, его месте среди других государственных характеристик.

Ключевые слова: государство, социальное государство, государство всеобщего благоденствия, социальные права, социальная защита.

В современных реалиях одной из ключевых составляющих любого государства, ориентированного на благополучие человека, является такая характеристика как социальность. Идея социального государства имеет долгую историю, однако сам термин «социальное государство» был введен в научный оборот сравнительно недавно – в конце XIX века – немецким философом и социологом Лоренцем фон Штейном. Им он обозначал государство, основная сущность которого заключается в восстановлении социального равенства в обществе.

К слову, интересен тот факт, что помимо категории социального государства в науке зачастую используется другое понятие – «государство всеобщего благоденствия». Оно появилось в Великобритании в начале 40-х годов уже двадцатого столетия и было озвучено, прежде всего, на заседаниях английского парламента при определении оптимальной модели государственного устройства, а в 50-60-е годы получило широкое распространение в силу стремительного повышения уровня жизни в развитых странах и активной работы системы социального страхования различных социальных рисков.

Если говорить о соотношении двух приведённых категорий, то часть исследователей отмечает, что они являются синонимичными [1]. Причем для одних государств (например, Россия, Германия, Италия, Франция, Испания) ха-

рактарно употребление именно термина «социальное государство, а для других (Англия, Австрия, Швейцария, Норвегия) – «государство всеобщего благоденствия» [2].

Другие авторы полагают, что само по себе государство всеобщего благоденствия есть особый тип социального государства, наивысший этап его развития, когда обеспечивается полная занятость граждан при условии минимизации различий в заработной плате, а само трудящееся население определяет социальную политику государства, при этом определяющим является принцип солидарности [3].

Возвращаясь к содержательным аспектам рассматриваемой характеристики государства, отметим, что в сама по себе идея социального государства, государства всеобщего благосостояния довольно комплексная и в науке рассматривается с нескольких позиций. Учёными-правоведами выделяется три основных подхода к пониманию рассматриваемого явления: политический, экономический и идеологический, при этом в рамках их всех можно выделить ряд базовых элементов – общество, непосредственно государство в лице его публичных органов и рынок, без учета взаимосвязи которых нельзя составить представление о социальном государстве в целом [3].

Однако, если компилировать указанные подходы, то можно прийти к следующему определению социального государства, согласно которому оно представляет собой выстроенную определенным образом систему, где «органы публичной власти берут на себя основную ответственность за обеспечение социальной и экономической безопасности населения, как правило, посредством реализации комплексов различного рода мер (страхование на случай безработицы, выплата пенсий по старости и т.п.)» [4, с. 9]. Приведенная дефиниция, по мнению исследователей, сочетает в себе единство трех важных аспектов.

Во-первых, социальное государство как характеристика отражает политическое намерение публичной власти взять на себя социальную и экономическую ответственность за граждан.

Во-вторых, социальное государство есть метод достижения поставленных целей, т.е. реализация конкретных указанных мер по улучшению благосостояния населения.

В-третьих, понятие социального государства распространяется на социальную сферу в целом, т.е. имеет системный характер, а не затрагивает отдельные зоны влияния [4].

Отметим, что в самом широком смысле социальное государство осуществляет не только меры, непосредственно связанные с поддержкой населения – выплата пособий, решение вопросов по жилищному обеспечению, в области образования и здравоохранения и т.д., но и меры, нацеленные на управ-

ление и организацию в экономической сфере, включая вопросы, направленные на трудоустройство граждан.

Являясь неотъемлемым элементом устройства развитых стран, социальное государство зачастую выступает в качестве конституционной характеристики, что опосредует её особую практическую значимость и ценность.

На наш взгляд, закрепление в базовом законе государства его социальной сущности свидетельствует о прямой направленности на создание и обеспечение достойного уровня жизни населения и позволяет говорить о социальной функции Конституции как фундаментального документа в политико-правовой сфере, закрепляющего основные гарантии. Конституция Российской Федерации, наряду с другими Конституциями постсоветских государств, провозглашает нашу страну в качестве социального государства, политика которого направлена на создание условий обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человечества [5]. В нашем государстве на конституционном уровне признана свобода труда, установлены гарантированный минимум оплаты труда, пенсии и иные социальные выплаты, государственная социальная защита и поддержка различных категорий граждан и т.д.

Как было отмечено Н.В. Витруком, «значение социальной функции Конституции имеет особое значение в условиях российской действительности. Нищета и бедность подавляющей части населения как величайшее современное социальное зло, криминализация всей общественной жизни чревата социальными конфликтами, взрывами» [6, с. 126].

Именно поэтому, на его взгляд, «одной из первоочередных политических задач является построение социального государства, способного регулировать бедность населения, обеспечить ускоренное экономическое пойдём в целях повышения благосостояния граждан» [6, с. 126], что отмечается также отечественными государственными деятелями.

Однако если говорить о практической реализации и претворении в жизнь идеи социального государства в целом, нельзя не отметить, что этот путь довольно непрост.

Полагаем, что в наши дни подлинное социальное государство должно быть ориентировано не только на различные дотации и гарантии для нуждающихся слоев населения независимо от их статуса, но и на активное содействие всем гражданам в реализации их «способностей» – переквалификация, осуществление трудовой деятельности, обучение и т.д.

Причем, по нашему мнению, само успешное воплощение концепции социального государства есть единство ряда элементов – это, во-первых, установление социальной политики государства на легальном уровне (прежде всего, в Конституции), что выступает не только как ориентир, определяющий направление

государственной политики, но и как базовая гарантия обеспечения благосостояния населения; во-вторых, создание достойного уровня жизни и реальных условий для реализации социальных прав граждан.

При это важно учитывать, что сам по себе достойный уровень жизни не сводится лишь к одним материальным благам, а заикливаться лишь на одном сегменте прав (в нашем случае – социальных) ошибочно – в современных реалиях вся совокупность прав должна находиться в гармонии, т.е. без оптимально выстроенной системы прав человека и гражданина в целом, пусть и при достаточно высоком уровне социальной защиты населения, невозможно говорить о наличии полноценного социального государства.

Иными словами, социальное государство в современных реалиях – явление системное, находящееся в тесной взаимосвязи с другими характеристиками. Так, нельзя представить себе развитое социальное государство, в то время как «неэффективны» другие направления государственной политики.

В этой связи важно указать на тот факт, что само по себе социальное государство одновременно должно являться и правовым. Иначе невозможно представить его существование в целом. Правовое и социальное государство – категории, неразрывно связанные на практике, и судить о реальном наличии того или иного в конкретно взятой стране можно лишь анализируя обе характеристики в их взаимодействии и единстве.

Резюмируя, отметим, что социальное государство на современном этапе – один из важнейших элементов государственной политики, который во многих развитых странах закреплён на конституционном уровне. Однако, будучи «прописанным» в ключевых нормативных правовых актах, социальное государство не всегда реально существует на практике, что требует привлечения к нему особого внимания. Важно понимать, что социальное государство – явление довольно сложное и комплексное, и для своего фактического «воплощения» требует не только мобилизации многих ресурсов, но и проведения единой политики в области прав человека и гражданина в целом. Иначе говоря, сделать вывод об успешности становления государства в качестве социального можно лишь тогда, когда созданы благоприятные условия для всестороннего развития личности, которая в полной мере может реализовать всю совокупность принадлежащих ей прав – как социальных, так и других – личных, политических, экономических, культурных.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 22.11.2020 г.).

2. Аристов Е.В. Социальное государство в конституционном праве: к вопросу о дискуссии относительно понятия // Вестник Пермского университета. 2015. № 3 (29). С. 8-14.

3. Витрук Н.В. Верность Конституции. 2-е изд. – М.: РГУП, 2016. 272 с.

4. Дашкевич В.В. Развитие идеи «социального государства» // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 204-210.

5. Клеутина А.В. Сущностные характеристики современного государства: дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01. М., 2009. 250 с.

6. Ляшенко В.В., Матанцев Д.А. Концепция социального государства: история и современность // Современное право. 2016. №5. С. 139-144.

Кротов Андрей Владиславович

заместитель начальника отдела восточно-европейского права
Oil-Inv Corp (корпорация Ойл-Инв)
кандидат юридических наук
(Н. Новгород, Россия)

КЛАССИЧЕСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация. В статье проанализированы подходы к интерпретации конституционализма, охарактеризованы его разновидности с учетом политического режима, идеологического и политического плюрализма, юридического равенства и прав человека

Ключевые слова: конституция, конституционализм, права человека, демократия.

Термин «конституционализм» впервые появился в американской политико-правовой мысли в конце XVIII – начале XIX века. Изначально под конституционализмом понималось верховенство писаной конституции над издаваемыми законами и иными правовыми актами, в дальнейшем конституционализм приобрел иной смысл, получил более широкое значение, и стал применяться в качестве либеральной антитезы абсолютизма, для характеристики процессов перехода к демократии и установления конституционного строя в различных государствах [1], подразумевающего демократический политический режим, идеологический и религиозный плюрализм, юридическое равенство, естественные права человека.

Классический конституционализм, устроенный на либеральной идеологии, является проявлением западной цивилизации, итогом развития западного мира, соответственно и этапы его развития коррелируют с особенностями развития либеральной повестки [2].

В основе конституционализма, как особого политико-правового явления, представляющего собой систему конституционно-правовых принципов, норм, доктрин, «идей и взглядов относительно теории и практики организации государственной и общественной жизни в соответствии с идеалами конституционной демократии» [3], находится определенное мировоззрение (мировозренческая основа), рассматриваемое в качестве «системы принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих как отношение к действительности, общее понимание мира, так и жизненные позиции, программы деятельности людей» [4], в свою очередь субъектом (носителем) мировоззрения может являться как индивидуум, так и коллектив.

Мировоззрение, как индивидуальное, так и коллективное, несет в себе черты, обусловленные спецификой различных локальных цивилизаций [5], выступающих как относительно самостоятельные культурные миры, например, западно-христианская, восточно-христианская (византийская и русская ветвь), и иные.

Особую роль в формировании мировоззрения выполняет духовность.

Наличие духовности в конституционализме, как справедливо пишет М.В. Мархгейм: «абсолютно необходимое условие его жизнеспособности и прогрессивности» [6].

Категория «духовность» активно эксплуатируется современными российскими политиками, учеными, неоднократно используется в публицистике, в частности, отмечается «дефицит духовных скреп» [7], русский язык рассматривается в качестве «естественного духовного каркаса всей многонациональной страны» [8], констатируется наличие «духовного кризиса» по причине реализации в России программы «догоняющего развития» (catch-up growth) [9].

Сформулировать ясное определение духовности сложно, в научной литературе отмечается: «источник духа, духовности – не образование, не разум, не интеллект, не культура, а только Бог» [10], но указание на Бога в качестве источника духовности означает не то, что это некий дар бога, а то что определенный блок мировоззрения формируется под влиянием философско-религиозных идей, причем такое влияние может быть различным (в зависимости от степени клерикализации общества), иными словами, духовность возможно представить как индивидуальные и коллективные базовые универсалии [11] зависимые от религиозных ценностей.

Ценности классического либерализма были сформулированы под влиянием идей, воспринятых из западного христианства (с собой ролью протестантизма), как собственно и идеология ленинского марксизма несомненно испытала влияние православия, Н.В. Витрук писал: «именно мировые религии (христианство, иудаизм, буддизм, ислам) лежат в основе крупных этноконфессиональных общностей, скрепляемых общей системой ценностей, которые оказывают влияние на понимание личности, ее правового положения в обществе и государстве» [12, с. 19].

Идеи англосаксонского протестантизма [13] устоявшиеся в сознании населения США: верховенство права; ограничение государственной власти; свобода личности; религиозная свобода [14, с. 23], в качестве общечеловеческих, общепризнанных, одобряемых и востребованных людьми, ценностей, на сегодняшний день разделяются большинством населения земли (как отмечал А. Тойнби, исключительно мировоззренческая основа западной цивилизации получила общемировое признание и распространение).

В странах, относящихся к восточно-христианской цивилизации, духовность формировалась под влиянием философско-религиозных идей православия. Велико влияние православия и в современной России, которая на сегодня является крупнейшей православной страной, рассматривается в качестве хранителя и защитника православной веры, несмотря на почти вековой период доминирования марксистско-ленинского атеизма.

Православная церковь «смогла отвергнуть и осудить протестантизм, как она смогла оградить себя и от католического приступа» [15, с. 72], что сыграло существенную роль не только в отличиях наполнения категории «духовность», но и предопределило, вкупе с коллективистскими принципами построения советского общества, различия между западным и постсоциалистическим (страны Восточной Европы, русская ветвь) мировоззрением, пониманием конституционализма, как отмечает В.В. Пенской: «Восточная Европа – это не Европа, а Азия, Азия еще со времен Геродота всегда противопоставлялась Европе... сложился образ России как страны «другой» по отношению к Европе» [16].

В Энциклопедии Русского православия капитализм характеризуется как антихристианская идеология, ставшая «одной из сторон (наряду с социализмом) развертывания сатанинского духа неприятия христианской цивилизации», либерализм в свою очередь служит уничтожению религии, монархии и национального мировоззрения и подмены их «идеями стяжательства, погони за деньгами и плотскими удовольствиями, выдаваемыми за истинное выражение свободы человека» [17, с. 479].

Активное порицание либеральных идей прослеживается и в риторике современных российских политиков, заявляющих о крахе современной либеральной идеи [18].

Тенденция негативного отношения к либеральной повестке присутствует в том числе в деятельности Конституционного суда РФ, например, комментируя Определение КС РФ от 19.01.2010 № 151-О-О, судья КС РФ Н.С. Бондарь отмечает, что решение Конституционного Суда от 19.01.2010 г. направлено «на защиту традиционных национальных социокультурных ценностей российского общества, в том числе в сфере индивидуальных свобод, защиты традиционной семьи... Это (решение суда) приобрело столь актуальное звучание в свете известных неолиберальных устремлений определенных сил конституировать в качестве универсальных новые, нетрадиционные для классического конституционализма идеи, ценностные ориентиры свободы, демократии, как-то

требование полного "равенства" сексуальных меньшинств, признание однополых браков и т.п.» [19].

Отмеченное неприятие западных идей российским истеблишментом имеет свои исторические корни, как писал А.Д. Тойнби: «почти тысячу лет русские принадлежали не к нашей западной цивилизации, но к византийской – сестринскому обществу того же греко-римского происхождения, но тем не менее совершенно другой цивилизации. Российские члены византийской семьи всегда резко противились любой угрозе попасть под влияние западного мира и продолжают противиться по сей день» [5, с. 159].

В России, с учетом особого наполнения категории «духовность», специфики мировоззренческой основы, конституционализм возможно типологизировать в качестве «мнимого» (псевдоконституционализма), некоего гибрида, представляющего собой результат мутации классического конституционализма в коллективистском и православном обществе, такой конституционализм основан на иных (по сравнению с западным) началах.

Из вышеуказанного следует формирование критического подхода к попыткам обоснования весьма спорных решений Конституционного Суда РФ ссылками на идеи классического конституционализма [19], так как традиционные национальные социокультурные ценности российского общества соотносятся с идеями классического конституционализма весьма условно.

Литература:

1. Баев В. Г. Конституционализм как понятие и научная проблема // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3. С. 44 – 62.
2. Виноградов В.В. Исследование понятия «Конституционализм» и его типологии неюридическими науками // Вестник ВолГУ. Серия 5. Вып. 11. 2009. с. 4-10.
3. Гончаров В. В. Проблемы содержания и типологии глобального конституционализма как социальной концепции // Пробелы в российском законодательстве. 2016. Выпуск №6. С. 181-197.
4. Литвинов Э.П. Личность и её мировоззренческие основы url: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-i-eyo-mirovozzrencheskie-osnovy/viewer> (дата обращения 24.10.2020)
5. Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.] / Арнольд Дж. Тойнби. М., 2011. 318 с.
6. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России. Монография / Под редакцией Ю.М. Прусакова. М., 2004. 310 с.
7. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2012 г. url: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения 29.10.2020)
8. Путин В. В. Путин назвал русский язык естественным духовным каркасом страны url: <https://www.interfax.ru/russia/571405> (дата обращения 29.10.2020)

9. Руденко В. А. Духовный кризис современного российского общества как следствие догоняющей модернизации \ Общество: экономика, политика, право. – Краснодар. – 2009. – №1-2. – с.8-12
10. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) \ Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. с. 161-169
11. Кривых Е. С. Духовные ценности в структуре религиозного мировоззрения // Научные ведомости БелГУ. № 10 (65) 2009. С. 182-187.
12. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. 447 с.
13. Ethnic groups in the USA at the end of World War One url: <https://www.bbc.co.uk/bitesize/guides/zkng87h/revision/3> (дата обращения 16.02.2020)
14. Лоуренс Х. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Лоуренс Харрисон; пер. с англ. Ю. Кузнецова. Москва, 2014. 520 с.
15. Шмеман А. Д. Исторический путь православия / Прот. А. Шмеман. М., 1993.
16. Пенской В. В. Формирование «варварского» образа русского воина и войска в западноевропейской литературе XVI века. (к постановке проблемы) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. СОЦИОЛОГИЯ. 2012. № 1. С. 53-58.
17. Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское Православие. В трех томах. Гл. редактор, составитель О. А. Платонов. М., 2009. Том 2: К – П.
18. Путин В. В. Интервью газете The Financial Times. 27.06.2019 url: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения 30.10.2020)
19. Бондарь Н.С. Конституция России: стабильность и (или?) динамизм // Юридический мир. 2013. № 12. С. 10-20.

Кутько Виктория Васильевна
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»

Новицкий Богдан Игоревич
студент юридического института НИУ БелГУ
(Белгород, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ» В СОВРЕМЕННОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы правового регулирования использования информационных технологий в судопроизводстве. Анализируются возможности и дальнейшие перспективы автоматизации судебной деятельности

Ключевые слова: судопроизводство, информатизация, электронный документ, правосудие.

В правовом государстве особое место занимает судебная власть как независимая, самостоятельная ветвь государственной власти. Речь идет о суде (судах) как о судебной власти в силу того, что судебные органы, не подменяя законодательные и исполнительные органы государственной власти, являются эффективным элементом в механизме сдержек и противовесов, разрешая конфликты между ними и другими субъектами общественных отношений на основе Конституции и закона. Судебные решения обязательны для всех субъектов права, и в этом проявляется сила судов как органов государственной власти. Суды выносят решения от имени государства, и государство обеспечивает исполнение этих решений [6, с. 11]. Несмотря на то, что использование электронных средств связи в повседневной жизни человека уже давно не является чем-то необычным, применение их при рассмотрении дел судами долгое время было ограничено, судебный процесс был закрыт от информационных технологий. Но благодаря ускоренному развитию, как самих технологий, так и норм законодательства об их применении в рамках судебного процесса можно констатировать тот факт, что российское судопроизводство постепенно, неуклонно приобретает черты «электронного правосудия».

Использование современных информационных технологий в судопроизводстве позволяет не только расширить и облегчить доступ к информации для граждан, но и обеспечить реализацию их конституционного права на доступ к правосудию, закреплённый в статье 46 Конституции Российской Федерации, и

закрывающийся в том, что «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» [1].

Важным шагом по внедрению информационных технологий в осуществление судебной деятельности стала принятая 12 декабря 2012 года Правительством РФ целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», направлена на совершенствование мер судебной защиты, а также на повышение качества правосудия в РФ [5]. Для достижения этих целей в данной программе прописана необходимость создания системы «электронного правосудия», отдельные элементы которой, уже внедрены в работу судов в рамках гражданского и арбитражного процесса [7, с. 25].

На сегодняшний день можно выделить несколько групп общественных отношений, регулирование которых предусматривает возможность использования информационных технологий при рассмотрении дел судами различного уровня.

К первой группе следует отнести возможность обращения в электронной форме в соответствующую судебную инстанцию. Она закреплена как в Гражданском процессуальном кодексе, например, в п. 4 ст. 131 ГПК РФ, в котором указано, что «исковое заявление, подаваемое посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащее ходатайство об обеспечении иска, подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации» [3]. Данную возможность призвана обеспечить система ГАС «Правосудие», которая помогает в выборе образца документа, расчёте государственной пошлины, определении подведомственности и подсудности дела, а также в поиске информации о делах, находящихся в суде и принятых по ним судебным актам.

Вторая группа общественных отношений касается самой процедуры рассмотрения дела в рамках судебного заседания. Здесь используется уже другая система – АИС «Судопроизводство». Вместе с ней в процессе применяются такие «новеллы» для российского судопроизводства как: электронные доказательства, аудиопотоколирование хода судебного заседания, система видеоконференцсвязи.

Особого внимания заслуживает третья группа отношений. Это связано с тем, что она, в отличие от двух предыдущих, возникает не на стадии разбирательства дела в суде, а раньше, ещё до возникновения спора. В этой стадии важнейшим элементом информационных технологий является электронный документооборот, посредством которого происходит обмен документами между сторонами в электронном виде, получивший закрепление в ст. 434 Гражданского кодекса. В п. 2 данной статьи указано, что «договор в письменной форме

может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными» [2]. Упоминание ГК РФ вместо ГПК РФ здесь является неслучайным, и связано с тем, данная группа общественных отношений не имеет прямого отношения к судебному разбирательству гражданских дел, и соответственно выходит за рамки гражданского судопроизводства.

Следует обратить внимание на то, что, хотя гражданское процессуальное законодательство и закрепило в своих нормах использование различных элементов системы информационных технологий, оно не закрепляет дефиниций этих элементов, законодательно их не закрепляет. И в такой ситуации представляется целесообразным обратиться к законодательству, регулирующему другие отрасли. Так, например, понятие «электронный документ содержится в законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», и определяется как документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [4].

Не следует думать, что внедрение и использование информационных систем при рассмотрении различных категорий дел проходит гладко и безошибочно. Нередки случаи, когда судьи, привыкшие вести судебные заседания в определенном формате, не хотят применять новые методы и возможности ведения судебного заседания. Они находят формальные причины для отказа в проведении судебного заседания с использованием информационных технологий. Так, например, судья может отказать в проведении судебного заседания с использованием системы видеоконференцсвязи на том основании, что у суда отсутствует техническая возможность провести заседание в таком формате. А так как проверить действительно ли у суда отсутствует такая возможность заявитель не может, то его право на доступ к правосудию подвергается серьезному ограничению.

В заключении хотелось бы отметить, что на протяжении последних десяти лет сформировалась прочная тенденция по информатизации судебной деятельности в Российской Федерации. Внедрение современных информационных технологий в судебную систему РФ позволило значительно повысить не только уровень проведения судебных заседаний, но и улучшить их качество, при этом значительно снизив сроки и издержки при рассмотрении дел в суде.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) // Российская газета. 2020, 4 июля 2020 г. № 144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // КонсультантПлюс. Профиль: Универсальный : [сайт] (дата обращения: 15.10.2020).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // КонсультантПлюс. Профиль: Универсальный : [сайт] (дата обращения: 15.10.2020).
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // КонсультантПлюс. Профиль: Универсальный : [сайт] (дата обращения: 15.10.2020).
5. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы»»: Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 21.05.2020) // КонсультантПлюс. Профиль: Универсальный : [сайт] (дата обращения: 15.10.2020).
6. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. – М.: Закон и право, 2008. 376 с.
7. Пономаренко В.А. Новое упрощённое производство: эра электронного правосудия наступила? // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3.

Кутько Виктория Васильевна

доцент кафедры теории и истории государства
и права юридического института НИУ «БелГУ»

Снытникова Елена Николаевна

студентка юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОДАЧИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы взаимодействия граждан с органами государственной власти и местного самоуправления путем подачи различного рода заявлений, предложений и жалоб. Авторы уделили внимание некоторым проблемным моментам, а также указали на возможные пути устранения ошибок, встречающихся в данной сфере.

Ключевые слова: обращение, права, свободы, властные полномочия, государственный орган.

Современное российское государство, исходя из установлений Конституции Российской Федерации есть демократическое федеративное правовое государство (ст.1), в котором граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33) [1].

Правильно составленное обращение – гарантированный результат законного и обоснованного разрешения ситуации.

Обращение гражданина – это направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления [2]. Исходя из содержания данной нормы, мы можем констатировать, что обращения могут быть поданы в форме предложения, заявления и жалобы.

Право граждан направлять обращения в органы власти является одним из способов управления делами государства и элементами народовластия [3, с. 225]. Каждое обращение гражданина, получившее положительное решение – это не просто защита его нарушенного права и законного интереса, но одновременно и элемент политики, позволяющей власти исправлять недостатки, пресекать злоупотребления, а значит, это реальный факт учета мнения конкретного гражданина, его участия в политическом управлении делами государства.

Однако сама по себе подача заявления в компетентные органы еще не гарантирует получение желаемого положительного результата. Сегодня мы наблюдаем, что все больше граждан обращаются в органы государственной власти за защитой своих прав [4, с. 214], и это, безусловно, положительное явление. Однако, следует отметить, что при рассмотрении обращений граждан должностные лица порой допускают нарушения, сами заявители допускают ряд ошибок и недоработок, что приводит в итоге к негативному результату.

Рассмотрим подробнее наиболее часто встречающиеся проблемы при подаче и рассмотрении жалоб граждан.

Зачастую, все усилия сводит на нет элементарное несоблюдение сроков как заявителями, так и должностными лицами, уполномоченными рассматривать обращения. Так, ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в ст. 8 предусматривает 3-дневный срок регистрации обращения, 7-дневный срок для переадресации, а ст. 12 устанавливает 30-дневный период на рассмотрение обращения [2].

Продолжая рассуждения, отметим, что сегодня каждый орган власти организует работу с обращениями граждан в соответствии с требованиями закона и административных регламентов, но и здесь существует ряд проблемных моментов. Например, встречаются случаи так называемой подмены основного довода, когда гражданин жалуется на одно действие должностного лица, а получает ответ, в котором содержатся общие положения о правах и обязанностях должностных лиц органа, в который гражданин обращался. Также может поменяться предмет жалобы. Это происходит, когда гражданин просит ответить на конкретные вопросы, а получает ответы либо общего характера, либо на другие вопросы.

Важно помнить, что обращение или жалоба гражданина, по своей сути – это обратная связь между органами власти и народом.

Прежде, чем приступить к написанию обращения, надо определить, к какому уровню власти будет относиться вопрос. Существуют три уровня власти: федеральная (компетентна разрешать любые вопросы в масштабах страны), региональная (ответственна перед жителями субъекта), муниципальная (местная власть, отвечающая за большинство местных вопросов).

Для того, чтобы обращение было направлено правильно, и не пришлось длительное время ждать ответа, нужно выяснить, к компетенции какого государственного органа относится разрешение волнующего заявителя вопроса. Для этого нужно четко понимать сферу правоотношений, в которой возникла проблемная ситуация.

Вызывает немало вопросов и порождает определённые трудности на практике соблюдение требований к письменному обращению. Прежде, чем писать обращение, будет весьма полезным изучить судебную практику по рассматриваемому вопросу. Это поможет грамотнее сформулировать дальнейшие требования.

Также следует обращать внимание, что по каждой проблеме должны составляться разные обращения. Например, не целесообразно в одном обращении писать про некачественный капитальный ремонт и тут же выяснять причину начисления задолженности по оплате коммунальных услуг. Это в большинстве случаев приведет к получению ответа только на один из заданных вопросов.

Нет необходимости в обращении цитировать большое количество всевозможных правил и постановлений. При этом в самом начале обращения желательно сразу дать понять чиновнику, что вопрос находится в его компетенции, при этом сослаться на закон или постановление.

Само обращение лучше писать простыми и короткими фразами, соблюдая хронологию событий.

Важно помнить, что каждое последующее обращение непременно должно быть связано с предыдущим. В обязательном порядке нужно указать, в нескольких предложениях суть предыдущего обращения, и кратко изложить суть ранее полученных ответов.

Еще одно важное правило – в обращении не должно быть эмоций, важно соблюдать официально-деловой стиль общения. Если есть возможность приложить дополнительно документы, которые могут подтвердить доводы, изложенные в обращении, то это обязательно нужно сделать.

Также следует помнить, что согласно действующему законодательству в письменном обращении должны содержаться следующие сведения: фамилия, имя, отчество; почтовый адрес, по которому должен быть направлен ответ; изложение сути обращения; личная подпись и дата.

Не подлежат рассмотрению анонимные обращения. В случае, если в обращении содержится информации о готовящемся преступлении или теракте, то оно направляется в соответствующие органы и ответ по ним не дается. При этом регистрации и учету подлежат все обращения, поступившие в орган государственной власти и орган местного самоуправления.

Подводя итог, отметим, что каждый гражданин обладает правом на обращение. В целях реализации своих прав и законных интересов граждане могут обратиться в любую организацию. За исключением случаев, установленных законом, все обращения, поступившие в организацию, подлежат рассмотрению. Должностные лица должны в установленные сроки рассмотреть обращение и дать на него ответ.

Важным вектором совершенствования регулирования отношений в сфере обращений граждан является фокусирование внимания на объективном и конструктивном рассмотрении обращений граждан по существу. Так как в большинстве случаев формальные и процедурные стороны этой работы обеспечиваются, а её содержательные аспекты представителями власти порой игнорируются, и не всегда конкретные обращения рассматриваются, а главное, решаются по существу.

Таким образом, институт обращений граждан в целом выполняет правозащитную, информационную и коммуникационную функции, но при этом нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020, 4 июля 2020 г. № 144.

2. Федеральный закон от 02 мая 2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 27.12.2018) // КонсультантПлюс. Профиль: Универсальный : [сайт] (дата обращения: 15.10.2020).

3. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. 448 с.

4. Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном изменении (история, доктрина и практика). Избранные труды (1991–2012 гг.). – М.: Норма, 2012. 688 с.

Кутько Виктория Васильевна,
доцент кафедры теории и истории государства
и права юридического института НИУ «БелГУ»,
Турубарова Алина Сергеевна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

«ВОЛОНТЕРЫ ПОБЕДЫ» – ХРАНИТЕЛИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: статья посвящена анализу сущностных признаков волонтерской деятельности в молодежной среде как социального феномена. Исследуются и раскрываются особенности и направления волонтерской деятельности, которые могут объединить усилия различных людей и снизить социальную напряженность в обществе.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, правореализация, волонтерство, социальная активность.

В последнее время особую актуальность приобретает изучение и правовое регулирование деятельности, связанной с охраной, защитой и непосредственной реализацией прав, свобод и законных интересов граждан. Не было и нет актуальнее, злободневнее темы в обществоведении, чем положение личности в современном гражданском обществе и демократическом правовом государстве [1, с. 6].

В рамках исследования данной проблематики, хотелось бы обратить внимание на работу Всероссийского общественного движения «Волонтёры Победы» Белгородского госуниверситета, выступающих в качестве помощников государства при реализации прав и свобод граждан старшего поколения: ветеранов Великой Отечественной войны, тружеников тыла, детей войны, членов Совета ветеранов войны и труда – права на «достойную старость» и социальное обеспечение [2]. Особая социальная значимость данной деятельности для об-

щества и государства обусловлена, прежде всего, необходимостью сохранения исторической памяти о героических подвигах тех, кто сегодня сам нуждается в определенной поддержке и внимании [3, с. 15].

Порядок оказания старшему поколению социальной помощи строго регламентирован законодательством. Так, Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» не только закрепляет понятие и особенности правового статуса ветерана, но и направлен на создание условий, обеспечивающих ему «достойную жизнь, активную деятельность, почёт и уважение в обществе» [4]. Меры социальной поддержки закреплены и в региональных актах [5]. Постановление правительства Белгородской области от 14.12.2004 № 199-пп «Об утверждении порядка осуществления ежемесячной денежной выплаты ветеранам труда, ветеранам военной службы, труженикам тыла, реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, с учётом права на получение государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг (социальной услуги)» преследуют цель: оказание мер социальной поддержки гражданам различных категорий на территории Белгородчины [6]. В свою очередь, волонтерская деятельность, права добровольцев, условия реализации ими благотворительной деятельности в Российской Федерации, с недавнего времени законодателем описаны, в основном, Федеральным законом от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [7].

За годы своего существования волонтерам Победы НИУ «БелГУ» привычно вести работу в рамках шести известных направлений: «Великая Победа» подразумевает участие добровольцев в подготовке и проведении парадов Победы; «Связь поколений» включает в себя оказание социальной помощи ветеранам с уборкой, ремонтом, покупкой продуктов, а также психологическую поддержку посредством общения; «Моя победа» отражает личные заслуги волонтера, а именно навыки создания команды и грамотного управления ею, разработка и реализация историко-культурного проекта, а также правильное использование ресурсов для его создания и реализации; в рамках направления «Наши Победы» добровольцы рассказывают о героях и их достижениях, организуя лекции, интеллектуальные игры, квесты и другие героико-патриотические мероприятия и акции; волонтеры направления «Моя история» помогают с восстановлением семейного древа, проводя консультации, занимаются поиском соответствующей информации, что в свою очередь подчёркивает важность изучения истории семьи, города, области и страны в целом; «Медиапобеда» представляет собой освещение проводимых «Волонтерами Победы» мероприятий и акций, что безоговорочно способствует повышению исторической грамотности обучающихся как НИУ «БелГУ», так и жителей региона в целом, формирова-

нию исторического сознания, гражданственности и патриотизма посредством всестороннего изучения событий Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, истории университета и области, а также популяризация движения среди молодёжи. В рамках направления «Связь поколений» добровольцы, сотрудники университета, а также иные заинтересованные граждане организуют Всероссийскую акцию «Красная гвоздика», тем самым помогая не только словом, но и реальным делом, потому что вырученные в рамках проведения акции средства позволяют оказывать ветеранам высокотехнологичную медицинскую помощь непрерывно. Безусловно, все эти направления объединены единой целью – сохранение исторической памяти нашей Родины.

В феврале 2020 года волонтерами Победы университета совместно с региональными представителями движения была организована Всероссийская патриотическая акция «Письмо Победы», в рамках которой абсолютно каждый обучающийся мог выразить свои мысли на бумаге, сердечно поблагодарив защитников Отчизны. После чего письма были доставлены волонтерами «Победы» лично ветеранам, которые радушно встретили студентов, долго и интересно общались. Волонтеры оказали необходимую помощь по хозяйству. Такие добровольческие акции проходят только при предварительном выяснении, удобно ли организовать встречу. Важно отметить, что в любых обстоятельствах волонтеры чрезвычайно вежливы, заботливы и ответственны. Состав команды студентов отличается взаимопомощью внутри коллектива.

Новые обстоятельства готовят новые вызовы в том числе и для волонтерского корпуса. Волонтеры помогали старшему поколению в период введения мер по ограничению распространения коронавирусной инфекции посредством тесного совместного взаимодействия с «Волонтерами-медиками», социальными и другими добровольцами университета и области, в рамках Всероссийской акции взаимопомощи «Мы вместе».

Подводя итог, хотелось бы отметить, что деятельность «Волонтеров Победы» университета занимает важное место в реализации прав ветеранов Великой Отечественной войны, тружеников тыла, детей войны членов Совета ветеранов войны и труда. Для каждого из представителей волонтерского движения большая честь прикоснуться к истории, внести свою лепту в общее благо, применить юридические знания и в волонтерской деятельности.

Великая Отечественная война коснулась каждой семьи, отозвалась в каждом сердце, изменила судьбу поколений и страны в целом. Знать и помнить о героизме, мужестве и отваге защитников и трудящихся на благо Родины – обязанность граждан. Пока живы люди, подарившие счастливую жизнь, помнить, хранить и оберегать их права – наше общее дело!

Деятельность волонтера – это самоотверженный бескорыстный труд. Человеческая жизнь проходит с невероятной быстротой. Стало быть, лучшее, что может сделать волонтер – охранять, беречь, заботиться, помогать героям, не позволять забывать об их славных подвигах. Нужно сказать, что «Волонтёры Победы» помогают создавать условия для комфортной жизни старшего поколения. Содействуют реализации их прав, свобод и законных интересов совместно с государством. Кроме того, волонтёры Победы Белгородской области организуют встречи с первыми лицами региона, где обсуждаются общественно значимые проекты. Действительно, молодое поколение служит неиссякаемым источником новых креативных идей и способов воплощения их в жизнь. Однако, очевидной становится необходимость совершенствования и актуализации нормативно-правовой базы волонтерской деятельности в регионе, в этом испытывают потребность как ветераны, так и добровольцы. Задача волонтера сегодня – сохранить память и помочь каждому не только узнать о своих правах и возможностях, но и помочь каждому нуждающемуся в этом реализовать свое право, почувствовать заботу и поддержку государства не на словах, а на деле.

Литература:

1. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. 448 с.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) // Российская газета. 2020, 4 июля 2020 г. № 144.
3. Гордилова О. А. Волонтерство как социальный феномен: учебно-методическое пособие. – Белгород: Политерра, 2008. – 157 с.
4. О ветеранах: Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 3. Ст. 168.
5. Социальный кодекс Белгородской области: Закон Белгородской области от 28.12.2004 № 165 (ред. от 18.03.2020): электронный ресурс: URL: <http://docs.cntd.ru/document/469022331>
6. Об утверждении порядка осуществления ежемесячной денежной выплаты ветеранам труда, ветеранам военной службы, труженикам тыла, реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, с учётом права на получение государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг (социальной услуги): Постановление правительства Белгородской области от 14.12.2004 № 199-пп : электронный ресурс: URL: <http://belg-gov.ru/doc/553>

7. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 1995, 17 августа 1995 г. № 159.

Никонова Людмила Ивановна

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент

Подмоков Никита Сергеевич

студент юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ГЕНДЕРНО-ЧУТКИЙ ПАРЛАМЕНТ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ОН ДЛЯ РОССИИ?

Аннотация. В статье на основе анализа представительства женщин в национальных парламентах европейских стран, делается вывод о различных подходах к выбору обеспечения гендерного равенства в политической жизни государства. Рассматривается возможность использования зарубежного опыта для реализации равноправного участия российских женщин наряду с мужчинами в деятельности представительных органов.

Ключевые слова: гендерное равенство, гендерно-чуткий парламент, гендерные квоты, представительные органы, партийные списки, политика

В Конституции Российской Федерации вопросы равенства прав и свобод человека и гражданина по половому наряду с иными признаками отражены в ч. 2 ст. 19 в рамках гарантирования этого со стороны государства. Одновременно ч. 3 данной конституционной статьи прямо указывает, что мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Следовательно, недопустимость дискриминации по любому основанию в том числе и по половому, распространяется и на политические права, в числе которых участие в управлении делами государства. Отметим, что принцип равноправия получил серьезное содержательное и гарантийное приращение в исследованиях Н.В. Витрука [1].

В современном мире вовлеченность женщин в сферу государственного управления и политическую деятельность является одним из важнейших признаков обеспечения гендерного равенства, значимым критерием реализации равных возможностей мужчины и женщины, показателем, раскрывающим потенциал женского участия в государственной жизни страны.

Именно представительство женщин в органах государственной власти и местного самоуправления наряду с экономическим положением, уровнем образования и сферой здравоохранения – одна из четырех главных сфер неравенства между мужчинами и женщинами, что отражено в ежегодном Отчете по глобальному гендерному разрыву (Global Gender Gap Report), подготовленному Всемирным экономическим форумом (World Economic Forum) [2]. Данные, взятые из постоянно обновляемой базы «Женщины в национальных парламентах», которую ведет Межпарламентский союз (Inter Parliamentary Union), убеждают об ограниченности доступа женщин к «большой» политике [3]. Так, по состоянию на 2017 г. общемировая доля женщин в национальных представительных органах власти составляет около 27 % [4].

Статистика показывает, что среди 27 государств Европейского Союза первые места по представительству женщин в национальных парламентах (тех его палатах, которые избираются напрямую гражданами) занимают Швеция (47 % от общего состава), Испания (44 %) и Финляндия (42 %). В парламентах Франции и Германии женщины составляют соответственно 39,5 и 31,2 %. Несколько ниже процент представительства женщин в национальных парламентах Литвы (24,1 %), Чехии (22,5 %), Румынии (21,9 %) и Словакии (20 %), то есть в странах, которые совсем недавно стали членами ЕС [3]. Для государств, стремящихся обеспечить гендерное равенство при представлении интересов граждан в национальных парламентах, используется даже особый термин «гендерно-чуткие парламенты». Формирование таких парламентов имеет два важнейших аспекта: создать необходимые условия работы для парламентариев и определить степень учета гендерной проблематики в основной деятельности представительного органа [5].

Паритетное представительство женщин и мужчин в выборных органах власти берет начало с установления добровольных партийных квот в 70-х гг. XX в. Как пишут К.А. Кавеев и Н.В. Пазинич, «до начала 1970 гг. политические партии Скандинавских стран и других государств Европы, оставались чисто «мужскими» организациями. Женщины составляли в них меньшинство и были лишь в незначительной степени представлены в среде партийного руководства и кандидатов в члены парламента. Поэтому стали организовываться женские партийные секции, целью которых было привлекать к участию в партийной деятельности новых сторонников из женской среды и мотивировать женщин-избирателей к поддержанию партий на выборах» [6, с. 212].

Со временем партии этих стран стали добровольно включать в свои уставы квоты для женщин при составлении внутрипартийных списков кандидатов, избираемых на руководящие должности на муниципальном, региональном и

национальном уровнях, причем представительство каждого пола не должно было составлять менее 40 % и выше 60 % [6, с. 212].

Сегодня такие квоты действуют в большинстве стран членов Европейского Союза: Австрии, Великобритании, Франции, Германии, Чехии, Греции, Испании, Италии, Литве, Нидерландах, Венгрии, Словакии, Румынии и др. [7]

Кроме партийных документов правовым основанием применения гендерных квот являются нормы Конституции (Сербия, Франция и др.), законодательные акты о равенстве полов (Финляндия, Норвегия, Швеция и др.), нормативные акты, регламентирующие избирательный процесс (Бельгия, Греция, Ирландия, Польша и др.). Например, абз. 2 ст. 1 Конституции Французской Республики 1958 г. устанавливает, что «закон содействует равному доступу женщин и мужчин к выборным мандатам и выборным должностям, а также к должностям профессионального и социального характера» (Конституционный закон № 2008-724 от 23 июля 2008 г.) [8, с. 81]. Статья 15 Конституции Сербии 2006 г. под названием «Гендерное равенство» закрепляет, что государство должно гарантировать равенство мужчин и женщин и развивать политику равных возможностей [9]. Аналогичный принцип, как мы уже указывали, закреплён в ч. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации 1993 г., согласно которому «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» [10].

Введение законодательных квот привело к значительному росту представительства женщин в политической сфере. Так, в 2017 г. в 20 странах, где использовались избирательные квоты, процентное соотношение женщин к общему числу парламентариев в этих странах составило более 30 %, а в 16 странах, где квоты не использовались такое соотношение составило только 15,4 % [4].

В некоторых странах для партий, устанавливающих определенное число или процентное соотношение представителей обоих полов, законодательством установлено дополнительное государственное финансирование (Грузия, Румыния). В Канаде, например, расходы на услуги по уходу за детьми, понесенные по причине участия в выборах, подлежат возмещению и должны указываться в отчете о финансировании избирательной кампании [5, с. 75].

Отмечая положительную динамику в этой области, Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека подчёркивает, что «законодательные квоты имеют довольно узкое применение и касаются только представительства в парламенте, которое, при всей своей важности, является лишь одним из аспектов участия женщин в политической жизни. Представительство на местном уровне и в органах исполнительной власти тоже должно учитываться в целостном подходе к решению задачи» [5, с. 34].

Анализируя представительство женщин в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва, следует отметить, что численность женщин-парламентариев несколько меньше, чем, в национальных представительных органах Европы. Председатель Государственной Думы В.В. Володин, отвечая на вопросы о гендерном равенстве, отметил, что депутаты-женщины составляют всего 18% от общего числа депутатов нижней палаты российского парламента, а вот количество занимающих руководящие должности намного больше. Так, женщины занимают посты вице-спикеров, руководителей комитетов, руководителя Аппарата Государственной Думы, а также должности первых заместителей и заместителей комитетов [11].

На сегодняшний момент только четыре комитета Государственной Думы (из 26) возглавляют женщины (Комитет по вопросам женщин, семьи и детей, Комитет по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству, Комитет по контролю и Регламенту, Комитет по культуре). Перечень комитетов показывает, что существует четкое разделение: женщины чаще отвечают за гуманитарные вопросы, здравоохранение, тогда как оборона, внешняя политика, безопасность и другие «серьезные» области чаще всего поручаются мужчинам.

Схожая тенденция наблюдается и других странах. Опрос, проведенный Межпарламентским союзом в 89 парламентах, показал, что 42 женщины возглавляют комитеты по вопросам социального обеспечения, семьи и культуры, и 20 – комитеты по вопросам образования [5, с. 103].

Определенной попыткой введения паритетного гендерного представительства в России был законопроект «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей женщин и мужчин в Российской Федерации» [12], принятый Государственной Думой в первом чтении в 2003 г. В соответствии с проектом предусматривалось обязательное введение гендерных квот для политических партий, изъявивших желание принять участие в выборах на территории Российской Федерации.

Комментируя отклонение Государственной Думой во втором чтении в 2018 г. данного законопроекта (через более чем 15 лет после его принятия в первом чтении) спикер Государственной Думы В.В. Володин заявил, что в современных условиях российскому парламента необходимо сконцентрироваться на вопросах защиты прав женщин в трудовых отношениях и оплате труда [11]. Такая позиция, на наш взгляд, отодвигает проблему равноправного участия российских женщин в деятельности государственных органов на задний план.

Полагаем, что меньшая по сравнению со странами Европы доля присутствия женщин в российском парламенте и на руководящих должностях государственной службы обуславливается, в том числе, и особенностями россий-

ского менталитета с «исторически сформировавшимися гендерными социальными ролями» [13, с. 28].

Затронув только небольшую часть проблемы, касающуюся представительства женщин в органах государственной власти, на примере национальных парламентов (не анализировались органы исполнительной власти, муниципальные органы и др.), отметим, что в странах Европы существуют различные подходы к обеспечению равенства женщин и мужчин в этой области. Наиболее распространённым является добровольное установление квот политическими партиями в уставных и партийных документах, а также законодательное закрепление таких квот.

Резюмируя, отметим, что для воплощения в России идеи «гендерно-чуткого парламента» необходимо создание реальных условий для выдвижения женщин во властные структуры, устранение факторов, ограничивающих возможности участия женщин в представительных органах, реализация государственной политики, направленной на поддержание и стимулирование партий (через дополнительное финансирование), устанавливающих равные квоты для мужчин и женщин при составлении партийных списков.

Литература:

1. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
2. World Economic Forum. Global Gender Gap Report [Электронный ресурс]. URL: <http://www3.weforum.org> (дата обращения: 02.11.2020)
3. Global Database of Quotas for Women, Inter Parliamentary Union. Quota Project. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.quotaproject.org/aboutQuotas.cfm>. (дата обращения: 04.11.2020)
4. Женщины в политике: представительство в парламентах, министерствах [Электронный ресурс] // The world only. 2018, 14 марта. URL: <https://theworldonly.org/women-in-politics/> (дата обращения: 01.11.2020)
5. Продвижение участия женщин в политике в регионе ОБСЕ: сборник передовых практик/ Опубликовано Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). – Варшава, 2016. 123 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/6/6/230151.pdf> (дата обращения: 07.11.2020)
6. Кавеев К.А., Пазинич Н.В. Политика гендерного равенства в скандинавских странах // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 210- 217.
7. Gender balance in decision-making positions. European Commission. 2015, Autumn [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/justice/gender-equality/gender-decision-making/index_en.htm. (дата обращения: 07.11.2020)

8. Конституции зарубежных государств: Великобритании, Франции, Германии, Италии, США, Японии и Бразилии: учеб. пособие/ [сост. сб., пер., авт. введ и ступ. ст. В.В. Маклаков]. – 7-е изд. перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010. 656 с.

9. Конституция Республики Сербия 2006 г. / Международная славянская правовая академия [Электронный ресурс]. URL: <http://mspa7520.ru/konstituciya-respubliki-serbiya> (дата обращения: 07.11.2020)

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета, 1993. № 237, 25 декабря; «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 4 июля 2020 г.

11. Госдума не поддержала законопроект о гендерном равенстве // Интерфакс. 2018, 11 июля. URL: <https://www.interfax.ru/russia/620559> (дата обращения: 07.11.2020)

12. Проект Федерального закона № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.01.2003). URL: (<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=PRJ&n=15344&req=doc#07960640937090975>)

13. Бутакова Я.С., Войнов В.П Проблемы определения гендерного равенства // Актуальные вопросы современной науки. 2009. №7-2. С. 24-29.

Нифанов Алексей Николаевич

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ШЕЛЬФ И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА В КАТАЛОГЕ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассмотрены континентальный шельф и исключительная экономическая зона как территории, в отношении которых Российская Федерация распространяет свои суверенные права и осуществляет юрисдикцию.

Ключевые слова: континентальный шельф, исключительная экономическая зона, территория, юрисдикция, Конституция Российской Федерации, международный договор.

Континентальный шельф и исключительная экономическая зона Российской Федерации не являются государственной территорией, но в соответствии с ч. 2 ст. 67 Конституции Российской Федерации «Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права». Здесь уместно привести мнение Н.В. Витрука, что «Ценность конституции может быть существенно повышена, если она, во-первых, наиболее полно отражает общепризнанные принципы и норма международного права; во-вторых, решает вопрос о соотношении международного права и национального права» [1, с. 79]

С точки зрения международного права и континентальный шельф, и исключительная экономическая зона относятся к категории территорий со смешанным правовым режимом [2, с. 34-38].

Федеральный закон «О континентальном шельфе Российской Федерации» от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ в ст. 1 дал определение и установил границы континентального шельфа Российской Федерации в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г.

Континентальный шельф Российской Федерации включает в себя морское дно и недра подводных районов, находящиеся за пределами территориального моря Российской Федерации на всем протяжении естественного продолжения ее сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка.

С учетом положений ст. 2 указанного Федерального закона внешняя граница континентального шельфа находится на расстоянии 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, при условии, что внешняя граница подводной окраины материка не простирается на расстояние более чем 200 морских миль.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» разделение континентального шельфа, установление условных границ между Российской Федерацией и государствами, побережья которых противостоят побережью Российской Федерации или являются смежными с побережьем Российской Федерации, осуществляется на основе международных договоров Российской Федерации или норм международного права в процессе делимитации.

Делимитация континентального шельфа подразумевает согласно нормам международного права закрепление за прибрежными государствами определенных прав на континентальный шельф. Как правило, их отражают в двусторонних договорах между государствами. Так, например, 28 марта 1986 г. был

издан Указ Президиума Верховного Совета СССР № 4374-ХІ «О ратификации Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой о разграничении экономической зоны и континентального шельфа» [3].

Подобные договоры Российская Федерация как правопреемница Советского Союза имеет со всеми граничащими с ней государствами.

Российская Федерация осуществляет суверенные права и юрисдикцию на континентальном шельфе, руководствуясь экономическими, торговыми, научными и иными интересами; не препятствует осуществлению судоходства, иных прав и свобод других государств, признаваемых в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Деятельность на континентальном шельфе осуществляется с учетом судоходства, рыболовства, морских научных исследований, других правомерных видов деятельности, а также с учетом обеспечения защиты и сохранения морской среды, минеральных и живых ресурсов.

Права прибрежного государства на континентальный шельф не затрагивают правового статуса покрывающих его вод и воздушного пространства над этими водами.

Анализ международных договоров, нормативных правовых актов, определяющих содержание понятия «юрисдикция государства на континентальном шельфе» и «суверенное право», позволяет сделать вывод о том, что они в правоприменительной практике фактически совпадают [2, с. 34-38].

Данный вывод полностью применим и к отношениям в исключительной экономической зоне.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» она представляет собой морской район, находящийся за пределами территориального моря Российской Федерации и прилегающий к нему, который обладает особым правовым режимом, установленным данным Федеральным законом, международными договорами Российской Федерации и нормами международного права. Данное определение исключительной экономической зоны применяется также ко всем островам Российской Федерации. Оно не применяется для скал, непригодных для поддержания жизни человека или для осуществления самостоятельной хозяйственной деятельности.

Внутренняя граница исключительной экономической зоны – это внешняя граница территориального моря. Она примыкает к сухопутной территории или к внутренним морским водам Российской Федерации. Ее ширина составляет 12 морских миль, отмеряемых от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря.

Внешняя граница исключительной экономической зоны расположена на расстоянии 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации.

Все изъятия и исключения в объеме прав Российского государства, осуществляющего суверенные права или юрисдикцию относительно континентального шельфа или исключительной экономической зоны, укладываются в требования ст. 15 Конституции Российской Федерации. Поэтому в определении объема прав государства в отношении шельфа и экономической зоны главная роль принадлежит международному праву, а не праву внутреннему. Суверенитет государства распространяется также на искусственные острова, установки и сооружения, находящиеся на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне.

Таким образом, подчеркнем еще раз, что в состав государственной территории Российской Федерации в соответствии с Конституцией не входит континентальный шельф и исключительная экономическая зона. Это территории, в отношении которых Россия распространяет свои суверенные права и осуществляет юрисдикцию.

Представленный конституционный подход также разделяется учеными. К примеру, по мнению И.Н. Барцица, территория Российской Федерации – это исторически сложившееся пространство в пределах государственной границы, на которое распространяется суверенитет Российской Федерации.

В соответствии с данной формулировкой в Конституции Российской Федерации он выделяет два вида пространств:

- 1) собственно территорию государства, в пределах которой оно осуществляет абсолютную юрисдикцию;
- 2) пространства, на которых суверенные права и юрисдикция определяются в соответствии с нормами международного права.

Таким образом, ко второй категории отнесены континентальный шельф и исключительная экономическая зона [4, с. 28].

Литература:

1. Витрук Н.В. Верность Конституции : Монография. – М., 2008.
2. Самсонов В.А. Правовой режим континентального шельфа Российской Федерации, его содержание и обеспечение // Международное публичное и частное право. 2005. № 2.
3. Ведомости ВС СССР. 1986. № 14. Ст. 231.
4. Барциц И.Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. – М.: изд-во Московского университета, 2000.

Новикова Алевтина Евгеньевна,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент,
Поданёва Олеся Леонидовна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

РИСКИ РАНЖИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: в статье представлены результаты анализа российского законодательства, включая ретроспективный аспект, на предмет выявления в нем приоритетов в национальных интересах. Установлены их ранжирование; изменение приоритетов в корреляции с государственным режимом; укрепление социальных оснований от конституционного уровня до прикладного.

Ключевые слова: национальные интересы, социальные основания, суверенитет, оборона, социальное государство.

В спектре научного поиска приоритетными направлениями выступают не только экономико-правовые, политико-правовые, культурно-исторические основания национальных интересов, но и социально-правовые, формирующиеся во взаимодействии государства с функциональными подсистемами социума.

Под социально-правовыми основаниями национальных интересов понимается конституционно обусловленная совокупность нормативных правовых актов и гражданских инициатив, совместных действий публичных субъектов, направленных на результативное функционирование социального государства, создающего условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека.

Социально-правовые основания национальных интересов тесно коррелируются с конституционно закрепленной моделью социального государства, иными конституционными нормами, определяющими социальные правоотношения, а также установлениями нормативных правовых актов, конкретизирующих субъективные социальные права и их гарантии в многообразии сфер здравоохранения, демографии, образования, продовольствия и др.

В действующем законодательстве отсутствует внятная регламентация положений, касающихся формально-определенной системы социальных интересов, а также их градации с позиции нужд и потребностей интересов личности, общества, государства. Вместе с тем, анализ и оценка нормативной правовой

базы и юридической доктрины позволяют обозначить взаимосвязи государственных, общественных и личных интересов.

В Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) интересы государства, полагаем, объективно уступают место интересам личности и общества, о чем свидетельствуют следующие нормы: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (ч. 1 ст. 3), который «осуществляет свою власть непосредственно, а так же через органы государственной власти и органы местного самоуправления» (ч. 2 ст. 3) и др. Кроме указанных, важна норма ст. 18 о правах и свободах человека и гражданина, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваемых правосудием.

Вместе с тем, в Конституции России отсутствуют специальные главы, статьи, содержащие поименованный исчерпывающий перечень социальных интересов. Наиболее отчетливо формализованы интересы личности во второй главе – «Права и свободы человека и гражданина». Практически не очерчен круг общественных интересов, они представлены лишь единичными статьями, хаотично включенными в различные главы. К их числу может быть отнесена, например, ст. 13, признающая идеологический и политический плюрализм, а также равенство общественных объединений перед законом. Аналогичная ситуация и с закреплением интересов государства. Базовый закон не даёт определение этой дефиниции. Однако ряд соответствующих норм, затрагивающих сохранение российской государственности, систему государственной власти, реализацию правозащитной функции, рассредоточены по различным структурным частям, в частности, «Федеративное устройство» (глава 3), «Президент Российской Федерации» (глава 4), «Федеральное Собрание» (глава 5), «Правительство Российской Федерации» (глава 6), «Судебная власть и прокуратура» (глава 7).

В ходе исторических событий, процессов, преобразований, происходящих в стране, социальные интересы общества, нации, населения, государства неоднократно подвергались переоценке, пересмотру и адаптации в зависимости от сложившейся глобальной ситуации. Изменялся вектор с преобладающих интересов государственной бюрократии на органически переплетенные интересы общества и государства в качестве учета общественного мнения и его дальнейшего воплощения в государственной политике.

Уместен пример и иной направленности. Так, в советский период концепция национальных интересов основывалась на утверждении, что в СССР состоялась полная и окончательная победа первоначального социализма и начался переход к строительству коммунизма с присущими идеями социальной и национальной однородности, то есть иными словами преобладание социальной сферы. Достигнутые успехи в этой области «провисали» из-за пресечения самостоятельности народностей. К примеру, политика русификации, которая была направлена на запрет использования другого языка, кроме русского, проводимая для исключения национальных конфликтов внутри республик [1, с. 46-53]. В этой связи очевиден вывод в ранжировании национальных интересов, минуя социальный блок.

Далее для демонстрации позиции современного законодателя о приоритетах в национальных интересах осуществлен анализ специальных правовых норм (в том числе в сравнительно-правовом ключе), посвященных различным аспектам безопасности.

Так, в Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности РФ» определены основные национальные интересы, состоящие в развитии демократии и гражданского общества, в незыблемости конституционного строя, в превращении Российской Федерации в мировую державу.

Иерархический порядок национальных интересов представлен следующим образом: оборона страны, государственная и общественная безопасность, повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии и образование, здравоохранение, культура, экология живых систем и рациональное природопользование, стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство.

Из заявленной последовательности очевиден приоритет национальных интересов России, связанный с укреплением обороны страны, внешнеполитической и внутривнутриполитической стабильностью, но не с социальной сферой, опосредующей социально-правовые основания взаимодействия государства и общества. Объективен обособленный приоритет национальной информационной безопасности как подсистемы национальной безопасности, формализованной в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646.

Правовую основу указанных направлений регулируют самостоятельные федеральные законы от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в

Российской Федерации», от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и др.

При сопоставлении утратившего силу Закона РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» и одноименного Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ нами в последнем не обнаружено понятие жизненно важных интересов. Аналогично в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в ст.ст. 1, 3, 8, 24 отсутствует конкретизация интересов в социальной сфере, наличествует лишь обобщенное упоминание социально-экономической политики, развития.

А ведь принятие в 1992 году указанного законодательного акта было качественным скачком в решении проблем не только безопасности, но и роли интересов в жизни человека и общества. Впервые в истории России была осуществлена юридическая фиксация термина, отражающего либеральную последовательность интересов. На первую позицию были поставлены жизненно важные интересы личности, далее общества и только затем – государства. Напомним, жизненно важными интересами представлялась совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства (ст. 1).

Полагаем, современный законодатель, не закрепив понятия искомого ряда в ныне действующем федеральном акте, тем самым, избрал тактику минимизации дублирования норм федерального законодательства, поскольку иерархическая последовательность интересов представлена, как уже ранее упоминали, в Конституции.

Как видим, государственные интересы тесно связаны с национальными интересами и соотносятся с каждой вехой истории российской государственности – начиная с княжеских междоусобиц, установившегося тоталитарного режима, его краха вплоть до настоящего времени. Естественно, в указанных нормативных правовых актах уделено внимание интересам личности, сопоставимым с социально-правовыми основаниями национальных интересов. Обострившиеся после распада СССР межнациональные отношения, подтвердили важность прав и свобод личности как приоритетной задачи для России. Акцентуация внимания на них, действительно, является особым моментом, ведь Российская Федерация как преемница СССР представляет крупнейшее многонациональное государство, в котором проживает более 150 народностей. Тем не менее, мы видим, что нормативные правовые приоритеты в настоящее время преобладают не в пользу социального блока [1, с. 46-53].

Не умаляя важности безопасности, государственного и общественного порядка, обороноспособности страны, укажем на то, что типичной практикой

современных стран является «пальма первенства» именно для указанных направлений.

Как отмечает В.П. Иванов, в конституциях многих стран, в том числе и в Российской Федерации с различной степенью конкретизации зафиксирована приоритетность социальных интересов. В основном законе ФРГ интересы личности закреплены в качестве приоритетных над остальными социальными интересами. Данное определяется уже самой структурой закона, первый раздел которого полностью посвящен основным правам человека. Это наводит на мысль о том, что Конституция должна определять и определяет приоритетность социальных интересов над другими [2].

Что касается Конституции России, то ее композиционная структура иная. Вторая глава посвящена правам и свободам человека и гражданина, а в первой главе закреплены основы конституционного строя. Однако именно в них формализована указанная нами ранее ст. 2 об аксиологии человека, его прав и свобод. Конституция России является по своему типу «жесткой» для изменения глав 1, 2 и 9 в соответствии определенной процедурой ч. 2 ст. 135. Приведенный процессуальный аспект свидетельствует в пользу незыблемости гуманитарных предпочтений в российском государстве.

Кроме того, изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, в Конституцию РФ были внесены и социально значимые поправки, касающиеся благосостояния граждан, защиты детства, семьи, прав коренных малочисленных народов, государственного языка, культуры. Данный факт расцениваем, как движение России к исполнению «нормы-цели», зафиксированной в ст. 7 Конституции о России – социальном государстве, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

По мнению Л.В. Лазарева, эта норма и является доктриной социального государства, так как государство взяло на себя определенные публично-правовые обязательства и обязалось их исполнять [3].

Актуальна и позиция Л.Е. Поповой, считающей, что современные реалии позволяют сделать вывод о не всегда достаточной и действенной деятельности государства в социальной сфере [4, с. 1-5].

Полагаем, основной проблемой остается то, что российское государство, взяв на себя обязательство регулировать социальные отношения, в большей мере реализует задачу создать такие условия, благоприятные для развития социально ориентированной рыночной экономики. Из чего следует вывод о параллельном существовании социального государства и рыночной экономики, когда граждане получают большинство «бенифитов» благодаря не целевым программам, а своему труду.

Обращаясь к аналитике эмпирических материалов, видно, что в бюджете России на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов наблюдается тенденция к переориентации на социальную сферу. В частности, это прослеживается в распределении бюджетных ассигнований на 2020, 2021, 2022 годов, отраженных в Федеральном законе от 02.12.2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов». На социальную политику 3 157 673,0 тыс. рублей, 3 157 673,0 тыс. рублей и 3 157 673,0 тыс. рублей соответственно. Данное касается и здравоохранения в следующих объемах 50 000 000,0 тыс. рублей, 100 000 000,0 тыс. рублей и 100 000 000,0 тыс. рублей.

Для сравнения, судя по нормам Федерального закона от 19.12.2016 г. № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов», расходы на социальную политику в 2017 году составляли 5 053,6 тыс. рублей, в 2018 году – 4 706,1 тыс. рублей, в 2019 году – 4 741,8 тыс. рублей; на здравоохранение в 2017 году – 389,2 тыс. рублей, в 2018 году – 460,3 тыс. рублей, в 2019 году – 428,5 тыс. рублей.

Таким образом, социально-правовые основания национальных интересов в современном российском государстве объективированы конституционными установлениями об аксиологии человека, его прав и свобод, а также о социальной характеристике государства. Приведем мнение Н.В. Витрука, подчеркивающее данный вывод: «Социально-правовая ценность Конституции РФ заключается в том, что она представляет собой результат достигнутого согласия всех политических сил, сочетания различных интересов» [5, с. 113]

В специальном законодательстве, а также в подзаконных нормативных правовых актах приоритеты национальных интересов внятно связаны с силовым блоком. Вместе с тем, прикладные данные об увеличении бюджетного финансирования социальной сферы свидетельствуют в пользу ее значимости в деятельности государства.

Литература:

1. Цай В.И. Межнациональные аспекты и национальные интересы в СССР и Российской Федерации: вехи государственной политики // Вестник РУДН. Серия История России. 2013. № 4. С. 46-53.
2. Иванов В.П. Социально-политические и конституционно-правовые основания классификации содержания и структуры государственных интересов современной России // URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5311 (дата обращения 06.11.2020 г.).
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] / под общ. ред. Л.В. Лазарева. Москва: ООО «Новая правовая культура»,

2009; <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634> (дата обращения 11.10.2020 г.).

4. Попова Л.Е. Россия как социальное государство // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 31. С. 1-5.

5. Верность Конституции : Монография. – М., 2008.

Сушков Андрей Васильевич

помощник начальника группы сил специального назначения,
Управления Росгвардии по Белгородской области
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИРОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ КОНСТИТУЦИОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

Аннотация. В статье рассмотрены методологические подходы к пониманию категории «принципы» в юридической науке в целом и конституционно-правовой теории. С учетом этого предложена трактовка специальных принципов конституционной государственной поддержки.

Ключевые слова: государственная поддержка, принцип, принципы права, Конституция Российской Федерации.

Общеизвестно, что слово «принцип» трактуется как основа, первоначало, руководящая идея, исходное положение. Как правило, правовыми принципами считают руководящие положения права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие общеобязательное значение в силу их правового закрепления [1, с. 215].

С учетом того, что юридическая наука под принципом понимает не только «обособленные в виде относительно самостоятельных элементов принципы права» [2, с. 60-61], но и фундаментальные идеи и идеалы, целесообразно обратиться исследовательское внимание на многообразие трактовок принципа права.

Так, с точки зрения Д.А. Ковачева, принципами права являются основополагающие идеи, начала, которые выражают сущность права и вытекают из генеральных идей справедливости и свободы [3, с. 71].

По мнению В.Н. Карташова, принципы права – определенные фундаментальные идеи и идеалы, сформулированные на основе научного и практического опыта.

Байтиным М.И. принципы права определены как исходные, определяющие идеи, положения, установки, составляющие нравственную и организационную основы для возникновения, развития и функционирования права. Принципы права есть то, на чем основаны формирование, динамика и действие права, что позволяет определить природу данного права как демократического или, напротив, тоталитарного [4, с. 4].

Гаджиев Г.А., рассматривая общие принципы права, справедливо указал на то, что все принципы права в России относятся к конституционным принципам, поскольку являются формой выражения общих принципов права. Данным автором сформулирован тезис о том, что общие принципы права проявляются в конституционных принципах, которые в свою очередь, преломляются в отраслевых принципах и нормах [5, с. 54-55]. С позиции Г.А. Гаджиева, общие принципы права являются положениями (правилами) объективного права (т.е. не естественного или идеального), которые могут выражаться, а могут и не выражаться в текстах законов, но обязательно должны применяться в судебной практике.

Таким образом, принципы права составляют ту основу, на которой формируется вся государственная правовая система. Вся совокупность правовых принципов выстраивается в соответствии с принципами права. Правовым принципам как руководящим положениям права придается особое значение. Оно заключается в высокой степени важности и императивности для всех без исключения участников многообразных правоотношений. Вследствие этого правовым принципам требуется надлежащее и соответствующее выполняемым ими функциям нормативное закрепление. Правовые принципы от обычных норм права отличаются тем, что они всегда носят императивный характер, при этом в них отсутствуют санкции и зачастую другие элементы правовой норм (гипотезы или диспозиции) [6, с. 38-39].

В связи с высокой степенью обобщения правовых принципов они подлежат конкретизации в иных правовых нормах.

Для раскрытия заявленной темы обратимся к вопросу классификации принципов в конституционном праве России. По справедливому мнению Н.А. Богдановой, необходимо разграничивать принципы как правовые установления (нормы), которые закрепляются в нормах конституционного права, и принципы как правовые идеи (начала), присутствующие в теоретических научных разработках и косвенно определяющие направление и содержание конституционно-правового регулирования. Они складываются в различных областях правовой материи: первые в области догмы права, вторые – в сфере ее доктринального токования, оценки права и прогнозирования его развития. Принципы-идеи как логические построения науки, выступающие началом соответствующим

щих теорий, по содержанию богаче принципов-норм. Они вариативны в своем нормативном воплощении в рамках заложенной в них идеи. Принципы-нормы всегда конкретны, что опосредовано необходимостью их реализации в правовых правилах и предписаниях. Названные типы принципов объединены неразрывной связью, предопределяемой тем, что в них раскрываются грани одного явления – конституционного права [7, с. 168-169].

Мы разделяем мнение Н.А. Богдановой относительно того, что принципы с учетом по значимости и системообразующей роли в науке конституционного права можно выстроить по уровням. Первый уровень включает фундаментальные принципы. Такие принципы, будучи закрепленными нормами конституционного права, значимы для всех отраслей права и выступают для них правовым ориентиром. Примерами здесь могут быть принципы, характеризующие государство. В рамках второго уровня обособлены общие (конституционно-правовые) принципы. Они характеризуют предмет конституционного права (принцип верховенства конституции, прав человека как высшей ценности и т.д.). Богданова Н.А. подчеркнула, что фундаментальные и общие принципы формализованы прежде всего в основах конституционного строя, получивших закрепление в конституционных нормах или вытекающих из смысла. Третий уровень состоит из базовых (блоковых) принципов, складывающихся в основных предметных сферах (нормативных блоках) конституционного права. К ним отнесены принципы организации и осуществления власти, основ правового положения личности, государственного устройства, системы органов государственной власти и местного самоуправления. Четвертый уровень отождествляется со специальными принципами, которые связаны с конкретными конституционно-правовыми институтами и развивают идеи, заложенные фундаментальными, общими и базовыми принципами. Важность подобного разграничения принципов на определенные уровни актуализируется в связи с особым положением принципов в конституционном праве.

Опираясь на представленную Н.А. Богдановой классификацию, позволим себе ее заимствование для последующих исследований специальные принципы реализации конституционной государственной поддержки. Нами полностью разделяется научная позиция о классификации правовых принципов на идеи и нормы. Полагаем, это касается и конституционно-правового института государственной поддержки. Подчеркнем, что в его отношении также в полной мере применимы фундаментальные и конституционно-правовые принципы.

На основании изложенных теоретических аргументов под специальными принципами конституционной государственной поддержки предлагаем понимать совокупность принципов-идей и принципов-норм, составляющих доктринальную, правовую и организационную основы реализации мер государствен-

ной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан.

Литература:

1. Грибанов В.П. Принципы осуществления гражданских прав. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.
2. Федорченко А.А. Принципы правовой системы России (теоретико-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
3. Ковачев Д.А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность // Журнал российского права, 1997. – № 9.
4. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение, 2000. – № 1.
5. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2002.
6. Мосин С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2009.
7. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М.: Юристъ, 2001.

Албутиф Мохаммед Аднан Каркан

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Ирак)

Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова
(Белгород)

ИСЛАМСКАЯ ПРАВООЗАЩИТНАЯ СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ КОНФЛИКТА ИНТЕГРАЦИОННЫХ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: На примере исламской правозащитной системы, проиллюстрированы противоречивые аспекты генезиса региональных систем защиты прав человека современности. Обоснован авторский подход, в соответствии с которым региональные правозащитные системы призваны отражать особую специфику правосознания и правопонимания жителей региона. В контексте по-

лученных выводов, определяются отдельные перспективные аспекты развития региональных правозащитных систем.

Ключевые слова: правозащитные системы, региональные системы защиты прав человека, исламское право, арабские государства, правопонимание, правосознание

Актуальность заявленной проблематики обусловлена не прекращающимся поиском путей и инструментов кастомизации современных систем защиты прав человека. В то время, как глобальный уровень защиты прав и свобод не только не доступен большинству заинтересованных лиц, но и принципиально не предназначен для разрешения частных правозащитных интересов, национальные системы защиты прав человека далеко не всегда образуют наиболее эффективный механизм обеспечения и гарантии прав, примером чему могут быть многочисленные обращения граждан стран Европейского Союза в Европейский суд по правам человека, как результат не обеспеченной национальными судами защиты своих прав. В контексте непреходящей значимости региональных правозащитных систем, как универсальных наднациональных, и, в то же время, доступных механизмов защиты конституционных прав и свобод, все острее проступает проблематика определения траекторий их развития. На данный момент принципиально важным для разрешения видится вопрос о том, являются ли региональные правозащитные системы самостоятельными механизмами обеспечения и защиты гражданских прав, отражающими специфику региона, типичных правовых систем его наций и руководящей правовой доктрины, или же речь идет о множестве однотипных систем, простым сложением входящих в единый механизм международной защиты прав человека. Лакмусовой бумагой в контексте данного, порой, неявного конфликта современной правовой действительности в полной мере может быть названо будущее исламской правовой системы, которое в немалой степени зависит от международного признания региональной специфики, отличной от общепринятых аспектов.

Исламская правозащитная система является одной из общепринятых правозащитных систем современности [1], хотя и существует, по большому счету, в виртуальном правовом пространстве, на уровне деклараций и намерений действовать. Даже на уровне региональной конвенции о правах человека, процесс принятия и согласования такого документа затянулся на три десятилетия, и его едва ли можно назвать полностью завершенным с принятием Арабской хартии прав человека [2], положения которой далеко не полностью удовлетворяют интересы государств региона, соответствуют доминирующей правовой доктрине. При этом, следует понимать, что в содержание юридического механизма защиты прав человека, помимо законодательства, по меньшей мере, также входит и

правоприменительный механизм, представленный в данном случае судами по правам человека [3]. Судебный механизм региональной защиты прав человека в буквальном смысле остается на бумаге – Устав арабского суда по правам человека [4] все еще не ратифицирован достаточным числом стран для того, чтобы был запущен организационный механизм для его построения.

Причины такой ситуации множественные, но в немалой степени они обусловлены особенностями исламской правовой доктрины, включая отличное от установившегося на мировом уровне понимания содержания самих прав человека, механизмов и самой необходимости, включая пределы, ее защиты. Такое понимание отличается не только от закрепленного на международном уровне, в том числе в виде минимальных стандартов по правам человека, но и отличается между странами арабского мира, в зависимости от традиционных трактовок юридических аспектов в принятой в конкретном обществе трактовкой исламской религии [5].

Казалось бы, отличия такого рода неизбежно делали бы необходимым отказ, как в теоретической науке, так и в практике международного сотрудничества в сфере защиты прав человека, от признания самостоятельного характера исламской правозащитной системы. Но фактически, такая постановка вопроса ставит под удар всю теорию региональных правозащитных систем, – в чем тогда смысл в регионализации правозащитного механизма, если такие системы по сути призваны быть некими филиалами международной системы защиты прав человека при руководящей роли ООН?

В литературных источниках имеются разные взгляды на сущность региональных правозащитных систем. Одни авторы рассматривают их как продолжение глобальной правозащитной системы [6]. Такой подход не отрицает существования исламской правозащитной системы, но и не оправдывает ее функционирование в том виде, в котором ее пытаются реализовать активисты из числа арабских государств в современном мире. Ключевые инструменты и механизмы, и, что, пожалуй, является самым важным – материальное и процессуальное регулирование, по смыслу подхода, должны базироваться на международных принципах и стандартах, и никаким образом от них не отступать. Проблема заключается в том, что исламское право является уникальным, и выделение исламской правовой системы вовсе не означает ее приравнивание к основным глобальным правовым системам – англосаксонской и континентальной, различия между которыми, несмотря на существенность, не препятствует комплементарности по отношению к правам человека [7] – разница заключается в значимости и интенсивности использования элементов правозащитного механизма. Исламское право пронизано духом религии, на основе религиозных положений формируется понимание права и правовая культура, практика приме-

нения права опять же полагается не на светский закон, а на религиозную доктрину [8]. В этом контексте, рассчитывать на трансформации исламской правозащитной системы в направлении полноценной имплементации международных норм, стандартов и глобального светского правопонимания и правового сознания де-факто означает обречь на гибель еще толком не сформированную правозащитную систему.

Другой подход к пониманию региональных правозащитных систем, как отражающие местные культурные, исторические особенности, а также менталитет, рефлекслируемый в понимании права и его индивидуальном и общественном осознании [3, 9], представляется в контексте затронутой проблематики намного более перспективным. И, если абстрагироваться от исламской правозащитной системы, едва ли целесообразно говорить о том, что такие самобытные региональные системы защиты прав человека, как африканская, тихоокеанская и даже латиноамериканская, представляют собой простое почкование международной правозащитной системы. Отдавая дань самобытному компоненту в формировании региональных правозащитных систем, представляется возможным обеспечить пересмотр отношения международного сообщества к исламской правозащитной системе. Международная поддержка начинаниям в арабском правовом мире, медиация в системе переговоров стран по поводу формирования и эффективной работы регионального суда по правам человека должны основываться на принятии исламской доктрины прав человека, с изъятием из универсального механизма норм и инструментов, противоречащих культуре и традиционной исламской морали. В этом видится залог масштабного содействия развитию исламской региональной правозащитной системы.

Таким образом, в позитивном понимании, региональные правозащитные системы являются самобытными системами, представленными механизмами и инструментами, обусловленными спецификой понимания и осознания права в соответствии с доминирующим менталитетом. На основе такого восприятия региональных правозащитных систем, представляется возможным обеспечить действенный толчок для их развития и совершенствования.

Литература

1. Mayer A. E. Islam and human rights: Tradition and politics. – L.: Routledge, 2018.
2. Арабская хартия прав человека (Принята Советом Лиги арабских государств 22 мая 2004 года). На англ. яз.: League of Arab States, Arab Charter on Human Rights, May 22, 2004 // Reprinted in 12 Int'l Hum. Rts. Rep. 2005. 893 p.

3. Абашидзе, А.С. Региональные системы защиты прав человека: учебное пособие / [А. Х. Абашидзе, Е. С. Алисиевич, А. М. Солнцев]; под ред. А.Х. Абашидзе. – М.: Российский ун-т дружбы народов, 2012. 395 с.

4. Положение арабского суда по правам человека. На англ. яз.: Statute of the Arab Court of Human Rights (The Council of the League of Arab States, Ministers of Foreign Affairs, adopted during his (142) session, and by his resolution n° 7790, E.A (142) C 3, 07/09/2014, the Statute of the Arab Court of Human Rights) [E-source]//URL: https://aci.hl.org/texts.htm?article_id=44&lang=ar-SA (Retrieved 7 August 2020).

5. Галиуллина С.Д., Сулейманов А.Р. Стереотипное мышление о правах человека в исламе // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10 (113). С. 281-283.

6. Лукьянцев, Г.Е. Региональная система защиты прав человека в рамках Совета Европы: На прим. Европ. конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 1998. 190 с.

7. Сюкияйнен, Л.Р. Глобализация и мусульманский мир: оценка современной исламской правовой мысли; Российская акад. наук, Ин-т востоковедения. – М.: Марджани, 2012. 87 с.

8. Насер, Аль Али. Защита прав и свобод человека в арабских странах: монография / Аль Али Насер. – М.: КНОРУС, 2017. 190 с.

9. Евсеев Д.В., Комаров С.А. Современная специфика исламских подходов к правам человека//Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 67-72.

Андреев Сергей Дмитриевич

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Волгоград, Россия)

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ В РОССИИ: ПРОВЕРКА ВЫБОРАМИ

Аннотация. В статье рассмотрено понятие «политического плюрализма» в науке конституционного права. Анализ конституционного законодательства и мнений ученых-конституционалистов на понимание его содержания, позволил

автору прийти к выводу о его составляющих, которые включают в себя не только политическое многообразие, но и возможность нахождения консенсуса между различными социальными группами. Особое внимание автором уделено рассмотрению политического плюрализма через призму выборов в России. В результате были выявлены причины, блокирующие его реализацию и предложены пути их устранения.

Ключевые слова: политический плюрализм, политическое многообразие, выборы, парламент, Государственная Дума РФ.

Значение Конституции Российской Федерации для построения нового демократического правового государства трудно переоценить. В ней впервые в российской истории был закреплён принцип политического многообразия (ч. 3 ст. 13), определены его гарантии. Принцип политического плюрализма в указанной лексической форме в конституционном тексте не содержится, но анализ сопряженных по смыслу статей позволяет говорить о его наличии среди конституционных основ Российского государства и общества.

По своему содержанию оно гораздо шире понятия «политическое многообразие», которое является одной из составных частей политического плюрализма. В свою очередь, «политическое многообразие» не должно сводиться к дефиниции «многопартийность», несмотря на то, что они закреплены в одном пункте ст. 13 Конституции России. Такое положение направлено на предотвращение восстановления однопартийного режима [1, с. 160-161]. Толкуя нормы российской Конституции необходимо помнить о тех противоречивых условиях, в которых она принималась, и целях, которые преследовала, а также исторические этапы развития нашего государства. Справедливым является мнение С.М. Шахрая, что принцип политического многообразия позволяет гражданам свободно объединяться для достижения общих целей. Это должны быть любые общественные объединения от клуба по интересам до политических партий. Основное условие их создания – это соблюдение Конституции России и закона [2, с. 51].

В основе политического многообразия лежит политический интерес – «осознанная потребность субъектов политических отношений по достижению разнокачественных целей в политических процессах и действиях, конечной целью которых является завладение политической властью или получение возможности оказывать на неё влияние» [3, с. 9]. Им свойственно меняться в зависимости от социально-политической реальности, развития культуры и других факторов. Большинство общественных объединений не имеют политической направленности, но для достижения их целей требуется использование политической власти. Они могут оказывать давление на власть с целью принятия зако-

нодательных и правоприменительных актов для решения задач, способных удовлетворить цели создания общественных объединений. Политические интересы, также, имеются у конкретного человека. Они проявляются через обыденные интересы (обеспечение прав и свобод человека, его безопасности, духовного и культурного развития). Однако, на политический интерес человека оказывают влияние идеологические, ценностные, эстетические, религиозные представления социальных слоев и групп.

Таким образом, основными компонентами политического многообразия являются: сфера общественной жизни – политическая; интересы субъектов в ней (политические интересы); субъекты-носители политических интересов (индивидуальные и коллективные). Именно многообразие субъектов и их политических интересов определяют содержание понятия «политическое многообразие». Следовательно, данный принцип конституционного строя обеспечивает наличие в обществе различных социальных групп, отдельных личностей, имеющих свои интересы и возможность их реализации через органы государственной власти и местного самоуправления. Изначально данные интересы могут находиться вне плоскости политики, но, когда для их реализации требуется принятия решений на законодательном или правоприменительном уровне, они переходят в разряд политических интересов.

Однако, «политический плюрализм» включает не только многообразие социальных групп, придерживающихся различных идеологий, противоборство и противопоставление последних, но и возможность находить компромисс. Следует согласиться с А.И. Демидовой, что «плюрализм - это не только множественность, но и совместимость интересов, без чего блокируется любой механизм осуществления власти в обществе политическими средствами» [4, с. 14]. Для этого необходимо, чтобы в обществе сложилась определенная система ценностей, которая бы разделялась всеми политическими группами.

Поддерживаем выводы М.В. Мархгейм, касающиеся конституционных ценностей [5]. Основные ценности российского общества действительно содержатся в Конституции Российской Федерации. В ней достигнут консенсус между различными группами и гражданами по вопросам развития нашего государства и общества, поскольку Конституция была принята народом на референдуме. Политический плюрализм в данном случае проявляется в том, что различные объединения, группы граждан, имеющие свои интересы, отличаются взглядами на то, с помощью каких средств должны поддерживаться и реализовываться те идеалы, которые заложены в Основном законе нашего государства. При помощи дискуссий, действий в рамках закона, они должны находить общие точки соприкосновения, уметь договариваться и находить компромиссы.

Политический плюрализм является обязательным элементом демократического государства и в наибольшей степени проявляется в процессе проведения выборов и функционирования парламента.

В соответствии со ст. 3 Конституции одним из институтов, через который народ осуществляет свою власть, являются выборы. В процессе выборов каждая социальная группа голосует за своего представителя в органы государственной власти и местного самоуправления. Предполагается, что в случае его избрания, он будет представлять интересы данной части общества. Однако, наличие выборных государственных органов еще не говорит о демократичности государства и присутствии политического плюрализма. Достаточно вспомнить советское прошлое России и обратить внимание на тоталитарные государства современности – Китай и Северную Корею. Следовательно, индикатором политического плюрализма при проведении выборов являются: наличие нескольких кандидатов, придерживающихся различных политических взглядов при отсутствии государственной идеологии; их равные права и обязанности; равные возможности граждан в процессе избрания кандидата, чьи политические взгляды им наиболее близки.

Российское государство установило правила проведения выборов, которые отвечают этим требованиям. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» закрепил такие принципы проведения выборов, как: всеобщность, прямой характер, равное и добровольное участие, тайное голосование. Они гарантируют всем российским гражданам право избирать своего представителя в органы государственной власти и местного самоуправления и избираться на равных условиях, независимо от их политических взглядов, принадлежности к определенной социальной группе. К существенным принципам демократических выборов, напрямую касающийся принципа политического плюрализма, является принцип альтернативности. Так, Конституционный Суд РФ в одном из своих решений (Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 1996 года № 91-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Читинской областной думы как не соответствующего требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»») к числу важнейших условий подлинно свободных выборов отнес их альтернативность, которая обеспечивает избирателю реальную возможность выбора одного из нескольких кандидатов посредством свободного волеизъявления. «Если на выборах число кандидатов окажется либо меньше установленного числа мандатов, либо равным ему, избиратель лишается такой возможности, а выборы превращаются в формальное голосование». Данный принцип напрямую в избирательном законодательстве России не содержится. Однако,

ст. 50 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» предусматривает, что на выборах в Государственную Думу в случае регистрации менее двух списков кандидатов от политических партий за 35 дней до дня голосования, оно откладывается на два месяца для дополнительного выдвижения списка кандидатов. Те же условия предусмотрены при выдвижении кандидатов в депутаты в одномандатных избирательных округах.

Основная роль в выдвижении кандидатов на выборах и представлении интересов избирателей принадлежит политическим партиям. Согласно Федеральному закону «О политических партиях» государством гарантируется их равенство перед законом не зависимо от идеологии, целей и задач. Необходимым условием политического плюрализма является принцип многопартийности. Существование или главенствующее положение лишь одной политической партии противоречит демократическому характеру государства. Это связано с тем, что каждая политическая партия придерживается конкретной идеологии, и ее главенствующее положение сообщает о том, что в государстве установлена именно эта одна идеология. Все другие политические взгляды, как правило, подавляются. Следовательно, ущемляются политические, а зачастую и личные права граждан.

Принцип политического плюрализма предусматривает не только арифметическое количество политических партий, но и возможность их реального влияния на принимаемые органами государственной власти решения. Справедливым является мнение авторов, которые видят роль политических партий в передаче интересов отдельных социальных слоев органам власти и управления государства, в деятельности которых участвуют представители этих партий [6, с. 136].

На современном этапе выделяются следующие проблемы, влияющие на реализацию принципа политического плюрализма в России: снижение степени политической конкуренции и абсентеизм.

Так, Жан Блондель выделяет три партийные системы по признаку количества голосов избирателей, которые получили партии: однопартийная система существует там, где одна и та же партия регулярно набирает более 65% голосов; двухпартийная система образуется, если две наиболее влиятельные партии регулярно получают вместе более 75% голосов, при этом каждая – не более 65%; многопартийная система существует, если две наиболее влиятельные политические партии набирают вместе менее 75% голосов [7]. Следуя этой теории, можно охарактеризовать российскую партийную систему, как однопартийную, поскольку партия «Единая Россия» на выборах 18 сентября 2016 года получила 76, 22% голосов и соответственно мест в парламенте. В данном слу-

чае, представители других социальных групп общества имеют минимальные шансы влиять на политику государства, так как большинство решений в Государственной Думе принимается большинством голосов. На наш взгляд, такому положению способствует снижение численности членов политических партий с целью ее регистрации до 500 человек. На сегодняшний день в России зарегистрированы 42 политические партии, которые имеют право участвовать в выборах [Официальный сайт Министерства юстиции РФ: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/>]. Воспользовались этим правом на парламентских выборах 2016 года – 14. В данном случае происходит «размывание» политических взглядов, что препятствует формированию реальных оппозиционных партий. А, вопрос о сборе подписей в поддержку политических партий, не прошедших на предыдущих выборах в Государственную Думу или парламенты субъектов Российской Федерации, и не набравших 3% голосов избирателей, создает неравные условия для них. Во-первых, политические партии, заручившиеся поддержкой избирателей на прошедших выборах в данные парламенты, могут потерять доверие избирателей на момент проведения новых выборов. В неравных условиях оказываются и новые политические партии. Во-вторых, если говорить о том, что партия большинства – это выбор российских граждан, то необходимо отметить, что все остальные социальные группы лишаются возможности реализовать свое право на участие в управлении делами государства, гарантированное ст. 32 Конституции России. Поскольку, они не имеют своего представительства в парламенте или имеют представителей, мнение которых в большинстве случаев не учитывается. В данном случае можно обратиться к опыту Французской республики, законодательство которой предусматривает, что половина времени, предусмотренного для дебатов, отводится оппозиции или группам меньшинства. Им, также, предоставляется возможность первыми задавать вопросы Правительству, приглашенному на заседания и один раз в месяц определять повестку дня [8]. В-третьих, следует отметить незначительные расхождения в стратегиях развития российского государства, заложенных в программах партий, представленных в федеральном парламенте. Как отмечают некоторые политологи, оппозиционные партии оппозиционны лишь в той мере, которая позволяет их лидерам второй десяток лет заседать в Государственной Думе. Если бы с партией большинства боролись действительно самостоятельные партии, а не спарринг-партнеры, они могли бы стать решающим фактором в остром вопросе политической конкуренции [9, с. 117].

Из всего вышесказанного, вытекает проблема абсентеизма, сложившаяся в России. Ее причины подробно изучены в научной литературе [10, 11]. Одной из наиболее значимых из них является утрата обратной связи в цепочке «гражданское общество – партии – государство». Граждане перестали видеть в выбо-

рах возможность влиять на государственные решения, поскольку сомневаются в возможности своих представителей отражать их интересы на государственном уровне. Этому, также, способствует принцип «свободного мандата» и вышеперечисленные причины.

Таким образом, рассматривая российский политический плюрализм через призму выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, можно констатировать наличие правового механизма его обеспечения. Однако, практика его реализации показывает наличие некоторых проблем, блокирующих его реальное воплощение. Для исправления ситуации необходимо предложить следующие варианты их решения: увеличить количество участников политических партий до 5 тыс.; исключить из законодательства вопрос о сборе подписей избирателей, либо установить такую обязанность для всех политических партий; для согласования интересов предусмотреть в Регламенте Государственной Думы РФ возможность отведения половины времени дебатов партиям меньшинства, а также определять один раз в месяц повестку заседания палаты. Названные меры будут способствовать формированию многопартийности, отличающейся наличием реально оппозиционных политических партий и совершенствованию нахождения компромисса между интересами различных социальных групп.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий. 3-е изд. / под ред. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 2003.
2. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд. изм. и доп. М.: Статут, 2017.
3. Старостенко К.В. Политическое многообразие в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2009.
4. Демидов А.И. Политика: понятие и природа // Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Матузова и д-ра юрид. наук, проф. А.В. Малько. М., 2003.
5. Мархгейм М.В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.
6. Иванков А.В. Современное состояние российского политического плюрализма // Гуманитарные и социально-политические науки. 2014. № 1.
7. Blondel J. The nature of party government: a comparative European perspective. New York, 2000.

8. Внутренний Регламент Национального собрания, принятый после вынесения решения Конституционного совета от 25 июня 2009 года №2009-581 DC. URL: <http://www.assembleenationale.fr>. (дата обращения: 01.11.2020).

9. Королев Е.А. Кризис партийной системы как фактор ограничения политического плюрализма // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 166.

10. Шиховцова К.Е. Способы борьбы с абсентеизмом в современной России // Избирательное право и избирательный процесс: проблемы и перспективы. Сборник материалов научно-практической конференции. Ответственные редакторы А.Н. Глебов, О.И. Филонова. 2017. С. 171-174.

11. Большухина Е.И., Тудвасева Л.В. // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2018. № 10. С. 275-278.

Грицюк Максим,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Украина)

Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова
(Белгород, Россия)

ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Аннотация. В статье описываются основные вопросы, связанные с понятием и сущностью экстремизма, подчеркивается вопрос отсутствия законодательного определения понятия экстремизм и его фактическое отождествление с понятием экстремистская деятельность. Отмечается, что некоторые, закрепленные законодательством, виды экстремистской деятельности не соответствуют параметрам экстремизма. Предложено определение экстремизма и его сущности, а также делается вывод о необходимости усовершенствования антиэкстремистского законодательства.

Ключевые слова: экстремизм, идеология, экстремистская деятельность, крайние взгляды, сущность.

В настоящее время, как в научной, так и в правовой сфере нет единого, общепризнанного определения понятия «экстремизм». Отсутствие единого понимания сути этого явления, а также единого подхода к оценке того или иного

деяния как экстремистского, приводит к несовершенству антиэкстремистского законодательства, а это в свою очередь порождает неприятие частью общества самого противодействия экстремизму.

Что такое экстремизм, как он возник, и если это опасное явление, то как с ним бороться?

Словарь иностранных слов, а также толковый словарь русского языка определяют одинаково экстремизм как «приверженность к крайним взглядам и мерам» [1, с. 972; 2, с. 665; 3, с. 796], связанным с политикой. Но что это за крайние взгляды и меры, и связаны ли они только с политикой? Для того чтобы с этим разобраться нужно посмотреть историческое формирование данного понятия.

Корнилов Т.А., в своих исследованиях, утверждает, что термины «extremism» и «extremist» стали использоваться с середины XIX в. сначала в Англии, где они широко употреблялись в политической прессе. В США эти понятия возникли во время Гражданской войны (1861-1865 гг.), когда бескомпромиссных представителей обеих враждующих сторон Юга и Севера называли «экстремистами обеих частей страны» («extremists of both parts of the country»). Понятие «экстремизм» во Франции вошло в оборот во время Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.), т. е. после противостояния друг другу на протяжении нескольких десятилетий крайних левых и крайних правых политических сил» [4, с. 23-25].

Фридинский С.Н. определяет, что термин «экстремизм» начал использоваться «в начале XX в. политические противники называли «экстремистами» представителей левого крыла партии «Индийский национальный конгресс», поскольку те были последователями сторонниками борьбы за полную независимость Индии» [5, с. 26-27]. Они были сторонниками крайних взглядов.

В России до конца XX в. термин «экстремизм» не имел широкого распространения. В период СССР понятие «экстремизм» рассматривалось, как неизбежный атрибут капиталистических государств. Так, А.С. Грачев еще в середине 80-х годов XX века в своей работе «Политический экстремизм» отмечал: «... в последние годы волны политического экстремизма захлестывают западный мир. Он приобретает различные формы – и от провокаций террористических группировок крайне правого или левацкого толка до уносящих многие жизни преступлений политических авантюристов, превративших террор в инструмент государственной политики», а также, что «заложено в самой природе капиталистического строя насилие вырывается на поверхность общественной жизни в виде различных проявлений политического экстремизма, в преступлениях террористов» [6].

Как мы видим понятие «экстремизм» имеет не российское происхождение, а западное, и рассматривалось оно в политическом ключе. Разные противоборствующие силы называли друг друга экстремистами, поскольку у них были разные взгляды на будущее государства.

Как нам тогда разобраться какие взгляды имеют негативное социальное явление, а какие нет? Что же это за крайние взгляды? Ведь мы знаем, что не все крайние или другие взгляды, которые идут вразрез с общественным мнением, являются экстремистскими. Должен быть какой-то признак, отличающий приемлемость взглядов от их неприемлемости. Многие исследователи считают, что этим признаком или сущностью экстремизма есть применение насилия. Но может ли применение насилия быть признаком крайних взглядов, ведь взгляды есть, ни что иное как идеология, а насилие применяется в деятельности, но никак не в идеологии. Так какой же признак может быть в идеологии? Этот признак есть ни что иное как ненависть, презрение и неприятие других за себя подобных, это признак вражды и разделения. Вот что главное в идеологии экстремизма, вот что является его сущностью. Ненависть, презрение, агрессия и вражда, неприятие других за себя подобных является основой, фундаментом экстремизма – его сущностью.

Насилие является признаком экстремистской деятельности. А она в свою очередь есть тиражированием или проявлением экстремизма. Понимание этого, является очень важным для квалификации тех или иных действий как экстремистских.

Посмотрим, как же определяется экстремизм на законодательном уровне?

На международном уровне существует Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». В ней дается следующее определение экстремизма: «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [7].

В России законодательное определение экстремизма содержится в статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [8], где само понятие «экстремизм» приравнивается к понятию «экстремистская деятельность». Причем в названной норме перечисляются все виды данной деятельности.

И Шанхайская Конвенция от 15 июня 2001 г. и ФЗ № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. определяет экстремизм лишь как особого рода деятельность, но никак

не идеологию. Но сводить экстремизм к определенным видам деятельности – это значит сводить его только к одной из граней его проявления.

Как отмечает Г.П. Кулешова в своей статье «Терроризм и экстремизм: соотношения понятий», «...более логичным было бы рассматривать экстремизм не в качестве просто деятельности, а как вполне определенную идеологию, способную проявляться во вполне определенных видах деятельности, носящих деструктивный характер и ставящих под угрозу наиболее фундаментальные ценности современного общества и государства» [9, с. 22].

Идеология – это вполне определенная система взглядов и идей, в которых отображается восприятие определенной группой людей окружающей действительности (по преимуществу социальной), а также их отношение к этой действительности, интересы, цели, намерения и умонастроения. В идеологии могут отображаться интересы как больших, так и малых социальных групп.

Если мы говорим о борьбе с экстремизмом, то мы должны понимать, что главная борьба должна быть с идеологией. По аналогии приведу пример. Представьте, что экстремизм (идеология) это дерево, и оно каждый год приносит отравленные плоды, которые есть ни что иное как разные виды экстремистских действий. Если мы будем бороться только с плодами, то никогда не сможем победить, а плодов с каждым годом всё больше и больше. Поэтому нужно бороться с деревом (идеологией), которая имеет свои источники.

Так как экстремистская деятельность – это проявление экстремизма, то, следовательно, основания, мотивы и цели людей, которые совершают эту деятельность, должны соответствовать идеологии экстремизма. Рассматривая некоторые виды экстремистской деятельности, перечисленные в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [8], становится непонятным их отношение к экстремизму вообще. К примеру: публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением. Мало того, что в ст. 128.1 УК РФ установлена уголовная ответственность за клевету, под которой подразумевается «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» [10], так ещё существует Декларация о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятая 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы. Согласно ст. 2 Декларации «Государство, правительство и любые другие институты исполнительной, законодательной и судебной власти могут подвергаться критике в СМИ. В связи с их господствующим положением, эти институты не должны быть защищены посредством уго-

ловного законодательства от клеветнических и оскорбительных утверждений. Причем, в тех случаях, когда данные институты пользуются такой защитой, она должна применяться в ограниченной степени, чтобы ни коим образом не ущемлять свободу критики. Лица, представляющие эти институты, сохраняют право на индивидуальную защиту» [11].

Как правильно заметил А.В. Павлинов, «появление в дефиниционном ряду ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» 27 июня 2006 года «публичного заведомо ложного обвинения лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением» порождает справедливое критическое восприятие такой составляющей экспертами, как попыток парламентариев (и власти в целом) закрыться от критики путем инструментальных средств, приравняв их к экстремизму» [12, с. 219].

Также существует много примеров, когда людей, не имеющих экстремистскую идеологию, привлекали к ответственности за экстремистскую деятельность.

Особое внимание стоит уделить таким видам экстремистской деятельности как, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, а также пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций.

Понятия исключительности и превосходства являются понятиями широкого спектра действия. В словаре русского языка, исключительность определяется как особенность, своеобразие, присущее только данному лицу, предмету или явлению [13, с. 399]. Это тоже что и уникальность, непохожесть на других, так же и в нациях или расах – они все разные, уникальные по-своему, и это совсем не плохо, а хорошо, поскольку мир является красивым и удивительным только в своём разнообразии.

В толковом словаре русского языка Дмитриева, превосходством называют чьё-либо профессиональное или нравственное совершенство в сравнении с другими людьми. Также достижение кем-либо преимущества в результате конкуренции, состязания и т. д. [14, с. 980]. Например, в спорте превосходство одного игрока или команды над другим или другой, не является экстремизмом.

Как тогда отличить исключительность и превосходство экстремистского характера от приемлемого и общепринятого характера? Да очень просто, опираясь опять-таки на сущность экстремизма. Если пропаганда исключительности и превосходства, я бы добавил ещё избранности, основана на ненависти, презрении, агрессии и вражде, непринятии других за себя подобных, считая их «недоллюдьми» и «недочеловеками», то это есть ни что иное как экстремистская деятельность в чистом своём проявлении.

Что касается пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой, то здесь хотелось бы обратить внимание на самую абсурдность запрещения каких-либо символов. Поскольку с помощью символов и атрибутики, наоборот можно определить, что тот или иной человек или организация является экстремистской, и если их идеология и род деятельности подтвердится как экстремистский, то впоследствии можно привлечь их к ответственности. Кроме того, выражение «сходных с нацистской атрибутикой или символикой» имеет широкую сферу применения, поскольку под это выражение подпадает много символики, которая никак не связана с нацизмом и экстремистскими организациями. Например, суд в Башкирии признал схожим с нацистской символикой изображение двух молний в рекламе магазина молодежной одежды. А суд в Волгограде отнес к этой категории коловрат и кельтский крест. Что касается свастики, то она присутствует, в многообразной своей разновидности, во многих культурах разных народов мира, и была она ещё задолго до появления национал-социалистической немецкой рабочей партии. Поэтому запрещать использование всех разновидностей свастики является нецелесообразно. Но даже если и признавать некие символы как нацистские, то только в рамках контекста (цвета исполнения, расположения, стиля предметов одежды, на которой они выполнены и т. д.). Также непонятно какая символика считается нацистской, так как никакого официального перечня нет.

Анализируя выше изложенное и антиэкстремистское законодательство в целом, волей-неволей приходишь к выводу, что всем государствам, и российскому в частности, не выгодно побеждать такое негативное социальное явление как экстремизм, поскольку с помощью одного, государства, как органа управления обществом, держат общество в повиновении под средством страха.

Таким образом, на основании различных мнений и своего, в частности, можно дать следующее определение экстремизма. Экстремизм следовало бы определить как особого рода идеологию, в основе которой кроется ненависть и презрение, непринятие других за себя подобных, вражда и разделения, которая ставит под угрозу основы общества, а также безопасность всего населения или отдельных его слоев. При этом такая экстремистская идеология предполагает

возможным использование крайних методов и средств, как правило, основанных на насилии или угрозах целым группам населения. Сущностью экстремизма есть ненависть, презрение, агрессия и вражда, непринятие других за себя подобных считая их «недолюдьми» и «недочеловеками. В связи с этим особый интерес представляют исследования экстремизма в контексте его идеологии.

Литература:

1. Новый словарь иностранных слов / глав. ред. В. В. Адамчик. М., 2005.
2. Словарь иностранных слов / отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. М., 2007.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007.
4. Корнилов Т. А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма // Российский следователь. 2011. № 17. С. 23-25.
5. Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2003.
6. Грачев А.С. Политический экстремизм. – М.: Мысль, 1986.
7. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации от 13 октября 2003 г. № 41. Ст. 3947.
8. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 25 декабря 2012 г.): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 июня 2002 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации от 29 июля 2002 г. № 30. Ст. 3031.
9. Кулешова Г.П. Терроризм и экстремизм: соотношения понятий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2017. №3(43).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Консультант плюс. Законодательство.
11. Декларация о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принята 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы.
12. Павлинов А.В. Антигосударственный экстремизм или псевдоэкстремизм: с чем следует бороться // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения. Сб. научных трудов / Под ред. С.В. Максимова. М., 2009.
13. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. - 1-е издание: СПб.: Норинт, 1998.
14. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка Дмитриева. М.: Астрель: АСТ, 2003.

Дорофеев Александр Владимирович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова
(Белгород, Россия)

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В 20-30 ГОДЫ

Аннотация. В статье исследуется законодательство СССР о стимулировании деятельности государственных служащих; рассматриваются различные подходы классификации правовых стимулов.

Ключевые слова: правовые стимулы, государственные служащие, советское государство.

Система стимулов, применявшихся в отношении госслужащих в 1920-30-е годы, была весьма обширна и разнообразна. Причем среди них преобладали меры материального (как натурального, так и денежного) стимулирования, чтобы легальным образом компенсировать невысокие оклады советских служащих. В качестве обособленных разновидностей стимулов можно назвать премирование, надбавки и доплаты, не входящие в оклад, единовременные денежные выплаты, скидки по оплате услуг, снижение ставок налогообложения, бесплатное обеспечение продуктами, товарами, одеждой, жильем, санаторно-курортным обслуживанием, медицинской помощью (материальные стимулы), предоставление дополнительных и учебных отпусков, различных преимущественных и первоочередных прав, гарантий, награждение орденами, присуждение персональных званий и государственных премий, досрочное повышение в чине, разряде, должности (нематериальные стимулы) и т.п.

В анализируемый период советским государством был выработан механизм стимулирования отдельных категорий граждан в виде избирательного наделяния их льготами и преимуществами в социальной сфере. Ведущим звеном в этом механизме стала социальная льгота.

Предполагалось, что такая политика должна коснуться не только рабочих и крестьян, на которых изначально опиралась советская власть, но и государственных служащих. Происходила смена приоритетов, и на первый план выдвигались отдельные категории служащих, нередко работники тех или иных ведомств или даже отдельные группы специалистов. Принимается большое количество разрозненных актов, предусматривавших применение тех или иных

стимулов к госслужащим. В дальнейшем накопленный опыт будет упорядочен, а законодательство о стимулировании кодифицировано.

Процесс перехода к мирной жизни в первой половине 1920-х годов включал в себя реализацию целого комплекса мер по демилитаризации всех сторон жизни строящегося советского общества. Наряду с приведением функций аппарата управления в соответствие с потребностями восстановительного периода и новой экономической политикой, а также модернизацией законодательства, аннулирования действовавших в военное время ограничений в сфере трудовых правоотношений, происходит улучшение социального положения отдельных, наиболее значимых для развития народного хозяйства, категорий трудящихся. Однако проводившаяся в жизнь политика, обеспечивая минимальные условия жизни граждан, в то же время выступала тормозом в развитии хозяйственной инициативы, а размер денежных выплат фактически не зависел от личных индивидуальных профессиональных вложений.

Поэтому для повышения качества труда госслужащих, стимулирования их инициативы и адекватного поощрения за личные и профессиональные достижения IX съездом РКП(б) было утверждено решение о целесообразности введения премиальной оплаты труда как важнейшего средства повышения его производительности [1]. Изучение документов позволяет сделать вывод о том, что принцип премиальной оценки трактовался весьма широко и распространялся как на работников в сфере промышленного производства, так и лиц интеллектуального или творческого труда.

Остановимся на премиальном стимулировании отдельных категорий и профессиональных групп служащих не производственной сферы, поскольку, по нашему мнению, именно этот опыт наиболее востребован сегодня.

Анализ нормативно-правовых актов, регулировавших институт стимулирования госслужащих в виде премирования, показывает, что объединяющим фактором для них является то, что они, как правило, а) принимались совместно наркоматами внутренних дел, юстиции, финансов, земледелия и др.; б) предусматривали создание специальных фондов для сосредоточения премиальных средств; в) содержали механизм реализации премирования (порядок формирования таких фондов, сроки их распределения, перечень субъектов премирования и проч.) [2]. Время действия таких нормативных предписаний определялось конкретными экономическими и социально-политическими условиями [3], так же, как и количество выдаваемых средств, и круг лиц, подлежащих вознаграждению [4, с. 42].

Следует отметить, что нередко нормативные документы разрешали направлять на материальную поддержку инициативы служащих только часть получаемых средств, а остальное использовалось для удовлетворения культур-

но-просветительских нужд (организацию стрелковых кружков; на нужды, которые должны были финансироваться из бюджета – покупку канцелярских принадлежностей, обмундирования, фуража; формирование фонда пособий, выдаваемых в экстренных случаях – болезни, смерти и т.д.) [5, с. 50]. Полагаем, что такие решения, несмотря на то, что они сокращали количество денежных средств, подлежащих премиальной выдаче, являлись вполне оправданными, так как пресекали сложившуюся негативную практику нецелевого использования премиальных сумм, в том числе на нужды, которые должны были оплачиваться из бюджета.

По мере накопления практики материального стимулирования, его формы становились все разнообразнее: кроме денежной оплаты практиковалась оплата командировочных расходов, установление дней отдыха, предоставление учебного отпуска, увеличение продолжительности ежегодного трудового отпуска, выделение путевок в санатории и дома отдыха, решение отдельных бытовых вопросов.

Премии и льготы, предоставляемые советским служащим (скидки, компенсации, пособия, преимущественные права и т.п.), являлись своего рода компенсаторами недостаточной материальной оценки труда. Последнее не в полной мере подтверждалось уровнем выплачиваемой заработной платы. Этот механизм позволял, не нарушая внешне идеологию функционирующей системы установления оплаты труда (базирующейся на известном марксистском принципе, согласно которому ее уровень для нетрудящихся масс не должен превышать размера средней зарплаты «промышленного рабочего»), целенаправленно повышать благосостояние части общества вообще и ряда профессиональных групп служащих государственных органов и учреждений, в частности.

В механизме стимулирования деятельности госслужащих широко использовался дифференцированный метод: от предоставления единичных льгот до комплексных решений по данному вопросу, от введения в действие единичных законодательных актов до издания кодексов. Поэтому в исследуемый период было принято значительное количество законодательных актов и нормативно-распорядительных документов по поводу стимулирования труда и социального обеспечения сотрудников органов власти и отдельных профессиональных групп служащих [6].

Для правотворчества этого периода было характерно серьезное увеличение количества нормативных актов, предусматривавших основания и порядок применения различных стимулирующих мер, а второй половине 1920-х годов – и попытки кодификации сложившейся отрасли законодательства о стимулах госслужащих.

Другой отличительной чертой нормативной базы о стимулировании деятельности советских служащих выступало смещение акцентов в определении круга лиц, представляющих наибольшую ценность для советского государства. В первые годы советской власти это были рабочие, в 1920-е годы приоритет переходит к служащим и специалистам, что проявилось как в определении их категорий и разрядов, соответствующей тарификации их окладов, так и в перечне льгот, привилегий и гарантий для госслужащих. Подобная «смена курса» была обусловлена объективными причинами – завершением обостренного идеологического противостояния и военных действий, необходимостью восстановления экономики и народного хозяйства, поощрения и закрепления на служебных (рабочих) местах высококвалифицированных специалистов, и, в том числе, обеспечение их лояльности режиму.

Наделение материальными благами и преимуществами в порядке стимулирования всё большего количества категорий госслужащих, полагаем, было обусловлено и изменением взгляда на роль и место интеллигенции в социалистическом строительстве. Все больше преобладала точка зрения, согласно которой без опоры на специалистов ни дело строительства промышленных основ нового общества, ни реформы не могут быть реализованы в намеченные сроки.

Одним из стимулов, получивших нормативное закрепление и практическое распространение в 1920-е годы, стало индивидуальное премирование. Наиболее широко оно использовалось для поощрения и вознаграждения сотрудников правоохранительных и контролирующих органов. При этом фонд премирования, как правило, формировался за счет реализации конфискованного или взысканного с правонарушителей имущества.

Кроме того, в исследуемый период появились такие виды нематериальных стимулов как предоставление дополнительных дней отпуска и отдыха, учебных отпусков, преимущественные права на обеспечение жильем, поступление детей в учебные заведения, разнообразные скидки на оплату услуг, снижение ставок налогов, введение системы гарантий для госслужащих, введение мер морального поощрения – государственных наград, званий и т.д.

Таким образом, система стимулов деятельности государственных служащих в советской России 1921-1931 годов (помимо повышения должностных окладов отдельных категорий служащих) выглядела так:

Первую группу составляли материальные стимулы. В их число включались как сугубо денежные выплаты, так и натуральное обеспечение.

– Денежные доплаты: премии, единовременные выплаты, единовременные пособия, надбавки к должностному окладу, надбавки за выслугу лет, надбавки за службу в отдаленных местностях, «бытовые деньги», «подъёмные» и т.д.

– Пенсии: – за выслугу лет и персональные.

– Льготы по оплате услуг: скидки по оплате жилья, скидки по оплате коммунальных услуг, скидки на приобретение леса, лесоматериалов, дров, скидки на оплату обучения детей в начальной и средней школе, скидки на использование сельхозинвентаря, скидки на покупку посевного материала, льготное кредитование для приобретения сельхозинвентаря, землепользования и землеустройства, скидки при оплате медицинских услуг и проч.

– Компенсация затрат за счет государства и компенсационные выплаты: оплата проезда к месту отдыха, бесплатная (за счет государства) ветеринарная и медицинская помощь, бесплатное пользование почтой и телеграфом, освобождение от платы за обучение в школах детей служащих, бесплатное или льготное обучение в ВУЗах или на курсах рабфаков, сохранение заработной платы при обучении в учебных заведениях на время сессии и вступительных испытаний, сохранение заработной платы во время следования к месту перевода и т.д.

– Снижение ставок при налогообложении: подоходного налога, трудгужналога (до 0%), сельхозналога и местных надбавок к нему и проч.

– Натуральное обеспечение: жильем, дополнительной жилой площадью, санаторно-курортное лечение, продпайки, питание в закрытых столовых, бесплатный отпуск населению продуктов питания и фуража и др.

Вторую группу составляли нематериальные стимулы, которые либо не имели денежного выражения (как преимущественные правомочия), либо имели характер морального поощрения (как государственные награды). Среди них:

– Предоставление дополнительного или учебного отпуска;

– Предоставление дополнительных правомочий (преимущественное право посещения дошкольных детских учреждений несовершеннолетними членами семьи служащего, первоочередное обеспечение учебниками и учебными пособиями детей-школьников, первоочередное и бесплатное зачисление детей в высшие учебные заведения, право посещения школ, курсов рабфаков и ВУЗов, пользования занимаемым жильем, право начальствующего и рядового состава, имеющего семьи, на обеспечение жильем из особого жилого фонда местных советов и другие);

– Гарантии при переводе (сохранения жилья (бронь), плановой замены через 6 лет, сохранение части земельного надела военнослужащего за семьей, запрет на выселение из занимаемой жилплощади, кроме особо исключительных случаев – с выделением годного для проживания жилья и транспорта для перевозки имущества и т.п.);

– Награждение орденами, государственными премиями и присуждение персональных званий;

– Повышение в разряде, чине, должности.

Изложенное позволяет утверждать, что одним из оснований для предоставления льгот или преимущественных прав (как разновидностей правовых стимулов) выступала категория госслужащего. В советском законодательстве о стимулировании деятельности государственных служащих можно выделить такие значимые их категории: а) госслужащие, в т.ч. военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов и силовых структур, б) семьи погибших при исполнении, в) особо заслуженные и отличившиеся, г) слушатели партийных школ, д) научные и педагогические работники (в т.ч. учителя), е) медработники, ж) низовой аппарат (с наименьшими окладами) и др.

Обратим внимание на то, что основанием для применения стимулирующих мер к государственным служащим были условия прохождения службы и личностные свойства госслужащего, а именно: территориальное расположение (городская или сельская местность); ведомственная принадлежность (военнослужащие, сотрудники правоохранительных и др.); личные заслуги (научные достижения, перевыполнение плана, активная роль в революции, боевых действиях или партизанском движении, а также в идеологическом воспитании и просвещении и проч.); должностной статус (занимаемая должность, наличие персональных званий, наград, категория служащего); жизненные обстоятельства (отсутствие иных доходов, наличие иждивенцев и др.).

Таким образом, в процессе перехода к мирной жизни в начале 1920-х годов и восстановлении экономики, промышленности и сельского хозяйства в рамках новой экономической политики, в России сформировалась достаточно развитая и сложная система стимулирования деятельности государственных служащих, которая включала в себя как материальные (денежные и натуральные), так и нематериальные стимулы (дополнительные правомочия, гарантии, награды и иные меры морального поощрения).

Сформировавшаяся новая модель способствовала индивидуализации оценки труда советских служащих – с одной стороны, и подъему производительных сил, росту экономики – с другой. Жизнеспособность и эффективность выстроенной в 1921-1931 годы системы стимулирования деятельности госслужащих была доказана временем, поскольку в практически неизменном виде она просуществовала до наших дней и в основных компонентах применяется в современной России при регулировании как трудовых, так и служебных отношений.

Литература

1. Постановление СНК от 14 декабря 1921 г. «Об улучшении быта учёных» // СУ РСФСР. 1922. № 61. Ст. 778.
2. Бюллетень НКВД РСФСР. 1928. № 16.
3. Бюллетень НКВД РСФСР. 1927. № 9.

4. Приказ НКВД РСФСР от 6 ноября 1926 г. № 190 «О поощрении сотрудников НКВД» // Бюллетень НКВД РСФСР. 1926. № 11. Ст. 142.

5. Статистический обзор деятельности административных органов НКВД РСФСР (октябрь – декабрь 1924 г.). Вып. 3. – М., 1925.

6. Петрожицкий В.М. Организационно-правовые основы социальной и правовой защиты сотрудников милиции РСФСР (1917-1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997.

Иванов Сергей Александрович,
заведующий Петродворцовым филиалом
коллегии адвокатов «Санкт-Петербург»;
соискатель кафедры конституционного
и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Санкт-Петербург, Россия)

Научный консультант – доцент А.Н. Нифанов
(Белгород, Россия)

ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО УРОВНЯ

Аннотация. В статье представлены результаты правового исследования, посвященного выявлению в нормах международного права положений, регулирующих правовую помощь. Основываясь на вариативности, сопряженной с некоторыми политико-правовыми тенденциями, автором выделены и охарактеризованы три группы международных договоров о правовой помощи, участником которых выступает Российская Федерация (многоаспектные, отраслевые и специально-военные). Помимо обозначенной классификации, международные соглашения о правовой помощи подразделены в зависимости от субъекта их заключения. Автором выявлена тенденция специализации международных договоров о правовой помощи применительно к ситуационно актуальным международным отношениям, составляющим основу предмета регулирования. Сделан вывод об определенной типичности международных актов о правовой помощи, исходя из их конструкции содержательно-композиционного аспекта.

Ключевые слова: помощь, правовая помощь, международный договор, государство, правоохранительные органы.

Категория «помощь» упоминается всего в двух статьях Конституции Российской Федерации, фактически закрепляя институциональные основы фокусных видов помощи. Однако российской правовой системой соответствующее понятие воспринято более масштабно и разноаспектно, как на законодательном, так и на подзаконном уровне. В силу ч. 4 ст. 15 Конституции России, следует отметить и международные акты, в предмет регулирования которых заложена категория «помощь».

К настоящему времени российским государством заключены международные договоры о правовой помощи с 46 отдельными странами, а также 7 соглашений – с членами различных объединений суверенных государств (Совета Европы, Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества, Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых Государств, Гаагской конференции). При этом в рамках первой группы 20 договоров и соглашений продолжили свое действие в порядке правопреемства после распада СССР, хотя часть из них [1] и была актуализирована посредством заключения новых международных договоров уже с Российской Федерацией, с полным или частичным сохранением предмета регулирования [2].

Несмотря на общевидовой характер, предмет регулирования таких соглашений имеет определенную вариативность, сопряженную с некоторыми политико-правовыми тенденциями. В частности, основываясь на указанных критериях, можно выделить три группы международных договоров о правовой помощи, участником которых выступает Российская Федерация:

1) о взаимном оказании правовой помощи или о взаимодействии и сотрудничестве в целом [3], как правило, с последующей конкретизацией предмета регулирования непосредственно в тексте соглашения;

2) о взаимной правовой помощи применительно к отдельным отраслям права (уголовному, административному, трудовому, гражданскому, семейному и пр.) или их совокупности [4, 5] (представляют собой самую многочисленную группу с наиболее типичным предметом регулирования; чаще всего предметом регулирования выступают отношения, связанные с оказанием правовой помощи по уголовным делам);

3) о юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением на территории соответствующего суверенного государства военной базы или воинских формирований Российской Федерации [6] (носят стратегический характер и обусловлены фокусными интересами стран-участниц; типично именуются соглашениями).

Помимо обозначенной классификации, можно подразделить международные соглашения о правовой помощи в зависимости от субъекта их заключе-

ния: между суверенными государствами [7]; между правоохранительными органами суверенных государств [8] (как правило, органами прокуратуры); между иными органами власти суверенных государств [9] (как правило, между органами исполнительной власти).

Также имеет место тенденция специализации международных договоров о правовой помощи применительно к ситуационно актуальным международным отношениям, составляющим основу предмета регулирования. Одним из демонстративных примеров здесь служат соглашения о взаимной помощи в таможенных делах [10]. При этом, как правило, такие акты носят межправительственный или межведомственный характер [11, 12].

Рассматривая, в свою очередь, содержательно-композиционный аспект обозначенных международных актов, можно прийти к выводу об определенной типичности их конструкции. Так, основную часть соглашений о правовой помощи «открывает» общая ее характеристика, а также объем и искомое содержание, исходя из пределов предмета регулирования, что в целом раскрывает сущность такой помощи как некоего «блага (ценности)». Далее, как правило, конкретизируется перечень органов и (или) должностных лиц, призванных непосредственно реализовывать мероприятия и осуществлять действия по оказанию правовой помощи, а также закрепляется их компетенция в данной области правоотношений (соответствующие полномочия, пределы их реализации, вопросы ответственности и пр.). Данный элемент однозначно соответствует признакам организационных гарантий, призванных обеспечить реальное осуществление такой помощи. Также в указанных соглашениях нередко фиксируется достаточно детализированный порядок осуществления полномочий компетентными органами, представляющими стороны соглашения, и иные – вспомогательно-ориентирующие – нормы, что позволяет судить о дополнительном закреплении, соответственно, процессуальных и факультативных гарантий осуществления взаимной правовой помощи сторонами соответствующих международных договоров.

Резюмируя положения проведенного исследования, можно прийти к выводу о том, что категория «помощь» весьма востребована на международном уровне, где ключевым предметом регулирования выступает именно правовая помощь, а в дальнейшем осуществляется ее подвидовая дифференциация.

Литература:

1. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (подписан в

г. Бишкеке 16.08.2007 г.) // <http://docs.cntd.ru/document/902086025> (дата обращения: 12.11.2020 г.).

2. Международные договоры Российской Федерации о правовой помощи (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126898/ (дата обращения: 12.11.2020 г.)

3. Договор между СССР и Алжирской Народной Демократической Республикой о взаимном оказании правовой помощи (подписан в г. Алжире 23.02.1982 г.) // <http://docs.cntd.ru/document/1900959> (дата обращения: 12.11.2020 г.).

4. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20.04.1959 г.) (с изм. от 17.03.1978 г.) // СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2349.

5. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Австрийской Республикой по вопросам гражданского процесса (заключено в г. Вене 11.03.1970 г.) // <http://docs.cntd.ru/document/1900289> (дата обращения: 12.11.2020 г.).

6. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических Сил на территории Республики Беларусь (заключено в г. Минске 06.01.1995 г.) // СЗ РФ, 2002. – № 23. – Ст. 2104.

7. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Москве 17.06.1999 г.) // СЗ РФ, 2002. – № 47. – Ст. 4635.

8. Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Туркменистана (заключено в г. Москве 25.03.2009 г.) // <http://docs.cntd.ru/document/902151008> (дата обращения: 12.11.2020 г.).

9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Румынии о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (заключено в г. Москве 13.11.2003 г.) // <http://docs.cntd.ru/document/901952086> (дата обращения: 12.11.2020 г.).

10. Международные договоры Российской Федерации о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126900/ (дата обращения: 12.11.2020 г.).

11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах

(заключено в г. Токио 12.05.2009 г.) // <http://docs.cntd.ru/document/902198771> (дата обращения: 12.11.2020 г.).

12. Меморандум о взаимопонимании между Федеральной таможенной службой (Российская Федерация) и Департаментом таможи и акцизов Министерства финансов Республики Кипр, касающийся сотрудничества и взаимной помощи в таможенных делах (подписан в г. Никосии 14.12.2012 г.) // <http://docs.cntd.ru/document/499014982> (дата обращения: 12.11.2020 г.).

Квасова Ольга Андреевна

аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова
(Белгород, Россия)

УЧЕНИЕ М.И. СВЕШНИКОВА О ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию взглядов Митрофана Ивановича Свешникова (1862-7) – крупного государствоведа, приват-доцент Санкт-Петербургского университета на институт верховной власти.

Ключевые слова: М.И. Свешников, учение, государственная власть, верховная власть, государство, признаки верховной власти.

В плеяду основоположников российской науки государственного права входил Митрофан Иванович Свешников (1862-7) – крупный государствовед, приват-доцент Санкт-Петербургского университета. К сожалению, в отечественной историографии нет ни одного исследования, посвященного определению вклада М.И. Свешникова в теорию права. Между тем, он автор целого ряда значимых трудов по государственному праву и энциклопедии права [1, 2, 3, 4].

Целью данной статьи анализ учения М.И. Свешникова о верховной власти, ее признаках, назначении и способах организации.

Определяя власть как третий элемент государства, ученый предлагал свое видение данного института. По его мнению, любой союз основывается на отношениях двустороннего характера – свободы и порядка. Свобода – это стремление личности к самоопределению, порядок – это определённая совокупность мер, направленная на ограничение свободы личности, установление общественного порядка. Функционирование власти направлено на установление и поддержание порядка, осуществление нравственных начал, поддержание госу-

дарственных интересов. Власть – это организатор и охранитель государственного порядка, обладающий силой материального и нравственного характера.

Способы организации государственной власти зависели, по мнению М.И. Свешникова, от конкретно-исторических условий. Их классификация может проводиться по различным основаниям. Так, в зависимости от стадий исторического развития, власть подразделяется: на семейно-родовую, возникшую при зарождении государства; племенную, связанную с развитием общинных отношений; власть вотчины (в феодальный период); национальную власть (власть над всей территорией государства).

Свешников М.И. отмечал, что в зависимости от характера власти, классификации, предлагаемые, различными мыслителями были чрезвычайно многообразны. В частности, Аристотель форму организации власти разделял на правильную и неправильную. Полибий полагал, что власть может быть монархической, аристократической или демократической. Цицерон делил власть на совершенную, лучшую и сносную [3, с. 18].

Значительное изменение подходов к государственной власти связано с эпохой буржуазных революций. В данный период произошло, во-первых, окончательное определение публичного характера государственной власти; во-вторых, установление пределов этой власти; в-третьих, определение функций власти, их распределение между различными учреждениями.

Свешников М.И. отождествлял понятие государственной и верховной власти. Государственная власть, отмечал он, – это верховная власть политического союза. Верховенство власти (суверенитет) он признавал «единым, нераздельным неотчуждаемым и неподлежащим давности» [3, с. 63-64]. «На принципе верховенства, – писал он, – зиждется все государственное устройство» [3, с. 67].

По мнению ученого, государственная власть «во всяком союзе имеет тройное назначение: 1) охранять порядок в союзе; 2) поддерживать достоинство союза во внутренних отношениях и 3) содействовать всем материальным и духовным целям союза [3, с. 64].

Свешников М.И. не мог обойти вниманием самую обсуждаемую в российской науке XIX века теорию разделения властей Монтескье. Признавая значимость вклада Монтескье в государственно-правовую теорию, он, как и ряд отечественных правоведов (в частности, Н.Н. Ворошилов, Н.И. Лазаревский, С.А. Котляревский и др.), был сторонником теории разграничения функций государственной власти. Каждая из особых целей, преследуемых государственной властью, доказывал он, определяет структуру государственной власти и свидетельствует «о различных функциях или проявлениях государственной власти».

Свешников М.И. отмечал, что государственная власть имеет три главные функции, определяющиеся свойством трех важнейших задач государственной власти. Прежде всего, отмечал он, государственная власть должна установить общие нормы, регулирующие отношения в государстве в целях обеспечения общественного порядка; во-вторых, «государство должно устроить известные учреждения, которые могли бы применять данные нормы в случае их нарушения и при споре между отдельными элементами государства»; в-третьих, государственная власть должна иметь административную функцию, «которая состоит в том, чтобы применять действия законов к явлениям обыденной жизни» [3, с. 69].

Главной целью государства М.И. Свешников считал обеспечение общественного порядка. «Государство, – писал он, – охраняет порядок, как установлением общих норм, определяющих права подданных, так и установлением известных судебных учреждений, разбирающих споры между подданными. Наконец, та же охрана порядка вверяется тем же административными органами, желающим охранить внешнюю (армию и флот) и внутреннюю (полиции) безопасность страны». М.И. Свешников пришел к выводу, что государственная власть осуществляет первое свое главное назначение – охрану порядка, путем законодательства, суда, и путем администрации [3, с. 69].

Вторым назначением власти, М.И. Свешников, считал поддержание внешнего достоинства союза – «создание могущества государственной власти». С этой целью создаются учреждения, направленные на защиту страны (армия, флот, дипломатические учреждения).

Наконец, последним назначением власти выступает осуществление материальных и духовных целей союза. «Задачи государства в этой области наиболее обширны, и современная политическая жизнь все более и более раздвигает рамки государственной деятельности» [3, с. 69].

Таким образом, М.И. Свешников был сторонником отождествления понятий «государственная власть» и «верховная власть». Он разделял доминирующую в отечественной науке государственного права идею о единстве государственной власти, проявляющемся в различных направлениях (законодательстве, суде и администрации).

Литература:

1. Очерк общей теории государственного права / [Соч.] М.И. Свешникова, прив.-доц. С.-Петербур. ун-та Санкт-Петербург: К.Л. Риккер, 1896.

2. Программа лекций по государственному праву, читанных экстраординарным профессором М.И. Свешниковым в Военно-юридической академии в 1896-1897 г. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1897.

3. Русское государственное право: Пособие к лекциям. Вып. 1-2 / М.И. Свешников Санкт-Петербург: тип. Б.М. Вольфа, 1894.

4. Свешников М.И. Энциклопедия права: Лекции, чит. в Александров. лицее. Вып. 1 / М.И. Свешников Санкт-Петербург: Воен. тип., 1896-1897.

Конарева Ирина Анатольевна

соискатель кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова
(Белгород, Россия)

ВЗГЛЯДЫ К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА НА ОРГАНИЗАЦИЮ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В данной статье анализируются взгляды К.П. Победоносцева на институт судебной власти, который был не только теоретиком, но и оказал значительное влияние на внутреннюю политику Александра III, включая политику «контрреформ».

Ключевые слова: К.П. Победоносцев, доктрина, судебная власть, государство, монархия, самодержавие.

Традиционно в Российской империи консервативное течение в государственно-правовой науке было наиболее широким и авторитетным. Вторая половина XIX в. не стала в этом отношении исключением. Консервативных правовых взглядов придерживались такие известные юристы как Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров, П.Е. Казанский, К.П. Победоносцев и др.

Следует отметить, что консерваторы принимали активное участие в проработке «контрреформ», инициированных Александром III. Наибольшее влияние на изменение государственного идеологического курса и формирование новых взглядов на уровне верховного управления оказал К.П. Победоносцев.

Консервативной идеологии всегда была присуща мысль об особом статусе верховной власти, наличии у нее правораспорядительных полномочий в каждой плоскости государственного управления, поэтому любые реформы, способные поставить под сомнение этот важнейших принцип функционирова-

ния публичной власти, воспринимались критически. К.П. Победоносцев не отрицал, что суды – это специфические органы в системе государственной власти, которые имели существенное значение для формирования правопорядка и в целом способны влиять на общественные процессы, восприятие народом главы государства, который должен возглавлять судебную систему.

Сама возможность осуществления судами правосудия исходила от верховной власти. По существу, император делегировал часть своих полномочий на более низший уровень государственного управления в виде созданной им же системы судов. При этом сам монарх не дистанцируется от исполнений функций, присущих судебной власти, сохраняя за собой статус верховного судьи, т.е. имеет право лично участвовать в отправлении правосудия. Однако этим полномочия главы государства в указанной сфере не ограничиваются. Суды осуществляют свою процессуальную деятельность от имени верховной власти. По мнению К.П. Победоносцева, выделение судебных полномочий из сферы верховного управления произошло в период правления Петра I, когда были разрушены традиционные подходы, заключавшиеся в практически полном поглощении императором судебной власти [1].

Победоносцев К.П. высказывал позицию о том, что независимость судебной власти, провозглашенную в Судебных уставах 1864 г. не стоит понимать буквально. Действительно, ни у кого не вызывает сомнение тот факт, что только самостоятельность судебной власти может способствовать более объективному и качественному рассмотрению дел. Вместе с тем независимость судебной власти нельзя признать абсолютной в том смысле, что верховная власть в лице императора имеет полномочия, связанные с контролем за деятельностью судов, установлением судоустройства и правил судопроизводства. Однако вышеизложенные обстоятельства не способны поставить под сомнение самостоятельность судов относительно иных органов и лиц, наделенных властными полномочиями, и именно в этом контексте реализуется принцип независимости судебной власти, провозглашенный Александром II.

Между тем фактически идея об ограниченной независимости судебной власти была реализована в ином масштабе и по существу в результате непродуманных, по мнению К.П. Победоносцева, преобразований усилилась напряженность в отношениях между верховной и судебной властью, заключавшаяся в отсутствии единого руководящего центра, в разрушении исторически сложившегося порядка подчиненности судов.

После восхождения на престол Александра III К.П. Победоносцев предложил устранить возникшие противоречия. Правовед указывал на то, что Судебные уставы «отделили суд от государства, поставили судей ... в какую-то ложную независимость от государства» [2, с. 68]. При этом К.П. Победоносцев

апеллировал к опыту других государств, указывая, что «нигде в мире суд не обособлен так, как у нас в России» [2, с. 68].

Победоносцев К.П., занимая должность обер-прокурора, видел одной из своих основных задач содействие новому императору в преобразовании судебной системы в контексте консервативной правовой идеологии. В связи с этим в 1885 году государственный деятель подготовил главе государства доклад «О необходимости судебных реформ», в котором изложил основную идею и принципы новых изменений в судебной системе.

В частности, правовед обращал внимание на то, что в результате судебной реформы 1864 года была утрачена связь между судами и иными органами государственной власти. Для преодоления указанной проблемы К.П. Победоносцев предлагал, прежде всего, ввести «судебные установления в общий строй государственных учреждений, от коего ныне представляются они как бы отрезанными, в виде самостоятельной и независимой власти» [2, с. 69].

Тем самым, по мнению К.П. Победоносцева, независимость любой государственной структуры от верховной власти полностью исключалась, поскольку иначе появлялась внесистемная властная структура, нарушался порядок взаимодействия государственных ведомств.

Кроме того, названная проблема имеет и иное преломление. Так, учитывая природу человека, он подвержен различным порокам и страстям. На властном уровне их негативное воздействие нивелируется системой подчиненности государственных учреждений. Отсутствие этого необходимого условия способно породить конфликт между самодержцем с одной стороны и органами, обладающими публичной властью – с другой.

В связи с этим К.П. Победоносцев отмечал в отношении действовавшей судебной системы следующее: «Такой суд не может быть опорой государства, а только развращает своих деятелем пустым сознанием мнимого величия и мнимой независимости от всех властей» [3, с. 32].

Показательно, что правовед употребляет термин «мнимой независимости». По все видимости он полагал, что полноценно реализовать заложенный в законе принцип абсолютной независимости судебной власти априори невозможно. Любой государственной орган должен являться частью системы.

Власть неразделима между совокупностью создаваемых структур, она едина и исходит из одного источника – монарха, который ею в полной мере должен обладать. Основной проблемой существования независимой судебной власти, с точки зрения К.П. Победоносцева, является то, что суд дистанцируется от первоисточника власти, не обеспечивается его силой и авторитетом и тем самым становится «заложником господствовавших в обществе либеральных тенденций» [4, с. 22].

Утрата консервативной идеологией своей былой значимости и широкое распространение в обществе либеральных тенденций, отражающихся на деятельности судов, приводит к вынесению неправосудных решений. Примером чему, по мнению К.П. Победоносцева, может служить процесс по делу Веры Засулич. Судебная власть, писал К.П. Победоносцев, «из малодушной боязни оскорбить будто бы общественное мнение, из желания пощеголять перед интеллигенцией, – пожалуй, перед Европой, - уважением к суду присяжных» пренебрегает «интересом государственным, соединенным с этим делом». Между тем, его значимость была настолько существенна, «что его надлежало отстоять во что бы то ни стало» [2, с. 23-24, 5].

По мнению К.П. Победоносцева, если оппозиционная деятельность, направленная против государственной власти, получит защиту в суде, то это приведет к противоборству внутри общества, будет угрожать целостности публичной власти [6, с. 116].

Таким образом, К.П. Победоносцев был одним из ярких представителей и выразителей консервативной политико-правовой доктрины. Он полагал, что верховная власть обладает признаками универсальности и абсолютности, поэтому она должна полностью сосредотачивать все полномочия в своих руках, имея возможность в необходимых случаях их делегировать. Признание самостоятельности судебной власти призвано оспорить этот важнейший принцип монархического устройства государства и поставить под сомнение первоисточник власти как таковой.

Литература:

1. Победоносцев К.П. Мнение обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, выраженное Государственному секретарю по поводу проекта Главноуправляющего Канцелярией по принятию прошений об изменении правил приема прошений // РГАЛИ. Ф. 427 (Рачинские). Оп. 1. Ед. хр. 3397. Л. 1.
2. Победоносцев К.П. и его корреспонденты: письма и записки. Предисловие М.Н. Покровского. – Т. 1. - Полутом 1. - М.-Пг., 1923.
3. Письма Победоносцева к Александру III / С предисл. Покловского М.Н.: в 2-х т. – М., 1925-1926. – Т. 2. – М., 1926.
4. Победоносцев К.П. Гражданское судопроизводство. – М., 1863.
5. Победоносцев К.П. Судебное руководство: Сб. правил, положений и примеров, извлеч. из теории и практики гражд. судопроизводства с полн. указ. к судеб. и распоряд. решениям по сему предмету кассацион. деп. Сената / Соч. К.П. Победоносцева, почет. чл. Ун-тов Моск. и С.-Петербур. - Санкт-Петербург: печ. В.И. Головина, 1872.
6. Фукс В.Я Суд и полиция: в 2 ч. – Ч.1. – М.: Унив. тип., 1889.

Кулишенко Екатерина Алексеевна,
преподаватель кафедры административного и финансового права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия,
аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

Научный руководитель – проф. Н.В. Стус

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В МИРЕ И В РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрены современное состояние и пути трансформации института омбудсмена с учётом мирового. Сделан вывод, что в Российской Федерации Уполномоченный по правам человека наделён значительными полномочиями для реализации своих задач. В то же время, правовое регулирование его деятельности не завершено. Остаются открытыми проблемные вопросы расширения функционального поля деятельности уполномоченного в гражданском и уголовном процессах, усиления его роли в системе публичных органов.

Ключевые слова: институт омбудсмена, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, защита прав человека, публичная власть.

Во всём мире растёт роль и значение института омбудсмена в деле защиты прав и свобод человека. Функционирование института омбудсмена является важным элементом системы защиты прав и свобод лица, способствующего обеспечению равенства и справедливости в обществе. Как политико-правовой институт омбудсмен является необходимой формой минимизации правозащитных рисков [1], развития и укрепления демократии, а также ограничений для публичной власти [2, 3], поскольку обеспечивает взаимосвязь между лицом и государственными институтами, защищает права и свободы граждан от их нарушений со стороны властных структур, а также восстанавливает их в определенном законом порядке.

Кроме этого, для развития актуальной концепции государства созидющего [4] в широкой интерпретации полагаем возможным вести речь о постоянной роли рассматриваемого института во всем механизме функционирования правосудия как принципа [5], в его реализации и развитии.

Согласимся, что «конституционное наделение Российской Федерации качеством правового государства не только обозначило перспективную цель проводимых системных преобразований, но и определило смысл и содержание каждодневной деятельности представителей всех ветвей и уровней власти – права и свободы человека и гражданина» [6].

Становление института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее – Уполномоченный) происходит в условиях поиска оптимальной отечественной модели его функционирования в «переходном периоде» [7, с. 150-151]. Указанное обстоятельство обуславливает актуальность исследования функциональных моделей института омбудсмана в разных странах с целью дальнейшей трансформации существующей модели в России.

Определенные аспекты функционирования этого института нашли отражение в трудах отечественных ученых, в частности: А.С. Автономова, В.В. Бойцовой, В.И. Евинтова, Ю.А. Сунгурова, Н.Ю. Хаманевой, С.И. Глушковой, В.В. Эмихо и др.

Целью статьи является определение особенностей конституционно-правового статуса и моделей функционирования института омбудсмана в некоторых странах мира, выделение на этой основе их общих характеристик, а также поиск способов трансформации института Уполномоченного в России.

Институт омбудсмана сформировался в рамках европейской правовой традиции и существует сейчас во многих странах мира. В мире действуют 321 национальный, региональный или местный омбудсмен, 220 из них имеют общую компетенцию, 101 ограниченную. Всего в мире 89 стран имеют омбудсменов, в том числе 80 национальных омбудсменов с общей компетенцией [8].

Поливариантность моделей омбудсмана в мире обуславливает многообразие принципов концептуального построения и названий этого института. В частности, в России это Уполномоченный по правам человека, в Швеции, Финляндии, Дании, ПАСЕ – «Защитник народа», в Польше – «спикер гражданских прав», во Франции – «посредник Французской республики», в Молдове – «парламентский адвокат», в Греции – «защитник граждан».

Важность института омбудсмана подтверждает тот факт, что он установлен и закреплен на надгосударственном уровне Европейским Союзом. В 1993 году Маастрихтским договором был основан институт европейского медиатора, который был введен в действие в сентябре 1995 году. Европейский омбудсман избирается парламентом на 5 лет и призван рассматривать жалобы по поводу случаев плохого администрирования в работе учреждений и организаций Европейского сообщества, за исключением Европейского Суда. Подобные функции

с Европейским омбудсменом выполняет Верховный Комиссар по правам человека в Организации Объединенных Наций [9, с. 67].

Мировой практике известны несколько моделей института уполномоченного по правам человека (омбудсмена), которые различаются прежде всего: местом, которое занимает правозащитник в государственно-правовой системе; способом назначения; подотчетностью той или иной ветви власти; объемом полномочий и прочее.

Можно выделить следующие модели омбудсменов в мире:

- 1) парламентский (представительный) и исполнительный омбудсмены;
- 2) федеральный омбудсмен, омбудсмены унитарного государства, регионально-федеративная модель, муниципальные омбудсмены, специализированные омбудсмены;
- 3) омбудсмен, который непосредственно принимает жалобы от граждан, и омбудсмен, который получает жалобы через парламентариев или членов местных представительных органов;
- 4) омбудсмен, наделенный отдельными императивными полномочиями (шведско-финская модель);
- 5) омбудсмен, сфера полномочий которого распространяется на суды, муниципальные органы (омбудсмен с широкой сферой компетенции) и омбудсмен, к юрисдикции которого принадлежат судебные, муниципальные или другие органы (омбудсмен с ограниченной сферой компетенции);
- 6) абсолютно деполитизированный омбудсмен и омбудсмен, который выполняет определенные политические функции, подвержен политическому влиянию или какой формируется при участии политических партий;
- 7) омбудсмен, который широко использует методы гласности и открытости, и омбудсмен, который предпочитает частным и конфиденциальным расследованием;
- 8) индивидуальные и коллегиальные службы омбудсмена.

В большинстве стран мира применяется модель омбудсмена парламентского типа – кандидат на должность омбудсмена назначается парламентом или одной из его палат. Исключения составляют Румыния, Франция, Великобритания, Новая Зеландия, некоторые страны Африки. В Великобритании – назначается королевой, а во Франции – Советом министров по закону об учреждении должности Посредника 1973 на 6 лет [10].

В государствах с федеративной формой устройства, как правило, действуют одновременно модели федеративного и региональных омбудсменов. Например, в Канаде есть омбудсмены как на федеральном, так и на провинциальном уровне, в Австралии – на общенациональном уровне и на уровне штатов. В ФРГ Уполномоченный Бундестага по обороне входит в систему общефедер-

ральных органов; в землях военных омбудсменов нет, но в отдельных землях (Северный Рейн – Вестфалия, Гессен, Баден-Вюртемберг) существуют омбудсмены, которые рассматривают жалобы на органы и должностных лиц гражданской администрации. В Австрии коллегия народного правовой защиты является общефедеральной, но предполагается создание аналогичных органов в землях. В отдельных странах существуют даже омбудсмены отдельных городов, например, в Цюрихе (Швейцария), Иерусалиме, Хайфе, Тель-Авиве (Израиль), Амстердаме (Нидерланды) [11, с. 75].

Обычно омбудсмен назначается на определенный срок. Законодательством Дании, Швеции, Финляндии, Португалии, Польши, Югославии определен срок 4 лет, в Испании, ФРГ, России – 5 лет, в Австрии, Голландии, Франции – 6 лет, в Хорватии – 8 лет. В Великобритании срок пребывания омбудсмена не ограничен, зато действуют возрастные ограничения – лицо слагает свои полномочия в возрасте 65 лет. Почти во всех странах омбудсмен, который не выполняет свои полномочия, может быть досрочно отстранен с должности.

При назначении омбудсменов в отдельных странах, в частности, в Польше, Швеции, Финляндии, предпочтение отдается юристам, в других странах – лицам, которые имеют опыт работы в государственном аппарате (в Великобритании, США), или лицам, имеющим познания в области прав и свобод человека и имеют опыт их защиты, независимо от образования [8].

Во многих странах мира действуют специализированные омбудсмены. Специализация омбудсменов помогает уменьшить нагрузку на каждого из них и повысить эффективность их работы. В частности, в Канаде действуют институты уполномоченного по официальным языкам (с 1969 года), омбудсмен по вопросам информации (с 1983 года), и только с 1983 года в стране начал действовать Национальный институт омбудсмена. Достаточно распространенным в мире является институт военного омбудсмена. Впервые он был образован в Швеции (1915 г.), Норвегии (1952 г.), ФРГ (1956 г.), Израиле, Швейцарии, Австралии, США. В Швеции этот институт действовал с 1915 по 1967 год.

Одной из стран, где институт омбудсмена получил наибольшее распространение является США. В 1977 году в США была создана Американская ассоциация омбудсменов (The United States Association of Ombudsman) для обеспечения взаимодействия между офисами омбудсменов классического типа. Юрисдикция американских представительных региональных омбудсменов распространяется на все органы штатов, любое должностное лицо и служащего. Однако в этот список не входят суд, законодательный орган, правительство штата и их служащие, в некоторых штатах муниципальные и федеральные правительственные органы, а также частный бизнес. Таким образом, эта модель соответствует модели омбудсмена с ограниченной сферой компетенции. Целью

деятельности представительных региональных омбудсменов США является защита прав человека и совершенствования системы управления на региональном уровне. Достижения и реализация указанной цели происходит путем получения и решения ими индивидуальных жалоб граждан на действия или бездействие должностных лиц и служащих исполнительных органов штата или органов управления округа, а также благодаря улучшению административного процесса и процедур в результате рекомендации омбудсменами своих предложений по внесению изменений, поправок, дополнений в действующие постановления, распоряжения и законы штатов, регулирующие вопросы организации и функционирования органов управления [12].

Другой разновидностью омбудсменов, действующих в США, являются корпоративные (организационные) омбудсмены, которые действуют в различных учреждениях, корпорациях. Должность омбудсмента входит в структурные подразделения организации с целью урегулирования в данной организации конфликтов, в частности между работодателем и работником, между руководством и подчиненными, между отдельными рабочими. Омбудсмен в организациях самостоятельно определяет порядок урегулирования споров, не имеет никаких процессуальных правил проведения процедур их решения. Особенностью деятельности корпоративного омбудсмента является то, что он должен придерживаться определенного баланса между независимостью и сотрудничеством, учитывать интересы обеих сторон, хорошо разбираться в специфике и динамике данной организационной управленческой структуры.

Институт омбудсмента в организациях отличается от классической модели независимого омбудсмента и является частью административного аппарата. Омбудсмен признается лицом, который за свою работу получает зарплату, тогда как другие лица, участвующие в урегулировании споров, получают гонорар или работают на безвозмездной основе.

Таким образом, американская модель корпоративного омбудсмента является своего рода уникальным институтом. С одной стороны, этот институт может существовать как в государственных, так и негосударственных организациях. Омбудсмены находятся вне служебной иерархии, образуют самостоятельные независимые подразделения по рассмотрению жалоб и подотчетны только высшему руководству компании. Их основания не требуют законодательного подтверждения – они вводятся на основе внутреннего административного акта. Независимость корпоративного омбудсмента провозглашается, но на практике не может быть абсолютной, в связи с тем, что назначение и освобождение от этой должности осуществляется руководителем администрации.

Российская система Уполномоченного относится к модели независимого омбудсмента. Уполномоченный является должностным лицом, к которому воз-

можно обратиться в случае неудовлетворения административным решением, процессом его принятия, а также действиями работников государственного аппарата.

Особенностью института Уполномоченного в Российской Федерации является двухуровневая модель, в которой сосуществуют национальный и региональные омбудсмены одновременно. Согласно Федеральному конституционному закону от 26 февраля 1997 г. №-1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (далее – Закон № 1-ФКЗ) и конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации (далее также – РФ), должность Уполномоченного по правам человека может создаваться в субъектах РФ. В настоящее время законы об уполномоченных приняты во всех 85 субъектах РФ.

Национальный Уполномоченный в России рассматривает жалобы граждан, иностранцев, лиц без гражданства на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, если ранее заявитель уже обращался в судебные или административные органы, и не соглашается с принятым по его жалобе решением. При этом, Уполномоченный в Российской Федерации не рассматривает жалобы на решения судов, законодательных (представительных) органов государственной власти.

Региональный уполномоченный и его аппарат является государственным органом в системе государственных органов субъекта РФ. Парадоксальность ситуации заключается в том, что с одной стороны, сфера ответственности регионального уполномоченного включает в себя всю территорию субъекта РФ, а с другой стороны, его компетенция распространяется только на государственные и муниципальные органы самого субъекта. Тогда как действующие региональные подразделения федеральных органов власти находятся в исключительной компетенции Российской Федерации. В связи с этим, региональные уполномоченные вынуждены передавать жалобы граждан субъектов федерации федеральному уполномоченному, что значительно замедляет процедуру ее рассмотрения.

Уникальность российской модели уполномоченного заключается еще и в том, что наряду с институтами федерального и регионального, появляются институты специализированных уполномоченных. Впервые должность специализированного уполномоченного – уполномоченного по делам военнослужащих – появилась в Алтайском крае в 1994 году. На федеральном уровне первый специализированный омбудсмен в России появился в 2009 году – Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка в соответствии с указом Президента от 1 сентября 2009 г. № 986, а в дальнейшем этот институт получил региональное развитие.

На сегодняшний день уже существуют: Уполномоченный по защите прав потребителей финансовых услуг, Уполномоченный по вопросам, связанным с ликвидацией нарушений прав предпринимателей при осуществлении регулирования, контроля функционирования и развития Интернета (интернет-омбудсмен), Уполномоченный по правам коренных малочисленных народов, Уполномоченный по правам студентов.

Кроме того, в литературе активно обсуждается возможность учреждения Уполномоченного по межнациональным отношениям [13]. Серьезного обсуждения требует тема функционирующего при Ассоциации российских банков финансового омбудсмена [14]. Помимо прочего, в настоящее время высказываются предложения о введении Уполномоченного по защите прав инвесторов [15], страхового омбудсмена [16] и др.

Таким образом, устойчиво прослеживается тенденция к расширению функциональной специализации уполномоченного по правам человека в России.

Проанализировав Закон № 1-ФКЗ, можно сделать вывод, что российский Уполномоченный наделен полномочиями и компетенцией большинства омбудсменов мира. Однако некоторые омбудсмены имеют значительно широкие полномочия. Так, спикер гражданских прав Республики Польша может выступать в административном и гражданском процессах на правах прокурора, а омбудсмен Швеции – начинать уголовное дело против любого должностного лица в пределах своей юрисдикции, если, по его мнению, для этого есть веские основания. Уполномоченный в России имеет ограниченную компетенцию в сферах гражданского и уголовного процесса, в частности отсутствие права внесения кассационного протеста на решение суда в тех случаях, когда, по его мнению, имело место нарушение законодательства при рассмотрении того или иного дела.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Должность омбудсмена существует преимущественно в рамках парламентаризма и направлена на контроль за деятельностью органов государственной власти. Омбудсмен не принадлежит ни к одной из ветвей власти, не заменяет их, является самостоятельным и независимым звеном в системе правового механизма защиты прав и свобод человека и гражданина.

2. Деятельность омбудсмена дополняет существующие средства защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, не отменяет их и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

3. Компетенция омбудсмена обусловлена необходимостью его взаимодействия с другими правозащитными органами, действующими в странах, в частности с прокуратурой, судами общей юрисдикции, административными су-

дами, конституционными судами и тому подобное. Каждый из этих органов выполняет надлежащие функции специфическими для него методами, а потому омбудсмен не является конкурирующим органом по отношению к вышеназванным.

4. В Российской Федерации действует Уполномоченный по правам человека, наделенный значительными полномочиями для реализации своих задач. В то же время, правовое регулирование деятельности российского Уполномоченного еще не закончено окончательно, поскольку остаются открытыми к рассмотрению ряд проблемных вопросов: расширение функционального поля деятельности уполномоченного, в частности в гражданском и уголовном процессе; усиление его роли в системе органов государственной власти.

Литература

1. Korniyushkina A.Y. et al. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states // Turkish online journal of design art and communication. 2017. Т. 7. С. 352-356.

2. Макогон Б.В. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов. 2013.

3. Makogon B.V. et al. Logical classification of legal procedural restrictions. 2019.

4. Борисов Г.А. и др. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. 2016.

5. Kuksin I.N. et al. Justice as principle: Aspects of genesis in social and regulatory systems // The Social Sciences (Pakistan). 2016. Т. 11. №. 10. С. 2367-2370.

6. Мархгейм М.В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. 2006.

7. Макогон Б.В. Глобализация и переходный период государственно-правового развития России // Евразийский юридический журнал. 2012. №. 4. С. 150-151.

8. Тхаркахо М.М. Особенности формирования института омбудсмана в зарубежных странах // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 2. (Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология). Режим доступа: [//www.cyberleninka.ru](http://www.cyberleninka.ru).

9. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / под ред. А.С. Автономова. М., 2001.

10. Конституции зарубежных государств / сост. В.В. Маклаков. М.: БЕК, 1997. С. 11-55.

11. Хаманева Н.Ю. Уполномоченный по правам человека – защитник прав граждан / Н.Ю. Хаманева. М., 1998.

12. Носырева Е.И. Особенности института омбудсмана в США // Право и политика. 2001. № 9. Режим доступа: //www.portalus.ru.
13. Жебит М. Минрегионразвития призывает создать институт уполномоченных по межнациональным отношениям // Известия. 2012, 29 февраля.
14. Маталин А.С. Об уполномоченном по правам клиентов кредитных организаций // Банковское право. 2011. № 1. С. 21-23.
15. Литвинова А.В. В России может появиться уполномоченный по правам инвестора // РБК daily. 2011, 23 марта.
16. Баршев В. Уполномоченный по страху: создается правовой институт, который будет помогать водителям при страховых случаях // Российская газета. 2011. № 5422.

Троян Владимир Анатольевич,
аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

ВИДЫ СОВРЕМЕННЫХ ГАРАНТИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. Автором осуществлена классификация конституционно-правовых гарантий избирательного права, исходя из следующих критериев: трансформации современного законодательства, уровня правового регулирования, субъекта-носителя и гарантирования, содержания, субъектов и стадий избирательного процесса, минимально указанных в федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ; дана характеристика отдельным его видам.

Ключевые слова: гарантии, избирательное право, конституционно-правовые гарантии избирательного права, классификация.

Авторская трактовка конституционно-правовых гарантий избирательного права состоит в предусмотренных в правовых актах разных уровней условиях и средствах, способствующих реальности наделения конституционным избирательным правом, его беспрепятственному осуществлению и охране в сопровождении необходимой для этого деятельности уполномоченных субъектов в рамках установленных форм народовластия.

Такое понимание конституционно-правовых гарантий избирательного права позволило нам затронуть и их видовой аспект с учетом имеющихся под-

ходов к классификации правовых гарантий в спектре от общих и специальных, государственных и общественных до прямых и косвенных [1, с. 154].

В юридической литературе существуют различные взгляды на вопрос о видах гарантий прав и свобод. Глобально А.С. Мордовец предлагает классифицировать правовые гарантии по способу изложения в нормативно-правовых актах, подразделяя их на простые, сложные и смешанные [2, с. 281].

Матузов Н.И. ограничивается только перечислением наиболее основных, на его взгляд, видов юридических гарантий: прокурорский надзор, судебная защита, правоохранительная деятельность органов власти и управления, институт жалоб и заявлений [3, с. 129]. Как видим, представленные виды обладают единым аспектом – организационным.

Среди юридических гарантий прав личности рекомендуют различать гарантии реализации (пределы прав и свобод, их конкретизацию в текущем законодательстве; юридические факты, с которыми связывается их обладание и непосредственное пользование; процессуальные формы реализации; меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной и инициативной их реализации) и гарантии охраны (конституционный контроль и надзор; меры защиты и меры ответственности виновных за нарушение прав и свобод личности; процессуальные формы осуществления контроля и надзора; средства предупреждения и профилактики нарушений прав личности и другие правовые средства) [4, с. 29-31].

Полагаем, содержательному упорядочению способствует позиция М.В. Мархгейм, которая отграничивает общие (совокупность объективных экономических, политических, социальных и культурных условий конкретного государства, конкретного субъекта Федерации) и специальные (юридические, институциональные, процессуальные и нравственные) [5, с. 115]. Подобным образом классифицирует гарантии Н.А. Боброва [6].

А аналогичном ключе следует отметить позицию Р.В. Енгибаряна и Ю.К. Краснова, подразделяющих гарантии на общие и юридические. Общие в свою очередь делятся на социально-экономические (обеспечение занятости, повышение жизненного уровня населения, создание эффективной социальной инфраструктуры и условий для роста экономики) и политические (создание условий для граждан участвовать в управлении государством). В то же время авторы не исключают классификации гарантий на две большие категории: внутригосударственные и международно-правовые [7, с. 286-288].

Противоположно мнению Н.Г. Александрова и М.С. Строговича, не разделявших гарантии на общие и специальные, а характеризующих в общей массе экономические (материальные), политические, идеологические, правовые (юридические) гарантии [8, с. 119; 9, с. 65-66].

Придерживаясь позиции М.В. Мархгейм, по содержанию конституционно-правовые гарантии избирательного права будем классифицировать на нормативные, институциональные и процессуальные [5].

Перевалов В.Д. классифицирует правовые гарантии по сфере деятельности: на международно-правовые (планетарные) гарантии; гарантии региональных международных сообществ; внутригосударственные гарантии и автономные гарантии (получившие отражение в законодательстве составных частей федеративных государств) [10, с. 321].

Исходя из нашего понимания конституционно-правовых гарантий, а также с учетом ч. 4 ст. 15 Конституции России, полагаем, подобного рода подход оправдан и для рассматриваемых нами гарантий. Однако критерий для классификации мы поименуем «по уровню правового регулирования». В соответствии с ним выделим международно-правовые и внутригосударственные. Уточним, что последние мы также разделим на федеральные и субъектов Федерации.

В рамках данной части исследования представим международные правовые акты, свидетельствующие о легализации гарантий избирательного права. Уточним, что подобного рода акты существуют на универсальном (например, Всеобщая декларация прав человека принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН; Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации принята 20 ноября 1963 г. Резолюцией 1904 (XVIII) на 1261-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) и региональном (например, Американская конвенция о правах человека заключена в г. Сан-Хосе 22 ноября 1969 г.; Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека заключена в г. Минске 26.05.1995 г.; Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств заключена в г. Кишиневе 07 октября 2002 г.; Конвенция Африканского союза о защите лиц, перемещенных внутри страны, и оказании им помощи в Африке (Кампальская конвенция) заключена в г. Кампале 23 октября 2009 г.) уровнях, минимально закрепляя само избирательное право. Идентичен уровень подход и при отражении гарантий субъективного избирательного права (например, рекомендации Комитета министров Совета Европы № CM/Rec(2016)7 «О доступе молодежи к правам» принята 18 сентября 2016 г. на 1266-ом заседании представителей министров; № CM/Rec(2017)5 «О правилах электронного голосования» принята 14 июня 2017 г. на 1289-ом заседании представителей министров).

Исходя, из конституционных и правовых положений, полагаем, целесообразно следующие критерии для классификации гарантий избирательного

права – исходя из субъекта-носителя права – гарантии права избирать и гарантии права быть избранным.

Предлагаем также обособлять гарантии с учетом реализации различных стадий избирательного процесса, минимально указанные в федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

С учетом субъекта гарантирования – гарантии избирательного права, реализуемые государственными органами специальной компетенции, общей компетенции и институтами гражданского общества. В этой связи приведем слова Н.В. Витрука, предлагающего под гарантиями прав, свобод, обязанностей и законных интересов понимать «те положительно действующие условия и средства, которые обеспечивают их фактическую реализацию и надежную охрану для всех и каждого» [11, с. 305].

Заметим, что и без того часто меняющееся объективное избирательное право, в настоящий момент переживает очередной этап трансформации, что влечет за собой при сохранении типичных конституционно-правовых гарантий избирательного права и появление их нетипичной разновидности.

Литература:

1. Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Социалистическая демократия и личные права. М., 1984. 192 с.
2. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2001. 776 с.
3. Матузов Н.И. Субъективные права граждан РФ. М., 1996. 190 с.
4. Францифорова С.Ю. Юридические гарантии прав личности // Адвокатская практика. 2008. № 3. С. 29-31.
5. Конституционное право Российской Федерации: Учебник / под ред. М.Б. Смоленского, М.В. Мархгейм. М.: Март, 2003. 437 с.
6. Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж, 1984. 163 с.
7. Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К. Теория государства и права: Учебное пособие. М.: Норма, 2010. 576 с.
8. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. 271 с.
9. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. 252 с.
10. Теория государства и права: Учебник / под ред. В.Д. Перевалова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2009. 496 с.
11. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВИТРУК
В ИССЛЕДОВАНИЯХ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

Богданова Елена Евгеньевна
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

ВИТРУК НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ: УЗНАВАЯ, РАВНЯЕМСЯ

2020 год – особенный для Российской Федерации – время серьёзных перемен и новых возможностей. С 25 июня по 1 июля российские граждане весьма активно приняли участие в общероссийском голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации – высший нормативный правовой акт нашего государства.

Процесс внесения поправок, их содержание и сама процедура голосования обусловила у широких слоёв населения и у специалистов-правоведов резкий всплеск интереса к системе права в целом и конституционному праву в частности, истории Конституции России и отечественного парламентаризма, а также особенностям развития и функционирования политической и судебной систем.

Однако не только нормативные правовые акты сами по себе представляют интерес для исследователя – отдельного внимания заслуживают люди, стоявшие у истоков их создания или повлиявшие на внесение изменений.

Одним из таких людей является Николай Васильевич Витрук – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, заслуженный деятель науки Российской Федерации, известный в нашей стране и в мире учёный, педагог и государственный деятель [1].

В 1959 году Николай Васильевич осуществил свою мечту – с отличием окончил юридический факультет Томского государственного университета. После обучения он несколько месяцев был стажёром, а затем стал членом коллегии адвокатов Томской области и заведующим юридической консультацией Молчановского района.

Затем Николай Васильевич на протяжении трёх лет был ассистентом кафедры теории и истории государства и права Томского государственного университета, а, накопив ценный опыт, поступил в аспирантуру Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

С 1972 г. он начал работу как старший научный сотрудник Института государства и права Академии наук СССР, на базе которого защитил докторскую диссертацию по теоретическим основам правового положения личности. В учёном звании профессора Николай Васильевич Витрук был утверждён в 1982 году [1].

А в сложный для истории нашей страны год – 1991 – Съезд народных депутатов РСФСР избрал его судьей Конституционного Суда. Николай Васильевич был заместителем Председателя Конституционного Суда Российской Федерации вплоть до утверждения Конституции России, а последующие 2 года исполнял обязанности его Председателя [2].

С 20 марта 2003 года в почетной отставке (по достижению установленного законом предельного возраста – 65 лет), которую Николай Васильевич использовал продуктивно – он возвратился к активной научной и педагогической работе, а с сентября 2005 года возглавил кафедру конституционного права Российской академии правосудия (ныне это Российский государственный университет правосудия).

Витрук Н.В. участвовал в работе Комиссии Совета Европы «За демократию через право» (Венецианской комиссии), написал более 250 научных работ, зарекомендовав себя как представитель гуманистического, прогрессивного направления отечественной юриспруденции. Публиковал работы на украинском, английском, французском, польском и других языках [3].

Витрук Н.В. являлся одним из ведущих исследователей личностной проблематики в юридической науке. Он создал оригинальную общую теорию правового положения личности: понятийный аппарат в системном виде, юридический механизм обеспечения и реализации, охраны и защиты прав, свобод и обязанностей граждан, закономерностей и тенденций развития правового статуса личности.

Имея опыт работы в вузах системы МВД СССР и МВД России, успешно исследовал актуальные проблемы участия органов внутренних дел в обеспечении, реализации и защите конституционных прав и свобод граждан, в профилактике правонарушений и форм деформации правосознания работников милиции, развития общественных начал в функционировании органов внутренних дел.

Как профессиональный юрист Николай Васильевич участвовал в разработке проекта Конституции СССР 1977 г., в обобщении его всенародного обсуждения, в работе Конституционного совещания 1993 г., в подготовке законопроектов, посвященных гражданству Российской Федерации, правовому положению иностранных граждан в Российской Федерации.

Кроме того, он первым в СССР разработал оригинальную программу учебного курса и издал учебное пособие по основам правовой кибернетики, подготовил программу учебного курса и издал учебное пособие «Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс», получившие положительные отклики в стране и за рубежом.

Витрук Н.В. подготовил 33 кандидата юридических наук, сегодня работающих в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Туле, Хабаровске, Перми, Кирове, Ставрополе, а также стал членом Союза писателей России и был избран почетным профессором Белгородского государственного университета [4].

Судейская, педагогическая и научная деятельность Н.В. Витрука, неразрывно связана с высоким профессионализмом, принципиальностью, честностью, была отмечена присуждением ему почетного звания заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетной грамотой Совета Федерации и Федерального Собрания Российской Федерации, медалями «Ветеран труда», «За безупречную службу» 3-й степени, многими юбилейными медалями [5].

Скончался 9 августа 2012 года в Москве [6].

Вся жизнь, профессиональная деятельность и научное творчество Николая Васильевича Витрука олицетворяли служение стране путем подготовки квалифицированных кадров для отечественной юридической науки, проработки перспективных направлений для плеяды исследователей и создания убедительного фундамента современной правовой системы Российской Федерации. Витрук Н.В. – высокий пример для каждого юриста!

Литература:

1. Сайт Конституционного Суда. Персоналии. Режим доступа: <http://www.panorama.ru/ks/vitruk.shtml>
2. Витрук Н. В. Верность Конституции. – М.: РАП, 2008. 272 с.
3. Научная электронная библиотека E-library. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18081319>
4. Почётные профессора НИУ «БелГУ». Режим доступа: <https://www.bsu.edu.ru/bsu/structure/detail.php?ID=98518>
5. Персональный сайт Николая Витрука. Режим доступа: <http://www.vitruk.com/ru/70/>
6. Новости РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/10/08/2012/664139.shtml>

Нестеренко Виктория Викторовна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ Н.В. ВИТРУКА И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Россия славится не только своими писателями, художниками и композиторами, но и юристами. Именно российские юристы внесли огромный вклад в развитие правовой науки. Их научные труды высоко ценятся не только на Родине, но и за рубежом.

Особенно мне хотелось бы отметить роль Николая Васильевича Витрука, прошедшего достойный профессиональный путь. Его идеи и исследования открыли новые направления в развитии правовой науки и юридического образования.

Начиная мысль о профессиональном пути Н.В. Витрука, следует сказать пару слов о его Alma mater. Ей является Томский государственный университет им В.В. Куйбышева. В 1959 году он окончил юридический факультет, защитив дипломную работу на тему: «Сущность правовых отношений в социалистическом обществе».

После окончания университета Николай Васильевич стал заведующим районной юридической консультации в Томской области, параллельно проходя стажировку в Томской областной коллегии адвокатов. Итак, старт его профессионального пути был достаточно успешен и перспективен.

Молодой юрист продолжал проявлять интерес к науке и дополнительно начал заниматься преподавательской деятельностью. С 1960 по 1963 годы Н.В. Витрук был ассистентом кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Томского государственного университета. В 1963 году, будучи аспирантом кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Киевского государственного университета, читал лекции на заочном отделении юридического факультета.

Стоит отметить, что именно в этот период профессионального становления Н.В. Витрук начал проявлять интерес к изучению конституционализма и писать статьи, посвященные этой проблематике. Кроме того, теме прав человека, его правовому статусу были посвящены его кандидатская («Субъективные права советских граждан и их развитие в период строительства коммунистиче-

ского общества», 1966 г.) и докторская («Проблемы теории правового положения личности в развитом социалистическом обществе», 1980 г.) диссертации.

На мой взгляд, особого внимания заслуживает также тот факт, что Н.В. Витрук стал разработчиком программы и курса лекций по новой учебной дисциплине «Основы правовой кибернетики». Примечательно, что статьи по упомянутой тематике были удостоены внимания не только на Родине, но и за рубежом. Они печатались в польских и болгарских научных изданиях.

Большой теоретический и практический опыт Николаю Васильевичу удалось накопить во время работы в составе делегации Украинской ССР в комиссии ООН по правам человека в 1966-1971 годах. В дальнейшем он использовал эти знания, проводя научные исследования на должности старшего научного сотрудника Института государства и права АН СССР.

Вскоре Н.В. Витрук открыл себя и в законотворческой деятельности. Он участвовал в создании и подготовке материалов к проекту Закона СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР», Конституции СССР 1977 года и Конституции РСФСР 1978 года.

Особым периодом жизни Н.В. Витрука, на мой взгляд, выступает его деятельность в качестве судьи Конституционного Суда РФ, на должность которого он был избран в 1991 году. Важно, что Николай Васильевич не остался равнодушен к ситуации конституционного кризиса в 1993 году и активно выражал свою позицию. Именно он был одним из тех судей Конституционного Суда РФ, кто не признал неконституционным Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина №1400 «О поэтапной конституционной реформе в РФ», по которому в нарушении статей 121.5 и 121.6 действовавшей Конституции распускались Съезд народных депутатов и Верховный Совет РФ, считая, что иной ход событий будет опасен для России.

Кроме того, за 1992-1993 годы Н.В. Витрук высказал четыре особых мнения: по делу Антимонопольного комитета, по «мордовскому делу» и по заключениям Конституционного Суда РФ в период конституционного кризиса, а в 1995-1996 годах заявил восемь особых мнений. Эти факты, по-моему, свидетельствуют о том, что Николай Васильевич как гражданин и профессионал был заинтересован в безопасном и перспективном развитии Российского государства.

В 2003 году, в связи с достижением 65-летнего возраста, полномочия Н.В. Витрука в качестве судьи Конституционного Суда РФ были прекращены. Однако он, желая передать большой багаж профессиональных знаний и опыта, продолжил преподавательскую деятельность.

В своей жизни Николай Васильевич преподавал во многих университетах: Томском государственном университете, Киевском государственном уни-

верситете, Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российской академии правосудия и других.

Также Н.В. Витрук работал профессором кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета НИУ «БелГУ», читал курс лекций «Конституционное правосудие», являлся членом диссертационного совета нашего университета.

Как отметил директор юридического института НИУ «БелГУ» Е.Е. Тонков, Николай Васильевич внес огромный вклад в развитие юридического образования на Белгородчине, подготовку в провинции юристов новой формации, не уступающих по своей квалификации выпускникам лучших столичных вузов, формирование их конституционно-правового мировоззрения [1].

Что касается творческой деятельности, то Н.В. Витрук – автор более двухсот пятидесяти научных работ, в том числе четырех индивидуальных и более шестнадцати коллективных монографий, которые свидетельствуют об авторе как видном и ярком представителе гуманистического, прогрессивного направления отечественной юриспруденции, его научные достижения отвечали общественным настроениям и социальным ожиданиям в советский и постсоветский период. Более сорока научных трудов опубликованы на украинском языке, отдельные – на английском, французском, польском и других языках, в том числе в изданиях Совета Европы [Российский юридический журнал [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruzh.org/?q=node/55>].

Обобщая вышесказанное, хочется отметить, что Н.В. Витрук был виднейшим профессионалом в области государственной деятельности и правовой науки. Он внес огромный вклад в становление Российской Федерации в 90-е гг., совершенствование законодательства и развитие юридического образования, в том числе на Белгородчине. Кроме того, его исследования в области общей теории права, конституционного права и конституционного правосудия, правовой кибернетике открыли новые перспективы для теоретического и практического развития юриспруденции.

Литература:

1. Тонков Е.Е. Николай Васильевич Витрук – основатель юридической научной школы на Белгородчине // Конституционализм: симбиоз науки и практики: материалы междунар. круглого стола, посвящ. памяти засл. деятеля науки РФ, засл. юриста России, д-ра юрид. наук, проф. Н.В. Витрука, Белгород, 8-9 нояб. 2019 г. / отв. ред. М.В. Мархгейм. – Белгород, 2019. – С. 5-9.

Фирулин Никита Дмитриевич,
студент группы юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

ВИТРУК НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – УБЕЖДЕННЫЙ НОВАТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Прошло уже более восьми лет, как на 75 году жизни не стало замечательного ученого, педагога и государственного деятеля – Николая Васильевича Витрука. Это событие стало тяжелой утратой для всей российской правовой науки и всего российского государства. Не стало человека, чьи научные разработки, юридические взгляды и дела, отличающиеся новаторством, стали стержнем современного российского конституционализма во благо и российских граждан, и Российского государства. Именно конституционная составляющая юридической науки стала основой его жизни и карьеры.

Взлет творческой и профессиональной активности Николая Васильевича пришелся на сложное для нашей страны время – эпоха распада Союза ССР и появление на мировой арене его правопреемника – Российской Федерации. Обращу внимание на то, что в ходе внесения в 2020 г. поправок к Конституции России, такой статус Российской Федерации конституирован в новой статье 67.1, согласно которой «1. Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации».

Николай Васильевич Витрук был избран на пост судьи Конституционного Суда, а затем заместителя его Председателя. В тяжелейший период, когда «новорожденная» в своем суверенитете Россия находилась в наиболее шатком положении, наверное, за всю свою историю. Но твердость Н.В. Витрука и всего состава судей Конституционного Суда смогли направить конституционное развитие страны в верное русло. Обобщенный опыт этой деятельности вошел в монографию «Верность Конституции» [1]. Читая эту работу, постигаешь понимание верности Конституции и как ее правильности, и как неизменности отношения к ней, и как соответствие ей иных норм и публичных институтов.

Так, во время конституционного кризиса осени 1993 г. Николай Васильевич, исполняя обязанности Председателя Конституционного Суда, стал одним из трёх судей, которые не признали неконституционным Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в РФ». При помощи этого Указа Президент стремился преодолеть возможную ситуацию двоевластия с Верховным Советом, подобную положению февраля – июля 1917 года... Тогда, в октябре 1993 г. проблема была решена применением силы в Москве. Увы, не обошлось без жертв, но их могло бы быть значительно больше, в случае грозившей стране гражданской войны.

Именно Николай Васильевич Витрук в апреле 1994 г. представлял в Государственной Думе проект нового закона о Конституционном Суде. Он отстаивал в глазах парламентариев концептуальную идею о том, что Конституционный Суд не должен становиться пожарной командой в нашей правовой системе и поддержал предложение депутатов ограничить срок полномочий судей, сказав, что он был за это, но коллегиальное решение субъекта законодательной инициативы было другим. 26 апреля 1994 г., при повторном представлении проекта Н.В. Витрук высказался за закрепление в законе материальных гарантий деятельности Конституционного Суда.

Особую роль во взглядах Н.В. Витрука занимало правовое положение личности, приоритета ее прав и свобод в России, что получило систематизированное изложение в его монографии «Общая теория правового положения личности» [2]. На посту заместителя Председателя Конституционного Суда он пламенно боролся за их соблюдение. Так, отсутствие какого-либо механизма по предотвращению нарушений прав и свобод мирного населения, не состоящего в незаконных вооруженных формированиях Чеченской Республики, на практике приведшего к нарушениям прав и свобод российских граждан, стало основанием для признания в особом мнении Н.В. Витрука к Постановлению Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 № 10-П [3] Указа Президента РФ от 30 ноября 1994 г. № 2137, Указа Президента РФ от 9 декабря 1994 г. № 2166 и Постановления Правительства РФ от 9 декабря 1994 г. № 1360 не соответствующими Конституции РФ! И этот акт борьбы за конституционные права личности нашел место именно в июле 1995 года, когда уже позади был новогодний штурм Грозного, когда произошел ужасный теракт в Буденновске, а война в Чечне приобретала характер партизанской и становилась все более жестокой, на ней погибали наши сограждане во имя восстановления конституционного порядка в стране., во имя памяти отдавших при этом свою жизнь. Среди всеобщего ожесточения Николай Васильевич остался настоящим Человеком и Юристом, прямо указав на противоправность содержания действий государства по урегулированию чеченского конфликта.

Не соглашался Николай Васильевич и с характеристикой судимости как фактора, определяющего повышенную общественную опасность лица, отбывшего наказание. Сравнивая ее с «неблагонадежностью» времен царизма и «контрреволюционностью» времен красного террора и гражданской войны, он считал, что категория «судимости» уже сама по себе противоречит принципам права и справедливости. А признание «судимости лица» в качестве квалифицирующего признака преступления рассматривал не иначе, как несовершенство уголовного закона, при котором может возникнуть ситуация, когда одно и то же обстоятельство (отбытое наказание за совершенное преступление) будет учтено дважды, и приведет к нарушению общеправового принципа «*non bis in idem*» [4].

Можно бесконечно долго описывать интересную и многогранную, наполненную трудами и заботами во славу российской державы жизнь Николая Васильевича Витрука. Несомненно, его пример будет учить все новые и новые поколения юристов истинным идеалам государства и права.

Однако ни один настоящий ученый не уходит просто так. Даже если его и нет с нами в физическом смысле, он продолжает жить в своих трудах, в своих концепциях, в самой доктрине российского конституционализма и в сердцах и умах своих современников и последователей. Новаторские смыслы, изложенные в работах Н.В. Витрука, будут продолжать открываться для понимания нынешних исследователей.

До сих пор научные «тропинки», протоптанные в «целине российского правового поля», пробитые в «скалах непонимания» трудом и талантом Н.В. Витрука продолжают расширяться и воплощаться в правовую действительность России в работах других ученых – его соратников и учеников, для которых жизненные и научные идеалы Николая Васильевича и сейчас остаются ориентиром на пути создания демократического, правового и социального государства [5].

Его деятельность получила убедительное признание в стране, которой он отдавал всего себя... И сейчас, все учреждения высшей школы российской юриспруденции, где работал Николай Васильевич, ежегодно отдают дань его светлой памяти как в форме специальных конференций и иных мероприятий, так и в своей каждодневной работе по воплощению и развитию его концепций во благо нашего государства.

Своими правовыми позициями и научными трудами Николай Васильевич Витрук навеки вписал свое имя в достойнейшие страницы отечественной истории... Пройдут годы, может быть даже сменяться политико-правовые акценты в нашей стране, но память о нем, как о горячем борце за конституционные права человека, за законность и государственную стабильность, как о честном Че-

ловеке и о великом Юристе продолжит жить в веках. Это и называется бессмертием... Настоящим бессмертием, когда оно было достигнуто горячим словом и твердым делом во благо Отечества...

Литература:

1. Витрук, Н.В. Верность Конституции : Монография. М., 2008. 272 с.
2. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // СПС <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.11.2020).
4. Палухина Е.С. Приоритет прав и свобод человека и гражданина в профессиональной и творческой деятельности Николая Васильевича Витрука // Права и свободы человека в контексте развития современного государства // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 238-240 // <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 03.11.2020)
5. Молокаева О.Х., Марокко Н.А. Верность Конституции в трудах Н.В. Витрука: фундаментальная концепция и объективное условие прогресса общества и государства // Государство и право. 2018. №8. С. 152-155 // <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 03.11.2020)

Бабина Валерия Олеговична,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ПРИЗМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВOK

Аннотация: В Конституцию России 4 июля 2020 года был внесен ряд поправок социальной направленности, которые в полной мере отражают изменение приоритетов государства при установлении иерархии национальных интересов. В данной статье представлены результаты анализа некоторых элементов социального блока поправок, которые выступили связующим звеном большинства приоритетных направлений – государственной и общественной безопасности, повышения качества жизни российских граждан, экономического роста, культуры, здравоохранения.

Ключевые слова: поправки, Конституция, благосостояние граждан, коренные малочисленные народы, социальное государство, национальные интересы.

В течение нескольких десятилетий велись научные дискуссии по поводу совершенствования Конституции Российской Федерации, в частности, реальности осуществления конституционного регулирования тех или иных аспектов социальной сферы. Идеи обновления варьировались от предложений корректировать некоторые нормы до принятия новых норм [1, с. 52].

По праву историческими стали слова Президента РФ Владимира Путина о том, что потенциал Конституции 1993 г. далеко не исчерпан, а фундаментальные основы конституционного строя, права и свободы человека еще много десятилетий будут оставаться прочной ценностной базой для российского общества [Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 г.]. Данные поправки вступили в силу 4 июля 2020 года на основании указа Президента РФ 03 июля 2020 г. № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками».

Дальнейшее исследование раскрывает конституционные нормы, которые укрепляют социальные основания национальных интересов России. По словам Н.В. Витрука, «Права, свободы и обязанности личности имеют социальное назначение – удовлетворение ее многообразных потребностей и интересов. Социальное содержание и назначение прав и обязанностей зависят не только от

вида тех потребностей и интересов, которые удовлетворяются путем их использования и исполнения, но и от вида тех благ, которые лежат в их основе» [2, с. 281].

Одной из важнейших норм в связи социальными основаниями национальных интересов стала новая ст. 75.1, направленная на достижение в государственной политике, в правовом регулировании и правоприменительной практике оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности. Она закрепила создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, защиту достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечение сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности.

Конституционный Суд РФ в своем Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» пришел к выводу, что данное установление конкретизирует положения о социальном государстве и согласуется с принципом недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении своих прав и свобод.

Из представленной конституционной ст. 75.1 дефинитивно не следует содержание благосостояния граждан. В общем виде можно говорить о благосостоянии, как явлении, подразумевающим обеспеченность населения определенного государства, социальной группы или класса, семьи, отдельной личности материальными, финансовыми, социальными и духовными благами.

Российское законодательство также не легализует понятия «благосостояние граждан» или «благосостояние». Лишь в Приказе Минрегиона России от 9 сентября 2013 г. № 371 «Об утверждении методики оценки качества городской среды проживания» содержится определение индекса благосостояния граждан, подразумевающего расчет разницы между доходами населения и величиной прожиточного минимума [Нормирование в строительстве и ЖКХ. 2013. № 5.].

Очевидно, что данное понятие включает в себя экономический смысл категории прожиточного минимума, а также связанного с ней минимального размера оплаты труда, пособия, пенсии. Социально-экономическая сфера не случайно комбинирует важнейшие отрасли, ведь от экономического состояния напрямую зависит социальная защищенность, обеспеченность населения и реализация субъективных прав. Как следствие появляется понятие «благосостоя-

ние граждан», заключающее в себе взаимосвязь экономических и социальных благ.

Возвращаясь к актуальным положениям Конституции РФ – и индексация пенсий и пособий, и МРОТ, и прожиточный минимум были включены в блок социальных гарантий, связанных с экономическими, которые, по словам депутата Государственной Думы РФ О.А. Нилова, будут обеспечиваться государством, какие бы сложности ни возникли в экономике [В Госдуме оценили поправки к Конституции в социальной сфере // <https://ria.ru/20200413/1569967350.html> (дата обращения 10.11.2020 г.)].

В связи с этим ст. 75.1, содержащая нормы об экономических процессах в России была оптимизирована в ч. 5: «Российская Федерация уважает труд граждан и обеспечивает защиту их прав. Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации».

Эта же ст. 75.1 дополнилась ч. 6 о регулярной индексации пенсий.

В новой ч. 7 конкретизированы различные социальные гарантии: «В Российской Федерации, в соответствии с федеральным законом, гарантируются обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан и индексация социальных пособий и иных социальных выплат».

Тесную связь между социально-правовыми основаниями национальных интересов отражает то, что новые части ст. 75.1 отсылают нас к ч. 2 ст. 7, закрепляющей обязательство Российская Федерация обеспечить достойную жизнь тем категориям населения, которые не в состоянии самостоятельно это сделать (незащищенные слои населения, то есть инвалиды и пожилые граждане, чья социальная незащищенность очевидна).

Исходя из совокупного содержания ст. 7 и дополненной ст. 75.1, выводимо, что остальные категории населения, представители, которых не обязательно могут попадать в категорию социально незащищенных, теперь не выводятся за пределы нормы ст. 7 Конституции РФ.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение нового изложения ст. 69 Конституции РФ, гарантирующей и защищающей права коренных малочисленных народов в совокупности с положениями ст. 68.

Тема многонационального союза равноправных народов является щепетильным вопросом для российского государства, так как, являясь крупнейшим многонациональным государством, в котором проживает более 150 народностей, обладающих своей спецификой – языком, культурой, традициями, защита этой самобытности составляет важный аспект интересов общества и соответственно государства.

Сам факт того, что при возникшей необходимости внесения изменений в Конституцию России была затронута данная статья, говорит о важности для государства сохранения стабильности и взаимопонимания между всеми народами.

Рассматриваемая норма – конституционная новелла, являющаяся характеристикой государства не только демократического, федеративного, правового, но и социального. Включение данной нормы в главу «Федеративное устройство» подчеркивает, что вопросы народов – важный элемент для государственной и общественной безопасности.

Известно, что после распада СССР обострились межнациональные отношения на постсоветском пространстве. Пришло осознание того, насколько важно продуманно строить государственную политику в сфере национальных отношений, которые влияют и на стабильность в стране, и на социальную сферу. Напомним, что, несмотря на многие успехи в поддержании и реализации социально-правовых основ национальных интересов в СССР, прорехи в национальных отношениях, в частности, русификация некоторых регионов, привели к распаду государства и к исчезновению «советского народа» [3, с. 46-53].

Можно рассуждать о многих причинах того, что привело к обострению национальных отношений. Однако нормы о народах не содержались в конституциях советского периода, а впервые закрепление ориентации на права и защиту коренных малочисленных народов на конституционном уровне осуществлено в 1993 году [4].

Исходя из того, что Россия провозгласила себя исторически многонациональным демократическим государством, презюмируется учет интересов народов. Представляется, выделение в отдельную специфическую группу автохтонных народов является прямым подтверждением их статуса, признания не только политических прав, но и социальных: их своеобразие, традиционный образ жизни, создание общин, обеспечение сохранения культуры, языка. Думается, с помощью таких действий государство взяло на себя обязанность гарантировать эти права и руководствоваться данной нормой при разработке курса внутренней политики и при принятии соответствующих нормативных правовых актов.

Включенная ч. 2 ст. 69 Конституции, провозглашающая, что государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей России, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия, как раз, и является тем самым адресным обеспечительным регулятором.

В рассматриваемой сфере конкретизируют конституционное установление федеральные законы от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», «О территориях традиционного

природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Федеральный от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ закон трансформировался в фарватере новой редакции ст. 69 Конституции. Ранее мы указали на намерение руководствоваться интересами коренных малочисленных народов при разработке внутренней политики и здесь мы видим, как ст. 1 «Основные понятия» теперь закрепляет: Единый перечень коренных малочисленных народов (Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255) не просто утверждается Правительством Российской Федерации по представлению органов государственной власти субъектов Российской Федерации, на территориях которых проживают эти народы, но и по предложению федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной национальной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере государственной национальной политики. Следовательно, теперь на уровне федерального закона закреплена обязанность государства учитывать интересы народов при осуществлении своей деятельности.

Права коренных малочисленных народов являются составной частью интересов населения и представляют собой категорию, которая включает в себе огромный список социально-правовых оснований. Являясь такой категорией, права коренных малочисленных народов не только составляют основу национальной политики, но и посредством обязательного гарантирования и обеспечения прав данной категории населения, выступают частью нескольких приоритетов стратегического развития Российской Федерации – государственной и общественной безопасности, повышения качества жизни российских граждан, культуры.

Таким образом, внесенные поправки, отнесенные к социальному блоку – это шаги к изменению приоритетов политики государства. На данный момент мы не можем судить о практике реализации норм-новелл, но бесспорно то, что интересы и нужды населения принимают главенствующее положение. Очевидным остается то, что социальный блок поправок выступает связующим звеном большинства приоритетных направлений – государственной и общественной безопасности, повышения качества жизни российских граждан, экономического роста, культуры, здравоохранения.

Литература:

1. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: думы о былом и грядущем // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 6.

2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008.

3. Цай В.И. Межнациональные аспекты и национальные интересы в СССР и Российской Федерации: вехи государственной политики // Вестник РУДН. Серия История России. 2013. № 4. С. 46-53.

4. Велиева Д.С., Заметина Т.В. Комментарий к Федеральному закону от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (постатейный) // Подготовлен для системы СПС «КонсультантПлюс», 2008.

Васильева Алина Евгеньевна

студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье дана авторская характеристика правовой основы статуса и гарантий коренных многочисленных народов России; представлены предложения, по совершенствованию действующего российского законодательства в части развития опыта учреждения регионального уполномоченного по правам коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы России, гарантия, самобытность народов, культурное наследие, самоопределение народов, этносы.

В современных реалиях вопрос о сохранении самобытности, уклада коренных малочисленных народов, как и прежде не утрачивает своей актуальности. Со стремительным развитием государства происходят изменения во всех сферах жизнедеятельности человека: социальной, духовной, экономической, политической. Развитие научно-технического прогресса, казалось бы, упрощает жизнь, делает доступной практически любую информацию без каких-либо усилий, но в тоже время стирает возможность работы с первоисточниками, с архивными документами; массовость фабричного, машинного производства влекут за собой профицит товаров и др. Эти факты сказываются на уникальности культуры, устоев и традиций, составляющих, главным образом, историческую ценность для коренных малочисленных народов России, включая вопрос их

физического выживания и совершенствования жизненного уклада. На этом основании оптимизация правовой базы Российской Федерации по поддержке и защите прав коренных меньшинств – одна из первостепенных целей демократического, правового и социального государства.

Россия – многонациональная страна, в ее состав входит около 200 народов, часть из которых – коренные малочисленные общности. В Постановлении Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» зафиксировано 47 этнических групп [0].

Каждый народ единственный в своем роде и может по достоинству испытывать гордость за те знания, умения, навыки, которые поспособствовали сохранению культурного наследия своей малой Родины.

В этой связи важно решение вопроса о правовом статусе коренных малочисленных народов. Кто-то скажет, что правильным будет не вмешиваться в их культуру, ценности и традиции, максимально приблизив к тому состоянию, которое оставалось на протяжении многих веков, но всегда найдутся те, кто будет настаивать на задействовании этнических групп в массовую культуру. Бесспорно, нельзя применять насильственные меры по изменению образа жизни этих народов. Необходимо прислушиваться к мнению национальных меньшинств, которым удалось донести до наших дней ценности и традиции в первоизданном виде.

Гарантии прав малочисленных народов легализованы на конституционном уровне: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» (ст. 69) [2]. Иначе говоря, Россия возлагает на себя обязанность сохранять самобытность малочисленных народов, поддерживать во всех делах и начинаниях: экономических, культурных, политических, ставить под охрану экологическое положение – флору и фауну – в местах их проживания.

Необходимо отметить, что приведенная статья отражает уровень демократии России [3]. Её смысл направлен на воспитание людей, осознающих, что Россия является многонациональным государством, и, каждый гражданин, находящийся в её пределах, обладает равным статусом.

Действующее в Российской Федерации законодательство в рассматриваемой сфере соответствует международным правовым актам. К примеру, наше государство участвует в реализации норм Конвенции № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», в которой легализована установка об ответственности Правительства за проведение, с участием соответствующих народов, согласованной и систематической

деятельности по защите прав этих народов и установлению гарантий уважения их целостности [4].

Поддержка и охрана коренных малочисленных народов, их особенных ценностей и обычаев немислимы без надлежащей нормативной правовой базы. Здесь центральное место отведено Федеральному закону от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации». В соответствии с ним коренные национальные общности образуют специальную группу жителей, которая подпадает под описание, данное в ст. 1: «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» [5].

Достаточно часто сегодня тот или иной коренной народ расселяются на большие расстояния друг от друга, находясь в пределах нескольких территориальных образований [6]. Часть таких этносов как долганы проживают в Красноярском крае, а другая – в республике Саха (Якутия). Нанайцы располагаются в Хабаровском, Приморском краях и Сахалинской области в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». Само собой, назвать точное традиционное место поселения какого-либо народа достаточно трудно. В данной ситуации разумно отталкиваться от определения территории, которые была освоена последними поколениями.

В статье действующего закона выделена такая особенность как численность населения. Целесообразно ли выделять этот критерий в качестве одного из основных? Конституция России не приводит конкретных цифр на этот счет. В данное время большая часть национальных меньшинств, на которые распространяет свое действие федеральный закон, не превышает этого порога, так как численность самого многочисленного – ненцев – составляет не более 45 тысяч. Можно, конечно, сослаться на то, что выделять численность как критерий для приобретения специальных прав и свобод неуместно, это противоречит гражданскому значению права о гарантиях прав и свобод коренных народов России. Задача действующего законодательства состоит в создании положения, при котором народы располагали бы равными с другим населением страны правами, но и приобретали одинаковую способность ими пользоваться.

Пункт «м» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ провозглашает «защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей». Положения статьи конкретизированы в законах РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» [7], от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» [8], федеральных законах от 24 апреля 1995 г.

№ 52-ФЗ «О животном мире» [9], от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [10] и др.

В силу ст. 12 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» «лица, относящиеся к малочисленным народам, вправе создавать на добровольной основе общины малочисленных народов. Это право дает возможность коренным народам осуществлять предпринимательскую деятельность, предоставляется возможность использовать для нужд традиционных хозяйственной деятельности и промыслов объекты животного и растительного мира, общераспространенные полезные ископаемые и другие природные ресурсы» [5].

Продолжает эту норму Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», утверждающий основные положения обучения, взаимодействия этнических групп, установленных для сохранения самобытного окружающего мира.

В ст. 1 этого закона предусмотрена возможность создания нескольких типов образований: 1) общины малочисленных народов, 2) семейные (родовые) общины малочисленных народов, 3) территориально-соседские общины малочисленных народов, 4) союзы (ассоциации) общин малочисленных народов.

Все они считаются межрегиональными, региональными или местными самостоятельными организациями, являющимися национальными меньшинствами, связанными кровным родством или соседскими отношениями, занимающимися традиционным ремеслом и культурой.

В соответствии со ст. 5 рассматриваемого акта образования являются некоммерческой формой организации. Они пользуются следующими правами:

– на бесплатную консультативную помощь по вопросам традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов (ст. 7);

– самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащей им собственностью (ст. 17);

– на соблюдение религиозных традиций и обрядов малочисленных народов, если такие традиции и обряды не противоречат законам Российской Федерации и законам субъектов Российской Федерации, содержание и охрану культовых мест, создание собственных культурных центров и других общественных объединений (ст. 19) [11].

Условие того, что форма образований является некоммерческой, вызывает на практике недоумение, так как не даёт возможности способствовать развитию общинной деятельности, отсутствует возможность полностью расширить в рамках общин предпринимательство, что затрудняет развитие коренных народов, поскольку основным доходом и условием их укрепления считается при-

быль [0]. Необходимо предоставить общинам право на сознание некоторых коммерческих организаций, которые позволят самостоятельно вести свою деятельность, получая соответствующую прибыль, что одновременно способствует распространению традиций и обычаев за пределы определённой этнической группы.

В гарантирующем ключе стоит отметить и Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», утвердивший основные принципы образования, защиты и распоряжения земельных наделов коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Его задачами являются: защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов; сохранение и развитие самобытной культуры малочисленных народов; сохранение на территориях традиционного природопользования биологического разнообразия (ст. 4) [13].

Многие положения этого закона носят внешний и демонстративный характер, а есть моменты, которые и вовсе противоречивы. Так, ст. 11 легализовано, что «земли и земельные участки в местах традиционного проживания могут также использоваться указанными лицами и общинами на основании разрешения органа государственной власти или органа местного самоуправления». Положение вышеупомянутой статьи расходится с федеральным законом от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации» в том, что коренные малочисленные народы могут «безвозмездно пользоваться землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционной хозяйственной деятельности и занятия традиционными промыслами».

Полагаем, помимо сформировавшейся нормативной правовой базы, гарантирующей права коренных малочисленных народов, важный вклад в их защиту может внести специальный институт Уполномоченного по правам человека на федеральном уровне и в субъектах Федерации.

Вместе с тем, заслуживает внимания опыт ряда регионов Сибири и Севера, практикующих функционирование института уполномоченного для внесудебной государственной защиты прав и свобод коренных малочисленных народов.

В целях правовой защиты субъективных прав рассматриваемой группы населения федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» наделил российские субъекты правом учреждать должности регионального уполномоченного по правам человека с возложением на него функций уполномоченного по

правам коренных малочисленных народов либо иные государственные должности и органы [10].

В настоящее время, исходя из предложенной федеральным законодателем модели, в Республике Бурятия функции уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера возложены принятым Народным Хуралом законом на регионального уполномоченного по правам человека, что отвечает потребностям оптимизации бюджетных расходов.

В Республике Саха (Якутия), Камчатском и Красноярском краях уполномоченные по правам коренных малочисленных народов на основании пилотных региональных законов замещают самостоятельные государственные должности в структуре органов власти [0].

С учетом того, что места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов охватывают территории 28 субъектов России [16], полагаем важно использовать уже имеющийся специализированный опыт. Однако значим и финансовый аспект мероприятия. В этой связи мы предлагаем, не форсируя необдуманное учреждение должностей в субъектах Федерации, во-первых, в ежегодном докладе регионального Уполномоченного по правам человека выделить самостоятельную рубрику, посвященную обращениям коренных малочисленных народов. Проследить динамику таких обращений и сопоставить с количеством, тематикой и адресатами иных жалоб. В случае значительного числа обращений, поступающих от коренных малочисленных народов целесообразно обсуждение варианта учреждения специализированной инстанции.

Субъекты России, являющиеся территориями поселения коренных малочисленных народов, но не включенные в распространение специализированного омбудсменовского опыта, могут задействовать в данном вопросе общественные приемные уполномоченных по правам человека, выделив отдельного специалиста или дни приема. В последующем также, исходя из статистики, оценить целесообразность учреждения уполномоченного по правам коренных малочисленных народов.

Предлагаемая пилотная деятельность регионального омбудсмента по общим вопросам не должна негативно повлиять на рассмотрение обращений от всех иных категорий населения.

В заключении отметим, что современная основа правовой защиты прав и свобод коренных малочисленных народов сформирована; в совершенствовании нуждаются гарантирующие нормы и отдельные институты. Подчеркнем, что правовая система не должна служить средством существования и выживания, а должна способствовать подъему на высокую ступень гарантий прав и свобод коренных малочисленных народов России. При этом важно привести вывод

Н.В. Витрука, что «К сожалению, многие специальные права, льготы и привилегии, установленные для коренных малочисленных народов, зачастую не реализуются в силу отсутствия соответствующего материально-финансового обеспечения, надлежащего их государственного протекционизма» [17, с. 301].

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст.1493.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020, 4 июля.

3. Гарипов Р.Ш. Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод // Журнал российского права. 2012. № 6.

4. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах от 5 сентября 1991 г. № 169 // Международное бюро труда. 1991. С. 2193-2207.

5. Федеральный закон от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999 г. № 18. Ст. 2208.

6. Харючи С.Н. Развитие законодательства о защите прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 7.

7. Закон РФ от 25.10.1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.

8. Закон РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах» // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

9. Федеральный закон от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // Российская газета. 1995, 4 мая.

10. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 2002, 12 января.

11. Федеральный закон от 20.06.2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 30. Ст. 3122.

12. Гарипов Р.Ш. Защита прав коренных народов в России и США. Казань: Издательство Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2010. 252 с.

13. Федеральный закон от 07.05.2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

14. Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

15. Колесникова О.В. Институт уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в субъектах Российской Федерации: основные направления совершенствования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 63-70.

16. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 г. № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2493.

17. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008.

Галингер Эмма Сергеевна
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ОХРАНА И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ПРИМЕРЕ СВИДЕТЕЛЯ И ПОТЕРПЕВШЕГО

Аннотация. В данной статье раскрыты современные аспекты охраны и защиты прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве на примере свидетеля и потерпевшего; представленные предложения, направленные на совершенствование конкретной сферы.

Ключевые слова: свидетель, потерпевший, охрана, защита, правоохранительные органы, судопроизводство, а также разработать методические рекомендации применительно достаточность оснований.

В работе «Общая теория правового статуса личности» Николай Васильевич Витрук, характеризуя охранительно-защитный правовой статус, отметил, что к группе прав, являющихся одновременно охранительными (защитными) гарантиями, «примыкает большой перечень прав и законных интересов потерпевших, обвиняемых, подсудимых, свидетелей и других участников различных видов юрисдикционного процесса (уголовного, гражданского и др.) вытекающих из его принципов, основ юридической ответственности» [1, с. 294].

В соответствии со ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), свидетелем является «лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний...» [2]. Что касается потерпевшего, то его определение закреплено в ст. 42 УПК РФ, согласно которой это «физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации» [2]. Несмотря на то, что УПК РФ достаточно подробно регламентирует статус свидетеля и потерпевшего в уголовном процессе, существует ряд проблем, связанных с соблюдением их прав и интересов, в том числе гарантированных Конституцией РФ.

В рамках представленной научной статьи мы рассмотрим основные проблемы, существующие в сфере соблюдения прав и интересов свидетелей и потерпевших, а также предложим возможные пути их решения.

Согласно статистическим данным, собранным Л.В. Брусницыным, каждый год более 10 млн. человек становятся свидетелями по уголовным делам. Из этого числа примерно каждый пятый получает угрозы в свой адрес, которые могут быть связаны как с требованиями отказаться от показаний, так и с необходимостью давать ложные показания [3, с. 38]. Что касается потерпевших, то ежегодно по уголовным делам таковыми признаются около 1,5 млн человек [4].

Таким образом, и физическое состояние, и имущество свидетелей и потерпевших находятся в «зоне риска», так как на них так или иначе пытаются оказывать влияние или сами преступники, или приближенные к ним лица [5, с. 95].

Первая проблема, на которой нам бы хотелось акцентировать внимание – это вопрос обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших. В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ, «при наличии достаточных оснований о том, что

потерпевшему, свидетелю... а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам... угрожают ... следовательно, орган дознания...принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности..., а также иные меры безопасности...» [2]. Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве прямо закреплена обязанность правоохранительных органов в случае необходимости обеспечить безопасность свидетеля и потерпевшего. Однако, вопросы вызывает формулировка «при наличии достаточных оснований». Многие ученые весьма неоднозначно относятся к употреблению в тексте статьи УПК такой оценочной категории, потому что фактически обязанность по оценке степени опасности возлагается на следователя, дознавателя и пр. Например, Н.Ю. Волосова говорит о том, что при формулировке статьи законодатель не обозначил, что именно он вкладывает в смысл термина «достаточное основание», и одно и то же основание может расцениваться участниками уголовного судопроизводства по-разному [6, с. 33]. Например, одна и та же угроза может расцениваться потерпевшим или свидетелем как реальная, в то время как следователь или дознаватель может посчитать ее несущественной. И здесь законодатель не делает акцент на том, чье же мнение будет в приоритете. Практика складывается таким образом, что больший вес имеет слово следователя, вследствие чего ему отводится основная функция по определению достаточности оснований для применения к потерпевшему или свидетелю мер безопасности.

На наш взгляд, в целях преодоления этой проблемы необходимо детализировать сущность данного термина в рамках уголовного судопроизводства, а также разработать методические рекомендации применительно к определению сущности содержания «достаточности оснований».

В контексте рассматриваемого вопроса обратим внимание некоторые ученые, например, С.С. Белявцева, считают, что для применения мер безопасности в отношении свидетеля или потерпевшего, следователю необходимо располагать доказательствами, подтверждающими факт возможного применения противоправных деяний в отношении указанных категорий лиц [7, с. 58]. На наш взгляд, эта позиция достаточно спорная, особенно применительно к контексту соблюдения прав и свобод человека и гражданина в целом. Так, если мы обратимся к ст. 17 Конституции РФ, то увидим, что в нашей стране «признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина...» [8], причем эта защита является безусловной. Здесь согласимся с Я.И. Бобковым в части опосредования права на защиту смыслом Конституции РФ без каких-либо условностей [9, с. 73]. Иначе говоря, правоохранительные органы обязаны обеспечить защиту свидетеля и потерпевшего даже при угрозе возможного причинения вреда здоровью или имуществу, даже если есть основания полагать, что

угроза не будет исполнена. На наш взгляд, такой порядок наиболее полно бы отражал правовые и демократические начала нашего государства применительно к уголовному судопроизводству.

Следующая проблема, на которой нам бы хотелось акцентировать внимание в контексте рассматриваемой темы, это неоднозначность понятия «иные противоправные деяния», которое также нашло отражение в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Неправильный смысл, вложенный в это понятие, может полностью исказить порядок реализации права свидетеля и потерпевшего на защиту со стороны правоохранительных органов. А.А. Дмитриева совершенно верно обращает внимание, что многие следователи, если угрозы не подпадают под те, которые непосредственно указаны в ст. 11, не уделяют им должного внимания, вовсе не уточняя, что входит в понятие «иные опасные противоправные деяния» [10, с. 41]. В качестве примера мы можем привести угрозу изнасилования (если потерпевший или свидетель – женщина), похищение ребенка и пр.

На наш взгляд, проблема может быть решена путем принятия Пленумом Верховного суда РФ постановления «О судебной практике по обеспечению правоохранительными органами и судами мерами безопасности свидетелей и потерпевших», где наиболее полно и точно были бы отражены основные аспекты смысла, который вкладывается в упомянутые нами категории, а также содержались бы иные разъяснения относительно обеспечения безопасности исследуемых участников уголовного процесса.

В заключение отметим такую проблему, как отсутствие в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) специальных составов преступления, которые предусматривали бы усиленную ответственность за причинение вреда свидетелю посредством совершения преступного деяния. На наш взгляд, это очень важная проблема, так как пытаясь воздействовать на свидетеля или потерпевшего, преступник полностью осознает противоправный характер и общественную опасность совершаемого им действия, однако все равно осознанно идет на это. Более того, некоторые ученые говорят о том, что многие преступники рассматривают воздействие на свидетеля или потерпевшего как наиболее простой способ добиться желаемого исхода расследования, в том числе и в суде. Нередки случаи, когда потерпевшие или свидетели в процессе судебного разбирательства отказываются от слов, которые были ими, озвучены на стадии предварительного расследования. Так, например, п. 5 ст. 221.4 Уголовного кодекса Франции «убийство свидетеля или потерпевшего, которое совершено в целях предотвращения сообщения ими фактов, подачи жалобы или дачи показаний в суде, или же в случае сообщения ими каких-либо фактов, подачи жалобы или выступления в суде, наказывается так же, как и убийство магистрата, судьи или любого лица из системы правосудия ... то есть пожизненным заключением»

[11]. Таким образом, во Франции установлена абсолютная защита свидетелей не только на стадии предварительного расследования, но и после. Иначе говоря, по сути, свидетель не теряет свой статус после завершения уголовного дела [12, с. 29]. Мы считаем, что это весьма оптимальный способ обеспечения защиты свидетеля в уголовном судопроизводстве и отечественному законодателю было бы разумно «взять на вооружение» опыт зарубежных коллег.

В рамках обозначенной проблемы имеет смысл говорить о формулировке нормы ст. 309 УК РФ, которая устанавливает ответственность за подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от их дачи. В ч. 2 ст. 309 УК РФ в качестве основных противоправных деяний закреплены шантаж, угроза убийством, причинение вреда здоровью или же уничтожение или повреждение имущества [13].

Однако мы считаем, что данный перечень слишком узок и нуждается в расширении. Например, можно ли рассматривать в качестве противоправного деяния ранее упомянутое нами изнасилование женщины, являющейся свидетелем по уголовному делу? На наш взгляд, это вполне оправдано, и это не единственный пример. То же похищение ребенка следует рассматривать в качестве противоправного деяния, которое может быть применено в отношении «нежелательного» свидетеля [14, с. 12].

Таким образом, мы считаем необходимым дополнить рассматриваемую норму следующим образом «...принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких, *а равно угрозой совершения иного противоправного посягательства в отношении указанных лиц или их близких...*».

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Общий процессуальный статус свидетеля и потерпевшего закреплен в УПК РФ. В нем же есть и основные гарантии их безопасности, которые должны быть обеспечены со стороны правоохранительных органов. Однако на сегодняшний день в этой сфере существует много пробелов, требующих своего устранения, так как их существование негативно влияет на процесс обеспечения прав и свобод рассматриваемых участников уголовного судопроизводства.

2. В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ, следователь, дознаватель и пр. должны обеспечить безопасность свидетеля и потерпевшего при условии наличия «достаточных оснований» относительно того, что в отношении них будет совершено противоправное деяние, однако данная категория является оценочной. На наш взгляд, в целях преодоления этой проблемы необходимо детализировать сущность данного термина в рамках уголовного судопроизводства, а

также разработать методические рекомендации применительно к определению сущности содержания «достаточности оснований».

3. Правоохранительные органы обязаны обеспечить защиту свидетеля и потерпевшего даже при угрозе возможного причинения вреда здоровью или имуществу, даже если есть основания полагать, что угроза не будет исполнена. На наш взгляд, такой порядок наиболее полно бы отражал правовые и демократические начала нашего государства применительно к уголовному судопроизводству.

4. Еще одна проблема – неоднозначность понятия «иные противоправные деяния», которое также нашло отражение в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Неправильный смысл, вложенный в это понятие, может полностью исказить порядок реализации права свидетеля и потерпевшего на защиту со стороны правоохранительных органов. На наш взгляд, проблема может быть решена путем принятия Пленумом Верховного суда РФ постановления «О судебной практике по обеспечению правоохранительными органами и судами мерами безопасности свидетелей и потерпевших».

5. Мы считаем необходимым дополнить ст. 309 УК РФ следующим образом «...принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, унижением или повреждением имущества этих лиц или их близких, *а равно угрозой совершения иного противоправного посягательства в отношении указанных лиц или их близких...*».

Литература

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Российская газета. 2001. № 249.
3. Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию // Закон. 2020. № 1. С. 37–40.
4. Преступность по данным Росстат // Официальный сайт Росстата. – URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-4> (дата обращения: 11.11.2020).
5. Замылин Е.И. Обеспечение безопасности в уголовном судопроизводстве // Юриспруденция. 2019. № 1. С. 94–99.
6. Волосова Н.Ю. Некоторые проблемы защиты прав потерпевших // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 32–35.
7. Белявцева С.С. Государственная защита участников уголовного судопроизводства как способ обеспечения их прав и интересов // Достижения науки и образования. 2019. № 10. С. 57–61.

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.11.2020).

9. Бобков Я.И. Правовой статус защищаемого лица в современном российском уголовном судопроизводстве // Юридическая и правоохранительная практика. 2019. № 8. С. 71–76.

10. Дмитриева А.А. Проблемы повышения эффективности обеспечения безопасности участников уголовного производства на стадии предварительного расследования // Юридический журнал. 2020. № 2. С. 41–46.

11. Уголовный кодекс Франции // Криминальное право: сайт. – URL: <http://crimpravo.ru/> (дата обращения: 11.11.2020).

12. Волошина О.П. К вопросу предупреждения насильственных преступлений против свидетелей и потерпевших // Бизнес в законе. 2019. № 3. С. 28–30.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

14. Lupinskaya P.A. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве // Право. 2020. № 4. С. 11–14.

Галшоян Ани Арамаисовна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС ИЛИ ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ МЕРА?

Аннотация: научная статья посвящена исследованию вопросов дистанционного электронного голосования в Российской Федерации, а также целесообразности его внедрения в процесс голосования по поправкам к Конституции. В работе проанализированы положительные и отрицательные правовые последствия голосования с использованием дистанционных электронных технологий и предложены варианты решения существующих проблем.

Ключевые слова: избирательный процесс, технический прогресс, дистанционное электронное голосование, голосование по поправкам к Конституции.

«Прогресс и целесообразность по самой сути своей – это лишь средства для достижения блага» – утверждал Гилберт Кит Честертон [1]. С изречением

английского писателя, философа и драматурга невозможно не согласиться, поскольку механизмы технического и технологического прогресса являются «рельсами», приводящими в движение локомотив прогрессивного человеческого существования. Прогресс как самостоятельный феномен, не обеспеченный в контексте объективных детерминант государственной политики, не имеет практической и смысловой ценности. Стремительное технологическое развитие в одном направлении не должно влечь перманентный упадок других, не менее, а иногда и более, важных областей общественного миропонимания и правопонимания, в частности. В связи с этим возникает закономерный вопрос об уместности некоторых трансформаций в рамках государства как индивидуально определенного политического института. Смысловая ценность технологического прогресса должна напрямую коррелироваться с ключевыми идейно-нравственными, морально-волевыми ценностями страны. В противном случае достигается мнимая константа, поскольку в результате внедрения технологий в область правовых отношений пренебрегают основными правами человека и гражданина, что как минимум неоправданно, как максимум – недопустимо. Исследуя ценности в конституционном ключе, Н.В. Витрук отмечал, что «Конституция как Основной закон государства закрепляет общечеловеческие и индивидуальные ценности – права и свободы человека и гражданина, принципы демократии, свободного гражданского общества. Приоритет этих ценностей неоспорим, безусловен» [2, с. 113-114].

Комплексной трансформации подверглась стадия проведения голосования в избирательном процессе Российской Федерации. Дистанционный формат процедуры всеобщего голосования по поправкам к Конституции был предусмотрен для двух регионов – Москвы и Нижегородской области. Это первый опыт внедрения дистанционных электронных технологий в избирательный процесс в таких крупных масштабах. В данной научной статье будет дана оценка результатам технико-правовых метаморфоз в проведении голосования по поправкам к Конституции с анализом степени реализации ключевых принципов избирательного права и процесса в контексте «технологической цивилизации», а также исследована практическая целесообразность компьютеризации данной области избирательных правоотношений.

Традиционный порядок голосования предполагал личное посещение избирательного участка как по месту регистрации, так и по месту фактического пребывания. Однако уже в редакции от 29.05.2019 г. Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» представлена формулировка дефиниции электронного голосования, как голосования без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием

технического средства [3]. Появление системы электронного голосования явилось предпосылкой к дифференциации электронного голосования:

– требующее непосредственного посещения избирателя избирательного участка;

– позволяющее избирателю голосовать в дистанционном формате.

В связи с этим возникает потребность и необходимость формализации и законодательного обозначения положений, касающихся дистанционного электронного голосования. Ввиду отсутствия у всех регионов возможности использования технологических инноваций, исследуемые избирательные правоотношения регламентированы нормативными актами тех субъектов Российской Федерации, которым такая возможность была представлена. Термин «дистанционное электронное голосование» закреплен в пп. 1 п. 2 ст. 2 Федерального закона от 23.05.2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве». Это голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг города Москвы [4].

В общероссийском голосовании по вопросу внесения изменений в Конституцию Российской Федерации эвентуальным представилось использование технологий дистанционного электронного голосования Москвой и Нижним Новгородом. Целесообразно ли было «обкатывать пока только в одном-двух регионах первые пилотные проекты» [5] при проведении подобного масштабного общенационального голосования или стоило внедрять сложную систему поэтапно, начиная с выборов регионального характера, в которых уровень технического и технологического потенциала допускает дистанционное сопровождение выборов? С одной стороны, дистанционное голосование позволяет организовать и воплотить идею непосредственного народовластия, провозглашенную в ст. 3 Конституции Российской Федерации. Данной позиции придерживается и Я.В. Антонов, отмечая, что электронная демократия основывается на конституционных идеях выборности и народовластия [6, с. 138-139]. Исследуя дистанционное голосование как правовое явление в целом, мы можем с этим согласиться. Однако в действительности имеются частности, вступающие в антагонизм с декларированными в Конституции положениями об участии в выборах на основе равного избирательного права при тайном голосовании. Например, система электронного бюллетеня предусматривала два закодированных варианта ответа – «да» или «нет», в то время как бумажный вариант в каком-то смысле не ограничивал избирателя в осуществлении право выбора. Иными словами, «порча» бюллетеня – это тоже некое проявление свободного волеизъявления

гражданина в рамках реализации активного избирательного права в демократическом государстве. Имеют место также случаи, когда из-за плохой калибровки сенсорного дисплея осуществляется неправильный учет волеизъявления избирателя [7, с. 44-47]. Второй, не по значимости, принцип тайности в рамках проведения дистанционного электронного голосования также ставится юристами, правоведами и программистами под сомнение. Это обусловлено тем, что гражданин вводит данные, удостоверяющие личность, в целях аутентификации, что затрудняет обеспечение конфиденциальности персональных данных. Более того, тайность и свобода волеизъявления при дистанционном голосовании могут быть уязвимы перед вмешательством кибер-мошенников. В традиционном голосовании принцип конфиденциальности и свободы обеспечиваются путем деятельности членов участковой комиссии, наблюдателей, правоохранительных органов, организационно-технических средств (кабинки для тайного голосования, камеры видеонаблюдения в основном помещении пункта голосования, онлайн-трансляция с этих камер).

Практический опыт свидетельствует о том, что система внедрения дистанционного электронного голосования по поправкам к Конституции на данном этапе несовершенна и требует правовых и технических доработок и адаптации. Так, во время голосования случались инциденты «двойного голосования»: «... те, у кого регистрация в Москве или Нижнем Новгороде, могут спокойно проголосовать на зарубежном участке, так как из списков их не вычеркивают (там же списков и нет). Я решил проверить систему и проголосовал спокойно в посольстве после электронного голосования» – прокомментировал голосовавший [8] Аналогичный случай произошел с ведущим телеканала «Дождь» Павлом Лобковым, которому удалось проголосовать за поправки онлайн и офлайн. По данному факту комиссия в лице зампреда Центризбиркома Николая Булаева провела расследование, сделав выводы о том, что «те, кто записался на дистанционное электронное голосование, должны быть вычеркнуты из списков голосующих на своем избирательном участке» [9]. По мнению председателя ЦИК Эллы Памфиловой, действия журналиста являются провокацией и подлежат административной ответственности по ст. 5.22 КоАП РФ. Действительно, не исключается провокация, однако факт наличия такой возможности может впоследствии поставить под сомнение легитимность и легальность избирательной кампании и принимаемых в ее результате решений. Следствием будут являться дестабилизация общественного и государственного правопорядка, инициированная злонамеренными действиями внутригосударственных и иностранных правонарушителей. Российская Федерация, высшей ценностью которой являются человек, его права и свободы, не вправе допускать даже потенциальную минимальную вероятность посягательства на консти-

туционные права граждан-избирателей. В связи с этим целесообразна необходимость доработки имеющейся технической и правовой базы с целью недопущения ошибочных погрешностей.

Внедрение дистанционного электронного голосования имеет следующие плюсы: отсутствие связи волеизъявления с местом нахождения избирателя; снижение экономических расходов на организацию и проведение голосования; укрепление демократии путем создания альтернативного способа волеизъявления избирателя; упрощение процедуры подсчета голосов, определения результатов выборов с помощью автоматизированных систем.

Таким образом, результаты исследования убеждают нас в том, что для качественного внедрения института электронной демократии в избирательную систему Российской Федерации, надлежит обеспечить защищенность всей процедуры голосования. Для этого в стране должно быть достаточное количество специалистов, способных гарантировать основные принципы избирательного права, которые применимы для института электронного голосования: тайность, независимость, защищенность, удобство и целесообразность. Хотя дистанционное электронное голосование подвержено критике со стороны некоторых юристов, правоведов и политических деятелей, однако естественная потребность в развитии технологий в области цифровизации избирательного процесса однозначно не ставится под сомнение. Важно, чтобы прогресс был не случайностью, а необходимостью. И на сегодняшний день такая необходимость «продиктована», в том числе, эпидемиологической обстановкой. Объективные обстоятельства сформировали, в частности, предпосылки преждевременной реализации механизмов дистанционного электронного голосования в стране. Однако нельзя назвать такой опыт отрицательным. Напротив, оказались намеченными ориентиры дальнейшего развития в области избирательного права и процесса. Исследуемой области свойственен динамизм, обусловленный научным, технологическим и техническим прогрессом избирательных правоотношений. Прогресс – не вопрос скорости, а вопрос направления. И только дорога, «посеянная семенами» добра, добросовестности, справедливости и нравственности обеспечит исключительный прогресс и приведет к желаемым и подлинным успехам цивилизации!

Литература:

1. Афоризмы и цитаты про прогресс [Электронный ресурс] // Citaty.su. – URL: <https://citaty.su/aforizmy-i-citaty-pro-progress> (дата обращения: 01.11.2020).
2. Витрук Н.В. Верность Конституции : Монография. – М., 2008.
3. Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Федерации» (в ред. от 06.04.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

4. Федеральный закон от 23.05.2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» // Российская газета. 2020. № 110 (8164).

5. Памфилова разъяснила процесс внедрения электронного голосования в России [Электронный ресурс] // regnum.ru. – URL: <https://regnum.ru/news/society/2960628.html> (дата обращения: 31.10.2020).

6. Антонов Я.В. Правовые аспекты электронной демократии и электронного голосования. 2014. Управленческое консультирование. № 6. С. 138-139.

7. Коновалова Е.И., Чеботарев В.Е. Использование электронных средств голосования при проведении избирательных кампаний: опыт зарубежных стран и России // Юридический мир. 2012. № 8 (188). С. 44-47.

8. «Голос»: еще один россиянин смог проголосовать дважды по поправкам в Конституцию [Электронный ресурс] // znak.com. – URL: https://www.znak.com/2020-06-29/golos_eche_odin_rossiyanin_smog_progolosovat_dvazhdy_po_popravkam_v_konstituciyu (дата обращения: 25.10.2020).

9. ЦИК пообещал разобраться с двойным голосованием по Конституции [Электронный ресурс] // vedomosti.ru. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/06/25/833356-tsik-poobeschali-nakazat-progolosovavshego-dvazhdi-lobkova> (дата обращения: 05.11.2020).

Гарбузов Антон Борисович,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ИНФОРМИРОВАНИЯ И АГИТАЦИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В данной статье сделана попытка разграничения понятий информирования избирателей и участников референдума и предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума. Автор систематизировал подходы, предлагаемые юридической наукой; для формирования собственной позиции также была привлечена судебная практика.

Ключевые слова выборы, предвыборная агитация, информирование населения, средства массовой информации.

Законодательством Российской Федерации закреплено две ключевые разновидности предоставляемых гражданам гарантий в рамках избирательного процесса, связанных непосредственно с донесением до населения информации о выборах и референдумах. Речь идет об агитации – предвыборной и проводимой по вопросам референдума, а также об информировании избирателей в рамках выборов или участников референдума в рамках, собственно, референдума [1]. И если законодатель дал легальное определение агитации в рамках п. 3 и п. 4 ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее по тексту – Закон), определив ее как деятельность, осуществляемую в период избирательной кампании или референдума и имеющую целью побудить или побуждающую участвующих в выборах или референдуме к выражению собственной гражданской позиции путем отдачи их голоса за одну или несколько предлагаемых в ходе проводимой кампании позиций [2], то для информирования населения при проведении избирательного процесса, границ определения установлено не было. Это дало определенный простор для его синтезирования в рамках доктринальных исследований.

Так, необходимо указать позицию, предлагаемую А.В. Захаровым и А.Н. Кокотовым и заключающуюся в понимании информирования избирателей как совокупности однородных норм, регулирующих отношения, связанные с распространением информации о выборах, не относящейся к предвыборной агитации, а также как деятельность определенных законом субъектов по созданию и распространению в период избирательной кампании информации о выборах, отвечающей требованиям, предъявляемым законом [3]. Первая часть данного определения, представляющая информирование избирателей совокупностью правовых норм, как конструкция, в целом универсальна для юриспруденции, поэтому рассматривать ее детально особого смысла нет. Другое дело вторая часть определения, говорящая об информировании избирателей, как о деятельности уполномоченных на то участников избирательного процесса, имеющей цель способствовать распространению и донесению до голосующих информации о проводимом голосовании. Если руководствоваться предложенным вариантом определения, то сразу же можно выделить первую особенность, разграничивающую агитацию и информирование избирателей. Именно более активный, побудительный характер агитации относительно информирования избирателей. Подтверждение этому легко найти, прибегнув к сравнительному анализу п. 2 и п. 5 ст. 45, п. 2 ст. 48 вышеупомянутого Закона.

В п. 2 прямо говорится о внутреннем содержании информационных материалов, которое не должно склонять к выбору в пользу какого-либо кандидата, по сути своей должно быть объективным и справочным. В п. 5 можно увидеть ссылку на то, что информационные материалы в рамках теле- и радиовещания преподносятся без каких-бы то ни было комментариев третьих лиц, без их трактовки и эмоциональной окраски. В то же время в соответствии с положениями п. 2 ст. 48 Закона агитация включает в себя призывы голосовать за определенного кандидата или избирательное объединение, прямое выказывание предпочтения кому-либо из них, описание последствий их избрания, комментирование в позитивном или негативном ключе их деятельности, а также создание положительного или отрицательно образа в глазах других избирателей.

Беспристрастность информирования противопоставляется явной предвзятости агитации. С большой долей вероятности следует считать, что это самое существенное отличие, разделяющее предвыборную агитацию и информирование населения. Того же мнения придерживается Конституционный Суд Российской Федерации, который в своем постановлении от 30 октября 2003 г. №-15 указал, что: «критерием, позволяющим различить предвыборную агитацию и информирование, может служить лишь наличие в агитационной деятельности специальной цели – склонить избирателей в определенную сторону, обеспечить поддержку или, напротив, противодействие конкретному кандидату, избирательному объединению» [4].

Тот факт, что законодатель не дает легального определения понятия информирования избирателей, может показаться упущением и несовершенством, проще говоря – пробелом в законодательстве. Однако само по себе слово «информирование» в достаточной степени отражает сущность данной правовой категории, предполагая под собой донесение информации до избирателей. Положения ст. 45 Закона только лишь распространяют в какой форме это информирование должно проходить и какой круг субъектов его осуществляет.

Если проводить сравнительный анализ субъектов, уполномоченных на осуществление информирования избирателей и предвыборной агитации, то путем несложных умозаключений, можно легко провести разделительную черту этими двумя понятиями. Участниками избирательного процесса, осуществляющими информирование избирателей, являются органы государственной власти, органы местного самоуправления, комиссии, организации, осуществляющие выпуск средств массовой информации, редакции сетевых изданий, физические и юридические лица. При этом на органы государственной власти и органы местного самоуправления накладывается запрет проведение информирования избирателей относительно субъектов, осуществляющих свое пассивное избирательное право (кандидатов и избирательных объединений). Такое выделе-

ние обусловлено тем, что остальные вышеперечисленные субъекты вправе заниматься предвыборной агитацией с тем ограничением, что они будут это делать вне рамок статуса субъекта избирательного процесса, установленного для них п. 1 ст. 45 Закона, то есть без использования своего служебного и иного, дающего преимущество, положения.

Запрет на донесение до избирателей информации в любой форме о кандидатах и избирательных объединениях распространяется п. 7 ст. 48 Закона, также устанавливая невозможность проведения предвыборной агитации органами государственной власти, органами местного самоуправления, комиссиям и их членам, СМИ, при осуществлении ими профессиональной деятельности [5]. И если подобный запрет при осуществлении информирования избирателей имеет под собой цель исключения ангажированности подаваемой информации, то данный запрет направлен на поддержание принципа равенства кандидатов, невозможность подключения недоступного другим кандидатам должностного, административного и иного ресурса. Таким образом, информирование и агитация отличаются составом субъектов, их осуществляющих.

Помимо двух приведенных выше существенных отличий, следует также указать на различие в отношении обязанности проведения мероприятий, предусмотренных информированием и агитацией. Если агитация есть *право* граждан и общественных объединений на донесение в том или ином, не запрещенном законом, виде до граждан-участников голосования информации о кандидатах или избирательных объединениях, то информирование – *обязанность* донесения до избирателей и участников референдума информации о выборах уполномоченными на то субъектами избирательного процесса. В этой связи не совсем соответствующим сути явления видится определение агитации, предложенное п. 3 и п. 4 ст. 2 Закона.

Подводя итог осуществленного исследования, следует говорить о том, что основными критериями разграничения информирования избирателей и участников референдума от предвыборной агитации и агитации по вопросам референдума должны выступать субъектный состав лиц, осуществляющих данную деятельность, отношение к обязательности осуществления данных действий, а также эмоциональная окрашенность, проводимых в рамках доведения информации до населения, мероприятий. Здесь уместно привести слова Н.В. Витрука, что «Все виды политических прав и свобод составляют единый комплекс. Они неразрывно связаны между собой в реализации. Вместе с политическими обязанностями они составляют политико-правовой статус – подсистему общего конституционного статуса гражданина» [6, с. 289].

Литература:

1. Крученков П.Г. Разграничение понятий информирование и предвыборная агитация: особенности правового регулирования в Российской Федерации // Отечественная юриспруденция. 2018. № 2. С. 11-14.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 №67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. Избирательное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов / под ред. И.В. Захарова, А.Н. Кокотова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 322 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.
5. Думикян А.А. Информирование избирателей и предвыборная агитация в СМИ: проблема разграничения понятий // Избирательное право. 2019. № 2. С. 9-17.
6. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008.

Гребенкин Максим Николаевич,

студент юридического института НИУ «БелГУ»,

Гузеев Андрей Юрьевич,

студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ИНСТИТУТ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье определена роль института наблюдателей в современном избирательном процессе Российской Федерации; раскрыт порядок участия наблюдателей в выборах различного уровня; уделено внимание волонтерству в избирательном процессе.

Ключевые слова: избирательный процесс, наблюдатель, гласность, выборы, волонтеры.

Современные демократические режимы невозможно представить без максимально прозрачных избирательных механизмов. На эту роль отлично претендует институт наблюдателей. Он способствует честному проведению выборов, поскольку сам факт присутствия наблюдателей в день проведения голосования на избирательных участках уже предупреждает возможные нарушения.

Для России и ее избирательного права институт наблюдателей является довольно новым. Впервые термин «наблюдатель» получил официальное признание 1993 году. Впоследствии юридическое оформление данного института (в том числе иностранных наблюдателей) осуществлялось в основном актами Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, хотя постепенно и получил дальнейшее развитие и закрепление в федеральном и региональном избирательном законодательстве.

В соответствии с Федеральным законом от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» наблюдателем является – гражданин Российской Федерации или иностранный гражданин, которого направляют избирательные объединения, общественные объединения, кандидаты, группы избирателей, международные, государственные или негосударственные иностранные организации или физическое лицо для наблюдения за ходом голосования, подсчета голосов, подготовки и опубликования избирательных документов [1].

Наблюдателей делят на 2 группы: российские наблюдатели и иностранные (международные) наблюдатели или как их ещё называют «внешние наблюдатели».

Цель их деятельности тождественна – обеспечение контроля и честной организации избирательного процесса и результатов выборов.

Возвращаясь к вышесказанному напомним, что первое участие наблюдателей на выборах в современной истории России было в декабре 1993 года. Указанные выборы – точка отсчета в становлении института наблюдателей.

Полномочия наблюдателей определялись положениями «О выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году» и «О выборах депутатов Совета Федерации Федерального Собрания РФ в 1993 году» [1]. Каждый кандидат или избирательное объединение были вправе направить до пяти наблюдателей в соответствующую участковую избирательную комиссию. Полномочия наблюдателя того времени различались с современными (к примеру, непосредственное присутствие при открытии избирательных участков, а также организация голосования по месту нахождения наблюдателей).

Дальнейшие изменения института наблюдателей были связаны с введением пропорциональной избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы. Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 121-ФЗ «О вы-

борах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в ст. 29 ограничивался круг субъектов, имеющих право формировать корпус наблюдателей [2]. Данный закон на сегодняшний день не действует, его сменил федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ.

За политическими партиями, которые зарегистрировали федеральные списки кандидатов, осталось право направлять своих представителей в качестве наблюдателей за ходом непосредственно самого голосования и подсчета голосов.

Наличие документально оформленных и закрепленных в законодательстве прав и обязанностей наблюдателя, времени возникновения и прекращения его полномочий, позволяет говорить о самостоятельном правовом статусе наблюдателя как участника избирательного процесса, о наличии у него всех признаков субъекта избирательного права [3].

12 июня 2002 года был принят новый Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4]. Он стал результатом стремления Российской Федерации соответствовать всем необходимым международным стандартам в области избирательного права. Данный закон более детально регламентировал институт наблюдения за выборами или референдумами в Российской Федерации. В ст. 30 данного федерального закона регламентирован статус наблюдателя: субъекты, имеющие право назначать наблюдателя; порядок удостоверения.

Отличие нового федерального закона от Федерального закона № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [5] заключается в основном в расширении прав наблюдателей. Так, в соответствии со ст. 9 Федерального закона № 67-ФЗ наблюдатели вправе не просто знакомиться со списками избирателей, участников референдума, как это было в предыдущей редакции федерального закона, но также изучать и знакомиться с реестром заявлений (обращений) о голосовании вне помещения для голосования [4].

В развитии института наблюдателей, становления его правовой основы важное место занимает федеральное законодательство о выборах Президента Российской Федерации.

Так, в ранее действовавшем Федеральном законе от 17 мая 1995 г. № 76-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» были нормы, регулирующие деятельность наблюдателей на выборах Президента России, а именно в ст. 20 раскрывалось понятие правового статуса наблюдателя, его права и обязанности во время проведения голосования.

В настоящее время действует Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [6], помимо правового статуса наблюдателей (ст. 23), регламентирует, где могут находиться наблю-

датели в день проведения выборов Президента РФ, кем они могут быть назначены, как удостоверяются их полномочия и т.д.

Тот факт, что институт наблюдателей был использован на недавнем всероссийском голосовании по утверждению поправок в Конституцию Российской Федерации, также свидетельствует об актуальности института наблюдателей в реализации государственной политики.

Закон Российской Федерации «О внесении изменений в Конституцию Российской Федерации» наделил Общественную палату Российской Федерации и общественные палаты субъектов федерации правом получения предложений о кандидатурах для назначения наблюдателей.

21 февраля 2020 года было подписано соглашение о сотрудничестве между ЦИК РФ и Ассоциацией волонтерских центров в рамках проекта «общероссийский общественный корпус «волонтеры конституции». В соответствии с ним Ассоциация волонтерских центров обязалась оказывать ЦИК России безвозмездную добровольную (волонтерскую) помощь в проведении информационно-разъяснительной работы среди граждан по вопросам подготовки и проведения всероссийского голосования по утверждению изменений в Конституцию Российской Федерации.

Добровольцами могли стать граждане Российской Федерации, достигшие 18-летнего возраста в 85 регионах России. Итого 100 000 волонтеров информировали население в более чем 3 000 информационных пунктах, расположенных в местах массового скопления людей: торговых центрах, аэропортах, железнодорожных и автобусных станциях, парках.

Как видим, институт наблюдателей довольно успешно функционирует в избирательном процессе, и «такой мониторинг процесса голосования является одним из ключей к обеспечению легитимных выборов, которые избиратели будут оценивать как честные и справедливые» [0, с. 43].

В качестве примера позитивного момента участия наблюдателей на выборах, рассмотрим случай на одном из избирательных участков Рязани на выборах в сентябре 2020 года. Наблюдатели, присутствовавшие на УИК № 955 во время голосования на придомовой территории, заметили несоответствия при составлении акта. По их подсчетам, всего с 8.00 до 13.00 часов на участке проголосовал 41 человек, однако в акт было внесено 52 бюллетеня. Наблюдатели установили данное нарушение, зафиксировав его и сообщили, что не будут подписывать данный акт, так как он не соответствует действительности.

Стоит сказать об участии иностранных или как их еще называют международных наблюдателей. Их деятельность зачастую называют «невключенным наблюдением». Все дело в том, что они осуществляют свои прямые непосредственные задачи по предотвращению нарушений в избирательном законода-

тельстве и создают положения рекомендательного характера по усовершенствованию избирательного процесса, не участвуя в нем. В этом и заключается смысл понятия о невключенном наблюдении.

В ст. 2 федерального закона № 67-ФЗ иностранный (международный) наблюдатель – представитель иностранной или международной организации, имеющий право осуществлять контроль за подготовкой и проведением выборов и референдумов в Российской Федерации в установленном законом порядке.

Стоит отметить, что учитывая политическую и мировую ситуацию, не всегда можно быть уверенным в объективности иностранных наблюдателей. Особенно, если ознакомиться с отчетами некоторых международных организаций, в которых, к сожалению, до сих пор безосновательно негативно отзываются об избирательном процессе в Российской Федерации.

В целом же, разделяя мнение Ю.А. Скокова, считаем, что институт наблюдателей «является показателем социальной активности граждан в стране. Именно наблюдателям присущи высокое межличностное доверие, чувство гражданского долга, ответственности за все, что происходит в общественной жизни, а это, в свою очередь, свидетельствует о развитии гражданского общества в стране» [8, с. 57].

Можно добавить, что наблюдение на выборах также может являться «социальным лифтом» для граждан. Действующая глава Центральной избирательной комиссии РФ Э.А. Памфилова отмечала, что «участие в выборах в качестве наблюдателя позволяет «почувствовать себя активным гражданином», а также способствует приобретению опыта, который в дальнейшем может привести к участию наблюдателей уже в качестве участников избирательных комиссий различных уровней» [0]. Важными в данном контексте полагаем слова Н.В. Витрука, что «права не могут быть выведены, поняты только на основе норм права (закона), без уяснения условий общественной жизни» [10, с. 225].

Подводя итог, можно сказать, что институт наблюдателей является достаточно молодым институтом избирательного права в современной истории России. Однако его наличие важно для избирательного процесса, а функционирование оказывает влияние на социальную и политическую обстановку в обществе.

Литература:

1. Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2014. № 52. Ст. 6961.

2. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 54. Ст. 2254.

3. Ураев Н.Н. Конституционно-правовой статус наблюдателей в российском избирательном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 163 с.
4. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред.31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
5. Федеральный закон от 19.09.1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 45. Ст. 3458.
6. Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (ред.23.05.2020) // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.
7. Головин А.Г. Избирательное право России: Курс лекций. – М.: Норма, 2019. 52 с.
8. Булгакова А.В. Институционализация общественного наблюдения // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 2. С. 8-10.
9. Памфилова: наблюдение на выборах может стать для молодежи социальным лифтом [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/politika/4746042> (дата обращения 25.11.2020 г.).
10. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008.

Гуськова Дарья Александровна
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье раскрываются вопросы взаимодействия международной и национальной систем защиты прав человека. Проанализированы доклады Уполномоченного по правам человека в РФ за 2017-2019 гг. в данном аспекте. Автором выявлены некоторые проблемы правозащитной и предложены пути их решения на основе корректировки российского законодательства.

Ключевые слова: международное право, права человека, омбудсмен, свобода, дискриминация, Европейский суд по правам человека, закон, международное сотрудничество

Современность актуализирует функционирование международного уровня защиты прав человека, а, следовательно, и решение проблем с ним связанных. Важно то, что правозащитная деятельность является фактором, способным направить государства к объединению усилий перед актуальными глобальными проблемами.

Признание, соблюдение и защита прав человека относятся к внутренней компетенции государств. В частности, не исключение здесь и Россия, о чем говорит ст. 2 Конституции РФ [1]. Именно по этой причине допускаемые ратифицированными международными договорами ограничения, имеют разную силу и объем.

Положения ч. 4 ст. 15 Конституции легализовали взаимодействие международного права и внутригосударственного права России. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры стали неотъемлемой частью правовой системы Российской Федерации.

Россия является активным участником международных соглашений о правах человека, как на универсальном, так и на региональном уровне. Качество реализации заявленных соглашений зависит от национальных усилий, исходящих от различных органов, должностных лиц и организаций. В этой связи обоснованно обратить внимание на развитие международного сотрудничества, в котором принимает участие российский Уполномоченный по правам человека.

Так, Уполномоченный по правам человека имеет право представлять рекомендации о заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам его ведения (ст. 8 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации») [2].

На основе анализа докладов Уполномоченного за последние 3 года следует вывод о последовательном упоминании международного сотрудничества. Так, в докладах акцентировано внимание на внешней политике России, направленной на развитие равноправного сотрудничества с иностранными государствами [3, с. 250]. По инициативе Уполномоченного проводились международные конференции [4, с. 294].

Из содержания докладов Уполномоченного за 2017-2019 гг. выводимы непрекращающиеся проблемы жителей Крыма, появление угроз для прав человека планетарного масштаба, межэтнических конфликтов, массового безгражданства и политических манипуляций и др. [5, с. 252 – 253].

В Докладе Уполномоченного за 2020 год упомянутым угрозы уголовным преследованием сотрудникам Sputnik (Эстония), если они не расторгнут свои трудовые договоры с МИА «Россия сегодня». Объясняется такое поведение тем, что в 2014 году Евросоюзом были введены санкции против ряда физических и юридических лиц из-за событий на Украине. Указанная ситуация вызва-

ла всеобщий резонанс. Свобода слова и право на информацию в Эстонии гарантированы Конституцией (ст. 44-46) [6] и ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [7]. Это значит, что действия эстонских властей не соответствуют конституционным нормам и международным принципам.

Представляется, сам факт упоминания в докладах российского омбудсмена проблем в сфере нарушения прав человека, привлекает внимание уполномоченных лиц для разрешения дел по существу.

Несмотря на то, что многие государства развиваются в человекоориентированном ключе, тем не менее, ситуацию с защитой прав человека нельзя назвать идеальной.

Одной из проблем остается искажение норм международного права в национальном законодательстве. К примеру, некоторые государства до сих пор вносят в свои законы дискриминационные положения.

Так, Маврикий принял закон об иммиграции, при котором, если иностранец женится на маврикийской женщине, ему необходимо ходатайствовать о разрешении на проживание на территории Маврикия, при этом в разрешении ему могут отказать. Но если женщина-иностранка выходит замуж за маврикийского мужчину, она автоматически получает право проживания в Маврикии. Комитет по правам человека считает, что указанные государственные нормы нарушают п. «d» ст. 5 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. [8].

Важно упомянуть о том, что 5 июня 2020 г. эксперты ООН осудили современные случаи линчевания на почве расовой ненависти в США. Эксперты отметили, что заявление США от 1 июня 2020 года об использовании вооруженных сил против демонстрантов (The Insurrection Act of 1807) говорит о применении правовых инструментов против людей африканского происхождения. По словам экспертов, использование слезоточивого газа против мирных демонстрантов, не нарушавших закон, подвергается сомнению по поводу законности. Кроме того, они напомнили о рекомендациях доклада 2016 г. [9], в котором сказано, что убийства безоружных афроамериканцев полицией являются «лишь верхушкой айсберга, которая свидетельствует о расовых предрассудках в системе правосудия» [10].

Полагаем, установления о правах человека должны одинаково толковаться всеми государствами без исключений и с учетом языковых, культурных, религиозных и иных особенностей. Существование разных культурных и религиозных различий не должно сказываться на выполнении международных обязательств в сфере прав человека.

Бангкокская декларация 1993 г. формализовала тезисы культурного релятивизма [11]. В ст. 8 данного документа говорится о том, что права человека

носят универсальный характер и должны рассматриваться как динамичный и развивающийся процесс «с учетом значимости национальных и региональных особенностей и различных исторических, культурных и религиозных условий». Но в ст. 16 мы видим политически предвзятый подход, называющий земли Израиля, включая Иерусалим, оккупированными арабскими территориями.

Очень важно сокращение правовой неграмотности населения в отношении международных средств защиты прав человека. В соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод жалоба в Европейский суд по правам человека может быть подана физическим лицом, группой лиц или неправительственной организацией, в случае, если они являются жертвами нарушения права конвенции. Печален тот факт, что большинство граждан не осознаёт в полной мере уровень защиты, предоставляемый им Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Такой вывод явствует из того, что большое количество жалоб, отправленных из России в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), не проходят уровень приемлемости, при том, что действительно фиксируются нарушения прав на международном уровне.

Так, согласно статистике за 2017 г., количество поступивших обращений было – 11 618. При этом решению о неприемлемости подверглись 6 889 жалоб. Конечно же, прослеживается тенденция увеличения приемлемых и обоснованных жалоб. Например, уже в 2018 г. поступило до 60 % обоснованных жалоб [12].

Согласно статистике за 2019 г. каждое четвертое нарушение Конвенции, выявленное ЕСПЧ, произошло в России. В большинстве своем они касались свободы и личной неприкосновенности [13].

Знание каждым человеком своих прав, несомненно, содействует появлению возможности у людей участвовать в принятии решений, определяющих качество их жизни. Это может быть достигнуто путем обучения в области прав человека в различных учебных заведениях или с помощью специализированных курсов.

В данный момент важно актуализировать международное сотрудничество государств, которое обязательно покажет свои результаты в будущем. Тем более, что этот тезис еще в 1970 г. был легализован в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами [14]. В ней подчеркивается, что сотрудничество – это обязанность государств.

Ключевая международная организация – ООН также в качестве одной из целей провозгласила международное сотрудничество в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы,

пола, языка и религии. По словам Н.В. Витрука, «В современном мире сформировалась категория универсальных (всеобщих) прав личности в контексте всеобщего равенства людей, которая имеет общеправовой смысл, единый для всего мирового сообщества [15, с. 66].

Руководствуясь, установленными на международном уровне правозащитными приоритетами, полагаем, все государства-участники международных соглашений должны последовательно выстраивать собственную национальную правозащитную систему, а также вносить весомый вклад в обеспечение авторитетности международных правозащитных инстанций.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 г.

2. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ред. от 12.03.2014 г.) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год / Официальный сайт. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/> (дата обращения: 18.11.2020 г.).

4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год / Официальный сайт. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/> (дата обращения: 18.11.2020 г.).

5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год / Официальный сайт. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/> (дата обращения: 18.11.2020 г.).

6. Конституция (Основной Закон) Эстонской Республики принята на референдуме 28.06.1992 г. URL: http://genadiafanassjev.blogspot.com/2015/02/blog-post_46.html (дата обращения: 18.11.2020 г.).

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод заключена в г. Риме 04.11.1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

8. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации заключена 21.12.1965 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 125-139.

9. Доклад Рабочей группы экспертов по проблеме лиц африканского происхождения о ее миссии в Соединенные Штаты Америки. 2016.

10. Эксперты ООН осуждают современные случаи линчевания на почве расовой ненависти в США. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: <https://www.ohchr.org/> (дата обращения: 18.11.2020 г.).

11. Report of the regional meeting for Asia of the World Conference on Human Rights. The Bangkok Declaration. 1993. URL: <http://hrlib.kz/> (дата обращения: 18.11.2020 г.).

12. Статистика ЕСПЧ (данные РФ в статистике суда). URL: <https://euroclaim.ru/rossiya-i-espch-statistika> (дата обращения: 18.11.2020 г.).

13. Павлова З. Россия по-прежнему лидирует по числу обращений в Европейский Суд // Адвокатская газета. 2020, 3 февраля.

14. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций принята 24.10.1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 2-8.

15. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008.

Коваль Ксения Константиновна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье уделено внимание значимости ограничения избирательных прав граждан в Российской Федерации; проанализированы основные условия ограничения активного и пассивного избирательного права, установленные Конституцией Российской Федерации, а также дополнительные условия, закрепленные в федеральных законах; определены цели таких ограничений.

Ключевые слова: ограничения избирательных прав; активное избирательное право; пассивное избирательное право

Выборы являются важнейшим институтом демократии, формализованным в Конституции Российской Федерации, положения которой служат фундаментом современной отечественной избирательной системы. Реализуя право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, граждане должны помнить о том, что всеобщность избирательного права вовсе не означает его неограниченность. Актуальность темы статьи обусловлена важностью законного ограничения избирательных прав граждан с целью нахождения у власти только тех людей, которые в действительности смогут грамотно управлять делами государства, а также допущению к процессу голосования тех лиц, которые способны сделать осознанный выбор.

Ограничение избирательных прав граждан следует рассматривать в рамках института ограничения конституционных прав и свобод.

В юридической науке отсутствует единое толкование понятия ограничения прав и свобод человека и гражданина. Так, В. В. Лазарев считает, что ограничение прав – это «всегда сокращение сферы свободы» [1]. По мнению Л. Д. Воеводина, «пределы осуществления прав и свобод можно было бы определить, как совокупность сложившихся на основе существующих в обществе социальных ценностей, критериев и ориентиров, очерчивающих границы пользования гражданами своими конституционными правами и свободами [2]. Позиция С. С. Алексеева по данному вопросу заключается в том, что он рассматривает ограничение, как объем сфер регулирования, как границу прав и свобод человека и гражданина, присущих ему в настоящее время, что достигается путем сужения дозволений, новых запрещений, дополнительных позитивных обязанностей [3]. Несмотря на то, что доктриной до сих пор не выработан универсальный подход к толкованию понятия ограничения прав и свобод, ученые сходятся в определении данного понятия как неких границ, очерчивающих пределы дозволенного.

Безусловно, сфера прав и свобод человека должна ограничиваться в силу объективных обстоятельств жизни в обществе. Необходимо подчеркнуть, что такие ограничения должны носить сугубо законодательное закрепление и быть соразмерными тем ценностям, на охрану которых они направлены. Это объясняется содержанием в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации положения о том, что права и свободы человека и гражданина могут ограничиваться федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Из этого следует, что все официально закрепленные ограничения прав и свобод человека и гражданина в современном законодательстве Российской Федерации касаются таких деяний, которые ставят под сомнение возможность

дальнейшего исключительно благотворного и законопослушного поведения со стороны таких лиц и, соответственно, ставят под угрозу благополучие и безопасность других граждан.

В Конституции Российской Федерации закреплены ограничения избирательных прав граждан, имеющие основополагающее значение для отечественного избирательного законодательства и для практики его реализации.

Так, в ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации установлено, что активным и пассивным избирательным правом не обладают граждане, признанные судом недееспособными. Следует отметить, что согласно п. 1 ст. 29 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] недееспособность гражданина, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, устанавливается исключительно судом. Приведенная конституционная норма является необходимой мерой, с помощью которой законодатель, в первую очередь, заботится о том, чтобы важные государственные решения принимались только сознательной и здравомыслящей частью населения во избежание неблагоприятных последствий.

Также ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации указывает на то, что активным и пассивным избирательным правом не обладают граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Данное ограничение обусловлено следующими факторами [5]:

1) отсутствие возможности у лица, находящегося в месте лишения свободы, т.е. в изоляции от общества, всецело и полноценно исполнять полномочия выборного народного представителя;

2) наличие конфликтных отношений с установленным правопорядком у лица, совершившего преступление, что несовместимо с выполнением функций народного избранника;

3) лишение избирательного права справедливо может считаться элементом юридической санкции.

Следует отметить, что существует позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу ограничения избирательных прав, выражающаяся в следующем: с точки зрения русского языка фраза «не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда» является императивным запретом, который означает, что избирательных прав лишаются все заключенные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, без исключений [6]. Следовательно, лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, исходя из толкования данной нормы, не должно быть ограничено в избирательных правах.

Ряд статей Основного Закона Российской Федерации ограничивает исключительно пассивное избирательное право. Так, ст. 81 Конституции Россий-

ской Федерации содержит ограничения права граждан быть избранными Президентом России, согласно которым на эту должность может быть избран только гражданин Российской Федерации, достигший возраста 35 лет, постоянно проживающий в России не менее 25 лет, не имеющий и не имевший гражданства иностранного государства или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина России на территории иностранного государства. Также ст. 97 Конституции Российской Федерации указывает на то, что депутатом Государственной Думы может быть избран гражданин Российской Федерации, не моложе 21 года, имеющий право участвовать в выборах, постоянно проживающий в Российской Федерации и не имеющий гражданства иностранного государства или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина России на территории иностранного государства. Кроме того, в данной статье предусмотрено, что депутатам Государственной Думы запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

Данные ограничения введены с той целью, чтобы к принятию важных для государства решений допускались лица, достигшие определенного уровня развития. Кандидаты, претендующие на указанные должности, должны иметь определенный жизненный и профессиональный опыт, обладать пониманием особенностей устройства и механизма функционирования государства, задумываться о существующих в нем проблемах и способах их решения.

Однако рассмотренные ограничения избирательных прав не являются исчерпывающими. Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал принципиальную правовую позицию по данному вопросу: «в силу части 3 статьи 17 и части 3 статьи 55 Конституции РФ федеральный законодатель правомочен предусматривать ограничительные условия осуществления избирательных прав... Такого рода ограничения могут быть также продиктованы необходимостью формирования легитимных органов представительной власти, поддержания общественного правопорядка и минимизации рисков криминализации избирательных отношений» [7].

В настоящее время федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [8] содержит в себе следующие ограничения пассивного избирательного права: возраст, срок службы на занимаемой должности, наличие гражданства или вида на жительство иностранного государства, наличие неснятой или непогашенной судимости за совершения тяжких и (или) особо тяжких преступлений, уголовно наказуемых деяний экстремистской направленности, привлечение к административной ответственности по статьям 20.3 и 20.29 Кодекса об

административных правонарушениях Российской Федерации, наличие в действиях кандидата признаков экстремистской деятельности. Также необходимо обратить внимание на тот факт, что граждане иностранного государства вправе быть избранными в органы местного самоуправления, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации (п. 3.1. ст. 4 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Данный перечень дополнительных ограничений избирательных прав граждан достаточно обширный. В том случае, если он будет постоянно дополняться новыми пунктами, может возникнуть вопрос о целесообразности таких ограничений и их дальнейшем негативном влиянии на развитие демократического правового государства. При такой динамике, полагаем, существующие ограничения избирательных прав справедливо будут пониматься как фактор неравенства граждан. Поэтому, по словам Н.В. Витрука, «Конституционный Суд ... обосновывает требование соблюдения соразмерности ограничений как гарантию от чрезмерных ограничений прав и свобод, выходящих за рамки необходимости» [9, с. 114].

Таким образом, ограничения избирательных прав граждан в Российской Федерации вполне оправданы и не имеют дискриминационной направленности. Устанавливая требования к лицам, которые претендуют на занятие выборных должностей в органах государственной власти и органах местного самоуправления, законодатель явно способствует существенному и осязаемому повышению доверия граждан к современным публичным властным институтам. Ограничение же активного избирательного права призвано обеспечить осознанное и заинтересованное участие граждан в выборах. В свою очередь, необоснованное ограничение избирательных прав может препятствовать развитию правового государства и гражданского общества как ведущих институтов демократии.

Литература:

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Лабиринт, 1989. 432 с.
2. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М.: Изд-во МГУ, Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. 299 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.08.2020 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Завалко Н.А. Цензы и ограничения в избирательном праве России. Уфа: Аэтерна, 2017. 154 с.

5. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 г.

6. Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 35-47.

7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 №67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. №24. Ст. 2253.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2016 г. № 12-П // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197028/ (дата обращения 11.10.2020 г.).

9. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008.

Крайнюкова Анастасия Андреевна

студентка юридического института НИУ «БелГУ»,
член Молодёжной избирательной комиссии Белгородской области

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МОЛОДЁЖНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы нормативного регулирования деятельности органов молодежного самоуправления в Белгородской области.

Ключевые слова: молодежная политика, нормативное регулирование, органы молодежного самоуправления.

В числе приоритетных направлений развития внутренней политики государства признано повышение эффективности государственной молодёжной политики, в сфере задач которой – последовательное расширение участие молодёжи в политической жизни страны. Это способствует, с одной стороны учёту интересов молодёжи, что важно для принятия актуальных управленческих решений, с другой — формированию политической и иной опоры российского общества и государства [1]. Именно молодёжь в будущем должна стать основной опорой общества в любом государстве. По словам Н.В. Витрука, «Социально-правовое положение личности определяется условиями и возможностями

данной общественной системы, а также тем, какую социальную позицию человек занимает благодаря своим личностным качествам» [2, с. 44]. В этих целях в России активно ведётся работа с молодёжью на всех уровнях публичной власти: федеральном, региональном, местном. В правовом просвещении молодых людей участвуют и публичные органы, и общественные объединения, включая политические партии.

В Белгородской области принято и действует множество нормативных правовых актов в сфере молодежной политики, которые в том числе предусматривают гарантии участия молодежи в общественно-политической деятельности, меры государственной поддержки молодежных проектов и инициатив. Соответствующие правовые акты действуют во многих муниципальных образованиях региона. Вместе с тем базовый закон в Белгородской области в рассматриваемой сфере по-прежнему отсутствует.

В целях формирования устойчивого в своей основе комплекса нормативных положений, определяющих правовые основы формирования и деятельности системы органов молодежного самоуправления в Белгородской области, считаем необходимым принятие Закона Белгородской области «Об органах молодежного самоуправления в Белгородской области».

Основная идея законопроекта состоит в систематизации нормативной базы об органах молодежного самоуправления, создании базового закона, закрепляющего статус органов молодежного самоуправления и обеспечении системного правового регулирования общественных отношений в сфере молодежной политики на территории Белгородской области.

Целями правового регулирования общественных отношений в данной сфере являются: развитие всех форм молодежного самоуправления; гарантирование прав молодежи; создание условий для непосредственного участия молодых людей в осуществлении молодежной политики на территории Белгородской области; повышение эффективности взаимодействия органов молодежного самоуправления между собой; формирование у молодежи прогрессивного правосознания и правовой культуры.

Законопроект призван регулировать общественные отношения, базирующиеся на конституционных нормах, способствующих повышению результативности работы с молодёжью на всех уровнях, продвижению идей молодежного самоуправления.

Предметом правового регулирования является нормативное закрепление положений, регулирующих отдельные вопросы в развитии и деятельности органов молодежного самоуправления на территории Белгородской области.

Сфера государственной молодежной политики является предметом совместного ведения Российской Федерации и субъекта Российской Федерации

[3]. Принятие законопроекта вписывается в действующее законодательство Белгородской области. Положения законопроекта относятся к конституционному (уставному) законодательству, так как он касается государственной политики субъекта РФ, реализации политических и социальных прав и свобод человека и гражданина, и к некоторым другим отраслям законодательства, в частности административному и социальному. Поскольку отдельные положения закона затрагивают вопросы уточнения полномочий органов государственной власти и местного самоуправления Белгородской области в части координации деятельности органов молодёжного самоуправления в Белгородской области, соответствующий закон фактически является межотраслевым.

Обоснованность принятия законопроекта объясняется тем, что на региональном уровне должны быть реализованы положения пункта «е» части 3 статьи 6 Устава Белгородской области, в части касающейся областных программ в сфере экономического, социального, культурного и иного развития Белгородской области [4].

Вопросы, закреплённые в Конституции Российской Федерации в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, дают возможность разработать направления государственной молодёжной политики, реализуемой органами государственной власти всех уровней (при возможном участии органов местного самоуправления) [3].

Реализация законопроекта потребует введения новой главы «Органы молодёжного самоуправления Белгородской области» в Уставе Белгородской области.

Законопроект не предусматривает выделение дополнительных средств из бюджета субъекта на работу с молодёжью, но предполагает оптимизацию их использования, в том числе путём принятия корреспондирующих поправок в главу 4 Закона Белгородской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Белгородской области» в части уточнения места пункта «Молодёжная политика» [5].

Законопроект будет иметь большое значение для правовой системы Белгородской области, поскольку он создаст условия приведения к единообразию совокупности правовых актов, касающихся работы с молодёжью в Белгородской области.

К ожидаемым социально-экономическим последствиям реализации предлагаемого законопроекта можно отнести: повышение активности молодёжи; увеличение числа моделей и форм вовлечения молодежи в трудовую и экономическую деятельность на благо региона; развитие у молодых людей положительных навыков индивидуального и коллективного управления общественной жизнью; участие в управлении делами государства

Юридическим последствием принятия закона станет упорядочивание правового регулирования деятельности молодёжных структур во всех административно-территориальных единицах Белгородской области

Политические последствия будущего закона выразятся в повышении уровня правовой и электоральной культуры молодёжи, общего уровня правосознания молодых людей.

Закон Белгородской области «Об органах молодёжного самоуправления» станет системообразующим законодательным актом в сфере правового регулирования деятельности органов молодёжного самоуправления в Белгородской области, призванным упорядочить имеющуюся нормативную правовую базу и практику её применения.

Литература:

1. Концепция проекта Федерального закона «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // <http://council.gov.ru/> (Дата обращения 11.11.2020)

2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 04.07.2020

4. Устав Белгородской области: закон Белгородской области от 31 декабря 2003 года № 108 // https://constitution.garant.ru/region/ustav_belgorod/

5. О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Белгородской области: закон Белгородской области от 16 ноября 2007 г. № 162 // https://www.belduma.ru/document/laws/laws_detail.php?soz=4&god=2007&nom=162

Настоящая Светлана Александровна
магистрант кафедры административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. кафедры Б.В. Макогон
(Белгород, Россия)

ПРИНЦИП ПРИОРИТЕТА ПАЦИЕНТА В ПРАВОВОМ СТАТУСЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Аннотация. В статье на основе анализа широкого круга источников представлен анализ позиций относительно места и роли принципа приоритета пациента в комплексном юридическом статусе медицинских работников.

Ключевые слова: медицинские работники, приоритет пациентов, правовой статус медицинских работников.

В условиях обоснованных в теоретико-правовой доктрине тенденций глобализации [1; 2; 3] гуманистическое направление развития государственно-юридической сферы представляется конститутивным, определяющим аксиологический уровень ограничений для публичной власти [4; 5].

В Российской Федерации как государстве созидающем [6] среди принципов оказания медицинской помощи, закрепленных федеральным законодательством, для минимизации правозащитных рисков [7] особое и фундаментальное место занимает принцип приоритета пациента.

Логично поставим практикоориентированный вопрос о том, насколько данный принцип объективно обоснован, каким образом он может найти свою полноценную безошибочную реализацию, когда в силах врача с медицинских позиций объяснить назначение препаратов, последствия отказа от лечения, при этом доказать свою невиновность при наступлении ряда неблагоприятных последствий – часто затруднительно, а правозащитная деятельность публичных структур [8] традиционно стремится к некой монологичности.

Вероятно, разрешению заявленной проблематики может способствовать повышение сознательности именно пациентов, внимание к их ответственности, в том юридической в широкой ее трактовке [9].

В рамках предоставления медицинских услуг следует соблюдать этические и моральные нормы с обеих сторон участия в таких отношениях, медицинскому персоналу всех уровней и статусов надлежит давать максимально близкую к объективной оценку состояния здоровья пациента, работать над со-

зданием для него условий, которые соответствовали бы тяжести заболевания, его причинам и возможным следствиям.

Защита прав и законных, правовых, интересов во врачебной среде может быть расценена, скорее, как некоторое исключение, нежели сложившееся и укрепленное социальными нормами правило. Способы защиты гражданских прав определяются на основании установлений ст. 12 Гражданского Кодекса РФ без каких-либо специальных преимуществ, следовательно, теоретически, врач поставлен вровень с другими субъектами.

Устойчивое, даже в какой-то мере стереотипное, заблуждение о том, что врач, скованный клятвой, при любых обстоятельствах несет ответственность за свою профессиональную деятельность, поэтому никаких особых прав для него устанавливать не надо, лишь в какой-то степени объясняет «правовой вакуум» по направлению юридического обеспечения деятельности медицинских работников именно всех звеньев цепи здравоохранения в целом и оказания медицинской помощи в частности.

Быть может, как раз-таки «клятва Гиппократова» и послужила причиной укоренения и распространения подобных стереотипов, хотя человек, конечно, не должен быть ущемлен в своих правах лишь только в связи с избранием им определенной, столь значимой социально, профессии

Обладающим признаками стереотипизации видится и складывающееся впечатление о критично узкой корпоративности механизма реализации права в рассматриваемой сфере, что служит доктринальным аргументом в пользу негативной оценки предложений по императивному установлению статуса врача, так как это приведет к разрастанию конфликтов в соответствующей сфере. Конечно, сгладить конфликтные ситуации способно стимулирование здоровой конкуренции.

Доктрина большее внимание уделяет защите пациентов, что, в целом, логично, но часто оставляет именно врачу роль субъекта исключительно негативной ответственности. Д.В. Бондаренко, с собственных позиций рассматривая врачебные ошибки в контексте ответственности и отстаивая права пациентов, всё же отмечает правовую незащищенность врача, полагая, что «если в случае медицинской неудачи всю ответственность возлагать на медицинских работников, нас некому будет лечить. Мало кто рискнет взять в руки скальпель, если будет знать, что за спиной стоит судья, готовый удовлетворить иск против медицинского работника на крупную сумму» [10]. В последнем случае, полагаем, автор говорит о правосудии как о принципе [11], формирующем ответственность и реализацию права в пределах от конституционной юстиции [12] до адресных их трактовок, которые можно считать конкретизирующими.

К снижению престижности профессии врача и оттоку кадров из этой области привело отсутствие нормативно закреплённого правового статуса врача. Назрела острая необходимость в законе, который определил бы реальные права и обязанности врачей, а также соответствовал бы уровню развития медицинской науки и укрепил положение врача в нашем обществе, содержал бы правовые механизмы точного и чёткого регулирования и определения прав и обязанностей врачей и других медицинских работников.

Литература:

1. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // Закон и право. 2012. №. 6. С. 29-32.
2. Макогон Б.В. Глобализация и переходный период государственно-правового развития России // Евразийский юридический журнал. 2012. №. 4. С. 150-151.
3. Макогон Б.В. Особенности трансформации национального законодательства в условиях глобализации // Закон и право. 2012. №. 5. С. 15-18.
4. Макогон Б.В. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов. 2013.
5. Makogon B.V. et al. Logical classification of legal procedural restrictions. 2019.
6. Борисов Г.А. и др. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. 2016.
7. Kornuyushkina A.Y. et al. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states // Turkish online journal of design art and communication. 2017. Т. 7. С. 352-356.
8. Мархгейм М.В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. 2006.
9. Makogon B. V. et al. Interpretation of legal responsibility as a universal instrument of procedural legal restrictions // Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2017. Т. 7. №. S-APRLSPCL. С. 328.
10. Бондаренко Д. В. К вопросу о юридической ответственности медицинских работников // Медицинское право. 2006. №. 4. С. 41-47.
11. Kuksin I.N. et al. Justice as principle: Aspects of genesis in social and regulatory systems // The Social Sciences (Pakistan). 2016. Т. 11. №. 10. С. 2367-2370.
12. Makogon B.V. et al. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits // Journal of History Culture and Art Research. 2018. Т. 7. №. 2. С. 722-728.

Нестеренко Виктория Викторовна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ПРАВООЩИТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ

Аннотация. В статье раскрываются наиболее значимые аспекты правозащитного взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с общественными объединениями, которые выступают в качестве одного из основных институтов гражданского общества. Также авторами проводится оценка упомянутого сотрудничества и вносятся предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека в РФ, Уполномоченный по правам человека в субъекте РФ, общественные объединения, правозащитные организации, Общественная палата РФ, гражданское общество, правозащитная система государства.

Статья 2 Конституции Российской Федерации закрепляет положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью [1]. Следовательно, их признание, соблюдение и защита – важнейшая из задач демократического государства. Для этого необходимо наличие и функционирование в нем правозащитной системы. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает такой субъект данной системы как Уполномоченный по правам человека.

Институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) возник в Российской Федерации сравнительно недавно. Однако уже смог зарекомендовать себя в качестве эффективного механизма в области защиты прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, за это время сформировалась полноценная сеть Уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.

С введением рассматриваемой должности изменилось отношение к правозащитному сообществу, возник принципиально иной диалог между гражданином и публичной властью. Другими словами, началась новая эпоха взаимодействия между государством и гражданским обществом.

В качестве одного из основных институтов гражданского общества выступают общественные объединения. Они способствуют консолидации людей с определенной общностью интересов, содействуют защите их прав и законных

интересов. Исходя из эмпирических материалов, считаем, что сотрудничество между омбудсменом и общественными объединениями является достаточно результативным.

Так, в 2019 году к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации поступили 192 обращения от общественных объединений и правозащитных организаций. Положительное разрешение получили 11 заявлений, в том числе коллективные, в результате чего удалось восстановить права более 100 граждан [2]. В то время как за 2018 год было зарегистрировано 140 обращений от общественных объединений, а за 2017 год – 123 обращения [2].

На основании этого полагаем, что правозащитное взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с общественными объединениями с каждым годом приобретает всю большую перспективу развития, помогая восстанавливать права все большего числа граждан.

Стоит отметить, что установлению сотрудничества между Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и общественными объединениями способствует Общественная палата Российской Федерации.

Наряду с представителями, назначенными Президентом Российской Федерации в составе сорока человек, представителями общественных палат субъектов Российской Федерации в составе восьмидесяти пяти человек, в нее входят сорок три представителя общероссийских общественных объединений, иных некоммерческих организаций [3].

Кроме того, члены Общественной палаты, в том числе от общественных объединений, участвуют в работе секций Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, на которых рассматривается достаточно широкий круг вопросов: обеспечение жильем уязвимых групп населения; условия содержания женщин в местах лишения свободы; механизм экстрадиции граждан Российской Федерации и др.

Членами Экспертного совета подготовлено 39 заключений, экспертных мнений и предложений по актуальным темам правоприменительной практики, связанным с обеспечением прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, ими направлено более 50 предложений в Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год, которые позволили значительно повысить его обоснованность, в том числе и научную [2].

Также члены Экспертного совета активно участвуют в подготовке предложений, направленных на совершенствование законодательства о правах и свободах человека и гражданина, форм и методов их защиты. Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации учтены в законотворческой деятельности их предложения, например, о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации нормой об уголовной ответственности за пытки, об уточ-

нении правового регулирования порядка совершения религиозных обрядов лицами, содержащимися под стражей и др.

На наш взгляд, участие представителей общероссийских общественных объединений и иных некоммерческих организаций в работе Общественной палаты Российской Федерации и Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации помогает обеспечить представительство интересов различных групп населения, способствует совершенствованию правозащитного механизма государства.

Важно отметить, что взаимодействие института Уполномоченных по правам человека с Общественной палатой организовано на территории всей Российской Федерации. В субъектах за это сотрудничество отвечают региональные омбудсмены и представители общественной палаты на местах.

Очевидно, что все большую актуальность приобретает взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с правозащитными некоммерческими организациями.

За 2019 год от них поступило 168 обращений, чаще всего затрагивались проблемы защиты прав человека в уголовном процессе, в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, а также в сфере здравоохранения [2].

Представители правозащитных некоммерческих организаций являются постоянными участниками конференций и круглых столов, участвуют в выработке решений и рекомендаций по актуальным проблемам. Омбудсмен, в свою очередь, оказывает им весомую поддержку. Наиболее активное сотрудничество ведется с комитетом «Гражданского содействия», фондом «За права человека» и Московской Хельсинской группой.

Особо отмечается, что аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации взаимодействует с Всероссийским обществом инвалидов, являющимся, в том числе, членом Международной организации инвалидов. Граждане этой категории нуждаются в особом внимании, имеют повышенные потребности, которые обеспечивали бы их нормальную жизнедеятельность. Поэтому 31 октября 2019 года Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации Татьяной Николаевной Москальковой было подписано соглашение о сотрудничестве с Всероссийским обществом инвалидов с целью усиления эффективности в сфере защиты прав инвалидов [4].

На современном этапе развития общества важную роль также играет обеспечение прав трудящихся. Зачастую их права и законные интересы не соблюдаются недобросовестными работодателями. Наиболее частыми проблемами являются нарушение правил охраны труда, непредоставление отпуска и несвоевременная выплата заработной платы. Интересы работников представляют

такие общественные объединения как профессиональные союзы. В этом контексте организуется правозащитное взаимодействие Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации и профессиональных союзов. Например, 15 октября 2020 года было подписано соглашение о сотрудничестве между Московской федерацией профессиональных союзов и Уполномоченным по правам человека в городе Москва.

Это соглашение предполагает взаимный обмен информацией, проведение совместных мероприятий по правовому просвещению граждан в социально-трудовой сфере, участие в разработке предложений по совершенствованию законодательства, участие в межрегиональном и международном сотрудничестве в области прав человека в социально-трудовой сфере [5].

Защите прав работников, обеспечению взаимодействия между омбудсменом и профессиональными союзами способствуют также правовые инспекции труда.

Например, одним из направлений деятельности правовой инспекции труда Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации является подготовка материалов для обращений в аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, а также оказание помощи членам Профессионального союза в подготовке обращений в Европейский Суд по правам человека [6].

Всего Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации за 2019 год было рассмотрено 40 обращений в сфере труда [2]. Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что система сотрудничества между профессиональными союзами и Уполномоченными является достаточно эффективным, предоставляя трудящимся широкие возможности для защиты их прав и законных интересов, в особенности на уровне регионов.

В последнее время остро стоит проблема соблюдения прав заключенных в местах лишения свободы. В данном секторе произошел рост количества обращений на 13 % [2]. Соответственно, здесь усилилось правозащитное взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, а также общественных объединений.

Активную деятельность ведет фонд «В защиту прав заключенных», центр содействия реформе уголовного правосудия «Тюрьма и воля». Совместным проектом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Директората по защите прав человека Совета Европы является «Россия без пыток», согласно которому общественные наблюдательные комиссии осуществляют контроль за соблюдением прав заключенных в местах лишения свободы.

В Белгородской области также действует такая комиссия, состоящая из десяти человек. Активное содействие оказывает Уполномоченный по правам человека Белгородской области А.Г. Панин и его аппарат.

Например, 11 февраля 2020 года Уполномоченный по правам человека в Белгородской области Александр Григорьевич Панин, а также представители Общественной наблюдательной комиссии Белгородской области встретились с осужденными, отбывающими наказание в Новооскольской воспитательной колонии и исправительной колонии № 4 г. Алексеевка [7]. Также 29 февраля 2020 года референт Уполномоченного Алексей Васильевич Шелякин посетил УМВД России по г. Старому Осколу и ОМВД России по г. Губкину. В ходе этих мероприятий нарушений прав и законных интересов не было выявлено [7].

Подводя промежуточный итог, можно отметить, что в сфере защиты прав заключенных в местах лишения свободы правозащитное взаимодействие Уполномоченных и общественных объединений также имеет значимое место, помогая предупреждать и предотвращать случаи нарушения прав заключенных.

Правозащитное взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации организуется и с благотворительными фондами. Они играют важную роль в современном обществе, содействуя помощи нуждающимся, обеспечивая их права. Ярким примером такого сотрудничества является соглашение между Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и «Российским детским фондом» А.А. Лиханова.

Это социальное партнерство установлено с целью защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, охраны и поддержки материнства и отцовства, борьбы с социальным сиротством и бедностью, пропаганды здорового образа жизни, культурного развития и воспитания детей, планирования и реализации совместных мероприятий [8].

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в рамках своей компетенции оказывает содействие «Российскому детскому фонду» в рассмотрении обращений граждан по вышеупомянутым вопросам. В свою очередь, Фонд информирует омбудсмена о выявленных фактах нарушений прав и законных интересов граждан. Кроме того, организуется совместная работа по совершенствованию законодательства, проведению совместных проверок информации о нарушениях прав и организации просветительских мероприятий и консультаций для населения.

Однако менее активным является правозащитное взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с молодежными общественными организациями. Полагаем, представляется необходимым повысить эффективность их сотрудничества посредством создания молодежного общественного экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в

Российской Федерации и Уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. Эта необходимость объясняется тем, что молодое поколение достаточно активно и прогрессивно и может оказать эффективное содействие в выявлении случаев нарушений прав человека, в том числе в сфере образования. Также еще одним аспектом взаимодействия может быть организация диалогов, круглых столов и конференций с ведущими российскими молодежными организациями, например, «Российским Союзом Молодежи».

Не остается без нашего внимания и тот факт, что общественные объединения вносят большой теоретический и практический вклад в развитие правозащитной системы Российской Федерации, поэтому для них предусмотрены определенные меры государственной поддержки.

В последнее время наиболее популярной формой государственной поддержки общественных объединений, работа которых осуществляется в рамках правового поля, являются президентские гранты, полномочия по распределению которых предоставлены Фонду президентских грантов, в работе которого принимает участие Уполномоченный по права человека в Российской Федерации [9].

Общая сумма президентских грантов в 2019 году составила более 110 000 000 рублей, из которых на содействие деятельности общественных некоммерческих организаций выделено 11 974 805 рублей [10]. Это значит, что гражданские правозащитные инициативы берутся во внимание и оцениваются высшими должностными лицами, в том числе Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, получая весомую поддержку и способствуя совершенствованию правозащитной системы государства, решению все большего числа правозащитных проблем.

По мнению Секретаря Общественной палаты Российской Федерации Лидии Юрьевны Михеевой, появление в Конституции поправки о поддержке институтов гражданского общества и некоммерческих организаций и обеспечении их участия в выработке государственной политики показывает отношение государства к гражданскому обществу как к партнеру [11].

На основании проведенного анализа мы также полагаем, что положительную роль для российской правовой действительности сыграло бы закрепление на законодательном уровне участия общественных объединений в правотворческом процессе по таким направлениям как предоставление информации, проведение социологических исследований для выявления мнения населения и анализ законопроектов в правозащитной сфере. Данные действия, на наш взгляд, позволили бы усовершенствовать правозащитную систему государства, вывести взаимодействие омбудсмена с общественными объединениями на новый

уровень и усовершенствовать законодательство в данной сфере, максимально обеспечив гарантиями возможность восстановления нарушенных прав.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что правозащитное взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с общественными объединениями является эффективным механизмом в системе обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом на уровне субъектов также ведется сотрудничество между Уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации и общественными объединениями. Их взаимодействие, на наш взгляд, способствует восстановлению нарушенных прав все большего числа граждан и представлению законных интересов различных категорий населения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

2. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://ombudsmanrf.org/>

3. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 15. Ст. 1277.

4. Официальный сайт «Российского агентства судебной и правовой информации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://rapsinews.ru/>

5. Электронная центральная профсоюзная газета «Солидарность» [Электронный ресурс]. – URL: <https://solidarnost.org/>

6. Постановление Президиума ЦК Профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации от 04.11.2002 №11 «Об утверждении положения о правовой инспекции труда профсоюза» // Сборник учебно-методических материалов Профсоюза работников народного образования и науки РФ. Москва, 2013

7. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Белгородской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://ombudsman.bel-region.ru/>

8. «Госновости.РФ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.govnews.ru/>

9. Указ Президента Российской Федерации от 3 апреля 2017 г. № 137 «О Координационном комитете по проведению конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества» // СЗ РФ. 2017. № 15. Ст. 2159.

10. Официальный сайт Фонда президентских грантов [Электронный ресурс]. – URL: <https://президентскиегранты.рф/>

11. «РИА Новости» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/>

Новицкий Богдан Игоревич

студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – доцент А.Е. Новикова

(Белгород, Россия)

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СПОРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению понятия «избирательные споры» и его содержания. Приведены и проанализированы подходы и интерпретации этого понятия среди специалистов. В работе исследовано влияние избирательных споров на избирательный процесс, определено их значение для процесса его совершенствования.

Ключевые слова: избирательный процесс, избирательные споры, выборы, избирательные права, избирательная система, нарушение избирательных прав, избиратели, стадии избирательного процесса.

Термин «избирательные споры» можно с полной уверенностью назвать «новеллой» для российского избирательного права. Это связано с тем, что в советский период их существования не могло быть по определению. На выборах любого уровня, проводившихся в СССР, отсутствовала политическая конкуренция и плюрализм в современном смысле. В выборах участвовала и соответственно непременно побеждала одна партия и в таких условиях не могла возникнуть ситуация, которую можно было бы охарактеризовать как «избирательный спор».

Положение изменилось с распадом СССР и принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году. Зафиксированные в ней положения явились основой демократических преобразований, в том числе, касающихся выборов и избирательного процесса.

Так, в ч. 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации установлено, что высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы [1]. В этой норме особое внимание следует обратить на формулировку «свободные выборы», которая подразумевает совершенно иной характер и порядок проведения выборов по сравнению с существовавшим ранее.

Огромное влияние на современные выборы оказала конституционная ст. 13, в ч. 1 которой говорится о признании в России идеологического многообразия, а в ч. 3 – политического многообразия и многопартийности.

Указанные нормы, полагаем, позволили образовать демократическую платформу выборов. Но в то же время они дали старт реальной политической борьбе между избирательными объединениями и кандидатами за голоса избирателей на выборах. В таких условиях неизбежно столкновение взаимоисключающих друг друга интересов различных участников избирательных правоотношений, что и является источником избирательных споров.

В настоящий момент федеральное и региональное законодательство не оперируют понятием избирательных споров. Вместо него используется термин «обжалование нарушений избирательных прав граждан». Идентичное название, в частности носит десятая глава Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В ч. 1 ст. 75, открывающей данную главу указано, что: «Решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, а также решения и действия (бездействие) комиссий и их должностных лиц, нарушающие избирательные права граждан и право граждан на участие в референдуме, могут быть обжалованы в суд» [2].

Однако между понятиями «избирательные споры» и «обжалование нарушений избирательных прав граждан» ни в коем случае не следует ставить знак равенства. Их отличия друг от друга заключаются как в содержании, так и в объёме общественных отношений, который они охватывают. Избирательные споры являются содержательно более ёмкой категорией, так как включают в себя не только порядок, в котором обжалуются нарушенные избирательные права граждан.

Отсутствие дефиниции на законодательном уровне открывает широкое поле научной дискуссии. При этом необходимо констатировать, что какого-либо общего подхода к интерпретации термина «избирательные споры» в среде специалистов не выработано.

Некоторые учёные в своих работах характеризуют избирательные споры как: «разногласия, расхождения, возникающие в связи с нарушениями избирательных прав граждан» [7, с. 54]. Однако подобное определение, на наш взгляд, нельзя считать приемлемым по причине его общего характера, оно не конкретизирует те особенности, которые отличают избирательные споры от сходных понятий.

Излишне узким представляется понимание этого термина В.И. Борисовым. По его мнению, избирательный спор представляет собой

«спор с целью проверки правильности актов и законности результатов голосования» [3, с. 102]. Этим определением к избирательным спорам отнесены только те проблемы и нарушения, которые возникли на стадии подведения итогов выборов соответствующей избирательной комиссией, никак не затрагивая этапы назначения, подготовки выборов, их проведения и т.д.

Более объективным представляется мнение Р.А. Охотникова: «избирательные споры – это избирательные правоотношения охранительного характера, в рамках которых посредством обжалования в установленном законодательством Российской Федерации административном (инстанционном) и судебном порядке разрешаются конфликтные ситуации, возникающие в связи с реальным или предполагаемым нарушением избирательных прав граждан» [6, с. 9]. Этим определением автор подтверждает широкий и многогранный характер, присущий избирательным спорам, распространяя его на все правоотношения охранительного характера, возникающие между участниками избирательного процесса.

Созвучная, хотя и более сжатая дефиниция приведена в их совместной работе с С.Д. Князевым. В ней отмечено, что: «избирательный спор – это спор по поводу реального или предполагаемого нарушения каких-либо избирательных прав граждан» [5, с. 19].

Некоторые специалисты дают ещё более широкое определение избирательных споров. Так, например, Е.П. Ищенко и А.Е. Ищенко придерживаются мнения об избирательных спорах, как спорах по поводу применения законодательства о выборах, возникающих при назначении, подготовке, проведении и установлении результатов выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также в период между выборами, которые разрешаются избирательными комиссиями разных уровней либо в судебном порядке [4, с. 9].

Данная дефиниция является, по нашему мнению, наиболее предпочтительной в силу того, что содержит целый ряд важных дополнений в сравнении с приведенными выше. В частности, подчеркивается, что избирательные споры – это споры, возникающие не только на стадии подведения итогов голосования в рамках избирательного процесса, но также на протяжении всего избирательного цикла и в период между избирательными компаниями.

В порядке резюме отметим следующее. Несмотря на все разночтения и разногласия, которые имеются у специалистов по поводу содержания и определения термина «избирательные споры», не один из них не рассматривает их как негативное явление избирательного процесса в Российской Федерации. По нашему мнению, такой подход является объективным, так как невозможно представить себе избирательную систему, в которой не существовало бы разногласия между её субъектами, разночтений в понимании нормативно-правовых

норм и пробелов в законодательстве. Полагаем, именно избирательные споры представляют собой тот инструмент, который способствует минимизации этих проблем и шероховатостей. Избирательные споры также способствуют повышению избирательной, и в целом политической грамотности граждан, давая им возможность отстаивать свои избирательные права.

Таким образом, избирательные споры представляют собой не проблему для избирательной системы Российской Федерации, а один из потенциальных инструментов для их решения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

3. Туманова Л.В., Туманов М.А. Избирательный процесс в Российской Федерации: социологические и политико-правовые аспекты. М.: ТК Велби: Проспект, 2004. 414 с.

4. Борисов В., Ильюхов А., Кажанов О. Словарь по конституционному праву Российской Федерации. М., 2003. 364 с.

5. Охотников Р. А. Избирательные споры: Понятие, структура, порядок рассмотрения: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Омск, 2006. 30 с.

6. Князев С.Д., Охотников Р.А. Избирательные споры: теория и практика // Избирательное право. 2006. № 1. С. 18-25.

7. Ищенко Е.П., Ищенко А.Е. Избирательные споры: возникновение, разрешение, предупреждение. М.: РЦИОТ, 2002. 139 с.

Репникова Анна Дмитриевна
студентка юридического института НИУ БелГУ,
Тарланова Наиля Галимовна
студентка юридического института НИУ БелГУ

Научный руководитель – доцент В.В. Кутько
(Белгород, Россия)

ВОЛОНТЕРСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопросы правового регулирования волонтерской деятельности сквозь призму реализации правозащитной функции. Уделяется внимание различным формам и направлениям осуществления волонтерской деятельности. Анализируются возможности и дальнейшие перспективы волонтерства в сфере реализации прав и законных интересов граждан.

Ключевые слова: волонтерство, права и свободы, правозащитная функция государства.

Конституция России провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, устанавливая, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [1]. Проблемой для любого общества и государства является реальное использование каждым человеком своих прав и свобод, а в случаях возникновения споров, конфликтов, правонарушений – наступление эффективной, надежной их охраны и защиты [2, с. 7]. Однако государство не может позаботиться о каждом в силу объективных причин, оно лишь может создать условия и механизмы для реализации нормативно закрепленных правомочий. В условиях, когда какие-то категории граждан не могут реализовать свои права и законные интересы на помощь приходят волонтеры. Волонтерская деятельность широко распространена во всех странах мира. Причем труд волонтеров с каждым годом становится все более значимым ресурсом мировой экономики.

В последние годы волонтерская деятельность приобретает все большую популярность среди молодежи. Молодые люди проявляют себя во многих сферах студенческой жизни, поэтому привлекаются к деятельности волонтеров по нескольким направлениям. Они становятся социальными волонтерами – помогают пожилым людям, людям с ограниченными возможностями, а также всем тем, кто в этом нуждается. Также существуют информационные волонтеры.

Данное направление стало популярно вследствие перехода на дистанционный режим работы в условиях предотвращения распространения коронавирусной инфекции. Кроме того, особого внимания заслуживает деятельность волонтеров–медиков.

Интересной и важной темой также стала деятельность волонтеров, осуществляющих совою деятельность в юридической и правозащитной сфере. Не удивительно, что на данный момент именно это направление является особенно популярным среди студентов, обучающихся юридическим специальностям. Это обусловлено тем, что правозащитная тематика для студентов – это возможность получить особые знания и практический опыт, раскрыть свой творческий потенциал.

Волонтеры – это люди, которым не безразлична жизнь людей, попавших в беду. Волонтеры стараются на благо общества, делают работу многих организаций более простой [3, с. 8].

Наиболее простой и доступной сферой раскрытия своего потенциала для «правовых» волонтеров является участие в деятельности юридических клиник.

Следует помнить, что работники клиники помогают приходящим людям полностью безвозмездно [4], получая при этом опыт и новые знания, а значит их деятельность вполне можно считать волонтерской.

Юридические клиники оказывают бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной и письменной форме. Их сотрудники оказывают правовые услуги по составлению заявлений, различных жалоб, ходатайств и других юридических документов.

Консультации в юридических клиниках обычно проводят студенты старших курсов, обучающихся юридическим специальностям, под контролем преподавателей, практикующих юристов и даже выпускников учебного заведения. Попасть в юридическую клинику может и первокурсник, но первое время он будет проходить обучение, наблюдать за работой старших коллег.

Очевидно, что достоинств юридических клиник в разы больше, чем недостатков. Деятельность клиник полезна как обычным студентам (они получают юридические консультации по всем интересующим их вопросам), так и их посетителям (любым гражданам, зачастую относящимся к таким категориям, которые требуют дополнительной помощи и поддержки – пенсионеры, малообеспеченные и другие). Для многих людей деятельность юридической клиники является настоящим спасением.

Так как все юридические клиники являются непосредственными участниками негосударственной системы бесплатной юридической помощи, они крайне старательно поддерживают высокий уровень качества своей работы.

Этот фактор дает прекрасную возможность готовить хороших квалифицированных специалистов в области юриспруденции, а также позволяет получать специализированную помощь в юридической сфере.

Согласно положениям Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», бесплатная юридическая помощь оказывается в виде:

- 1) правового консультирования в устной и письменной форме;
- 2) составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера;
- 3) представления интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации [4].

Иными словами, в статье 6 вышеуказанного Федерального Закона описан практически полный функционал любой юридической клиники.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет не обошла идея создания юридической клиники. Данное учреждение было создано на базе юридического института НИУ «БелГУ».

Юридическая клиника НИУ «БелГУ» успешно функционирует еще с 2001 года. Ее официальное название – Научно-исследовательская лаборатория правовых исследований. Клиника оказывает консультационные услуги как социально незащищенным слоям населения, так и любым обратившимся за помощью гражданам на бесплатной основе.

К целям деятельности юридической клиники можно отнести базовое обучение студентов навыкам практической работы и оказание юридической помощи населению по вопросам гражданского, жилищного, семейного, административного, трудового и наследственного права, а также защиты прав потребителей.

К их деятельности относится устное и письменное консультирование клиентов. Работниками клиники осуществляется составление различных процессуальных документов – исковых заявлений, ходатайств, претензий и жалоб.

Сотрудники клиники проходят отбор и некую аттестацию, для подтверждения знаний в правовой сфере на высоком уровне.

Для поддержания работы клиники, выбираются кураторы. Кураторами НИИЛ правовых исследований являются преподаватели юридического института, которые уже имеют ученые степени кандидата юридических наук. Преподаватели помогают студентам-консультантам в разрешении наиболее сложных ситуаций и правовых коллизий.

Сотрудники клиники проводят ряд тренингов для обучающихся колледжей, школ и иных учебных заведений, где рассказывают и показывают особенности работы в правовой сфере. Кроме того, представители лаборатории ча-

сто посещают школы, проводят лекции и интерактивы. Такие визиты дают возможность изучить школьникам основы права.

В рамках деятельности лаборатории реализуются соглашения, заключенные между руководством института и прокуратурой Белгородской области, аппаратами уполномоченных по правам человека в Белгородской области и по правам ребёнка в регионе, Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Белгородской области, региональным отделением Ассоциации юристов России. Осуществляется сотрудничество с ГТРК-Белгород (Радио «Россия»), управлением социальной защиты и управлением молодёжной политики г. Белгорода по консультированию граждан.

Также важно отметить, что юридическая клиника сотрудничает с психологической службой НИУ «БелГУ». Консультанты ведут правовую рубрику на университетском радио «БЕЛый ГУсь». Перечисленные формы осуществления волонтерской деятельности в правовой сфере выполняют важную социально-психологическую функцию – все большее количество людей убеждается в том, что провозглашение приоритета прав и свобод человека – это не декларативное заявление, а реальность.

В 2020 году стало популярным движение «Волонтеры Конституции». Деятельность волонтеров Конституции можно назвать правозащитной, так как Конституция является основным законом страны, где прописаны права, свободы, обязанности граждан Российской Федерации, а также обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Центры движения «Волонтеры Конституции» были образованы почти в каждом высшем учебном заведении страны. В НИУ «БелГУ» на базе Клуба молодого избирателя «Перспектива» также было организовано волонтерское движение.

Студенты, являющиеся волонтерами Конституции, не только помогали изучать поправки, давали их трактовку и проводили агитационные мероприятия, но и связывались лично с отдельными категориями жителей Белгородской области.

Волонтерами Конституции была проведена большая работа в рамках взаимодействия с участковыми избирательными комиссиями. Студенты–волонтеры оповещали потенциальных голосующих о процедуре и порядке голосования, оказывали помощь непосредственно на участках в день голосования.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что волонтерская деятельность набирает все большую популярность в молодежной среде и несомненно важной частью этой работы следует считать правозащитную деятельность волонтеров. Эта деятельность дает возможность получить квалифицированную помощь уже опытных специалистов на бесплатной основе. Волонтеры-юристы также, как и

волонтеры, проявляющие себя в иных направлениях волонтерской деятельности, как правило, помогают социально незащищенным слоям населения.

Владение определенными знаниями и умениями в рамках выбранной специальности, стремление к постоянному самообразованию, ответственность и трудолюбие личности в будущем способны обеспечить успешное профессиональное становление. Волонтерские практики обладают морально-эстетической ценностью, они способны воплотить дефицит взаимопонимания и ответственности, особенно в молодежной среде.

Значение правозащитной деятельности волонтеров сложно переоценить. Ведь именно они, каждый день помогая гражданам реализовывать свои права и законные интересы, укрепляют их веру в эффективность работы государства, в то, что защита прав и свобод человека и гражданина – это действительно приоритетное направление правовой политики современного Российского государства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) // Российская газета. 2020, 4 июля 2020 г. № 144.

2. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. – 448 с.

3. Конвисарева, Л. П. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи: автореф. ... канд. пед. наук / Л. П. Конвисарева. – Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2006. 24 с.

4. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Российская газета. 2011, 23 ноября 2011 г. № 263.

Хлебникова Татьяна Сергеевна
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – доцент А.Е. Новикова
(Белгород, Россия)

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА КАНДИДАТОВ

Аннотация. В статье представлен краткий анализ способов защиты чести и достоинства кандидатов в рамках избирательных кампаний; сделаны выводы о важности учета правовых особенностей административного и судебного способов защиты; выявлены недостатки правового регулирования заявленных правозащитных форм.

Ключевые слова: защита чести и достоинства, кандидаты, избирательное право, суд, административный порядок.

Защита чести и достоинства кандидатов особенно актуализируется в период проведения избирательных кампаний. В этой связи в данной статье нами уделено внимание регулятивному и прикладному аспектам заявленного вопроса.

Проблемный характер защиты чести и достоинства кандидатов заключается в поисках границ в сопоставлении со свободой слова в контексте бурного развития средств коммуникации.

Теоретически в рассматриваемой теме можно отталкиваться от тезисов В.В. Игнатенко: «Честь кандидата – это общественная, внешняя оценка качеств личности, т.е. каким его считают окружающие; достоинство кандидата представляет собой оценку кандидатом собственных личностных качеств и способностей, т.е. каким человеком считает себя он сам; под деловой репутацией кандидата, избирательного объединения понимается сложившаяся общественная оценка достоинств и недостатков кандидата, избирательного объединения» [1, с. 366].

Основу правовой защиты чести и достоинства кандидатов составляет Конституция Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2) [2]. Непосредственное отношение к защите чести и достоинства кандидатов имеет установление ч. 1 ст. 23: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». Как верно отмечается в лите-

ратуре, специфика субъективного права на честь и достоинство заключается в том, что оно защищается не только при помощи конструкции самого субъективного права, но и системой всех конституционных прав, свобод и обязанностей, а также механизмом их реализации [3, с. 127]. Последний находит свою дальнейшую реализацию в гражданском и административном законодательстве.

Действующим российским законодательством предусмотрена возможность защиты чести и достоинства кандидатов как во внесудебном, так и судебном порядке.

Во внесудебном порядке основным инструментом защиты чести и достоинства кандидатов является право на опровержение или иное разъяснение в СМИ. Так, ст. 43 Закона РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» закрепляет за гражданами и организациями право на опровержение в СМИ, которое заключается в возможности «потребовать от редакции не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинства сведений, которые были распространены в данном СМИ» [4]. Более того, в п. 6 ст. 56 федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» установлена норма о специальных сроках и отдельных правилах опубликования опровержения или иного разъяснения в СМИ в период избирательной кампании [5]. Непредоставление кандидату возможности опровержения или иного разъяснения в СМИ влечет юридическую ответственность последних.

На наш взгляд, один из проблемных аспектов нормативно-правового регулирования защиты чести и достоинства кандидатов – отсутствие возможности опровержения сведений, порочащих честь и достоинство кандидата, в иных источниках помимо СМИ (например, в иных печатных изданиях, аудиовизуальных и иных агитационных материалах кандидатов). Опровержение или иное разъяснение в том порядке, который предусмотрен Законом РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» возможно лишь в СМИ, т.е. в периодической форме распространения массовой информации, имеющей постоянное наименование (название) и зарегистрированной в порядке, установленном законом.

Что касается защиты чести и достоинства кандидатов в судебном порядке, то в настоящее время защита указанных прав может быть осуществлена в порядке, гражданского, уголовного и административного судопроизводства.

Как справедливо отмечает А.Г. Шин, «...в отличие от избирательного законодательства, допускающего опубликование опровержения или иного разъяснения в отношении как недостоверных, так и достоверных сведений, в судебном порядке опровергнуть возможно только такие сведения, которые не соот-

ветствуют действительности и являются по своему содержанию порочащими» [6, с. 24].

Еще одной важной особенностью судебного порядка защиты чести, достоинства или деловой репутации выступает то, что порочащими могут быть признаны сведения, размещенные не только в СМИ, но и содержащиеся также в агитационных материалах кандидатов, избирательных объединений, на сайтах Интернета, не являющихся СМИ, в публичных выступлениях, заявлениях других кандидатов, избирательных объединений, граждан, должностных лиц. Однако предметом судебной защиты в порядке ст. 152 Гражданского кодекса РФ является не всякое суждение, а лишь содержащее утверждение о конкретных фактах или событиях, которые не имели места.

Кроме того, существующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.03.2011 г. № 5 «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» представляется недостаточно эффективным для судебной практики [7]. Оно носит более разъяснительный характер по отношению к процедуре рассмотрения дел о защите избирательных прав граждан, но никоим образом не затрагивает вопрос об идее судебной защиты избирательных прав граждан, упоминая лишь необходимость соблюдения конституционной гарантии защиты избирательных прав граждан, заключающейся в обеспечении правильного и своевременного рассмотрения судами дел о защите указанных прав.

Таким образом, российским законодательством предусмотрена защита чести и достоинства кандидатов, как в административном, так и в судебном порядке. Однако каждый из них содержит недостатки. В этой связи, прибегая к правозащитному потенциалу заявленных порядков, необходимо оценить положительную перспективу. Безусловно, сохраняет актуальность дальнейшее совершенствование законодательства, посвящённого защите чести и достоинства кандидатов.

Литература:

1. Игнатенко В.В. Российское избирательное право от А до Я: словарь-справочник / под ред. В.В. Игнатенко. М.: Иркутск, 2013. 383 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
3. Барсукова В.Н. Законодательное регулирование института защиты чести и достоинства в российском государстве: дефекты, причины их возникновения и пути преодоления // Юридическая техника. 2015. № 11. С. 126-134.

4. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. 01.03.2020) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.

5. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 14.09.2020) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

6. Шин А.Г. Защита чести и достоинства кандидатов, деловой репутации кандидатов и избирательных объединений: законодательное регулирование и судебная практика // Избирательное право. 2014. № 2. С. 19-31.

7. О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 марта 2011 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 6.

**КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ:
СИМБИОЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ**

Ответственный редактор – профессор М.В. Мархгейм

Подписано в печать 25.11.2020
Бумага офсетная. Усл. печ. листов 13,1
Тираж 200 экз. Заказ № 1045.

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г. Белгород, ул. Калинина, 38-а,
Тел. (4722) 58-71-25 www.gikprint.ru girichev69@mail.ru
Св-во 001071155 от 13.04.2005 г.